

ВЕСТНИК МГЛУ

СЕРИЯ 1
ФИЛОЛОГИЯ № 6 (103) / 2019

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

Л. А. Тарасевич (*главный редактор*),
М. С. Рогачевская (*зам. главного редактора*),
А. Н. Баранов, А. Н. Гордей, Е. Г. Задворная,
Т. П. Карпилович, Г. Ф. Лепесская, Ю. В. Овсейчик,
А. А. Романовская, З. А. Харитончик

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

УДК 800
ББК 81.2
М34

Материалы республиканского конкурса работ исследова-
М34 тельского характера (конференции) учащихся по учебным предметам
«Английский язык», «Немецкий язык», «Французский язык», «Испан-
ский язык», «Китайский язык», г. Держинск 22–24 февр. 2019 г. –
Минск : МГЛУ, 2019. – 168 с.
ISBN 978-985-460-947-8.

Сборник содержит материалы докладов, представленных участниками заключительного этапа республиканского конкурса исследовательского характера (конференции) учащихся по английскому, немецкому, французскому, испанскому и китайскому языкам. Издание предназначено для школьников, родителей, а также для педагогических работников, специалистов системы образования и начальников управлений (отделов) образования, спорта и туризма. Работы публикуются в авторской редакции.

УДК 800
ББК 81.2

ISBN 978-985-460-947-8

© УО «Минский государственный
лингвистический университет», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

<i>Воробей А. Н.</i> Соотношение семантической и морфологической деривации при выборе производящих баз в сленге.....	7
<i>Зуевская Е. В.</i> Специфика передачи модальности побуждения при переводе с немецкого языка на русский	15
<i>Комаристова И. И.</i> Символизация прецедентных феноменов как динамический процесс	21
<i>Луцинская О. В.</i> Дискурсный анализ как научный метод исследования конвергентных средств массовой коммуникации	28
<i>Осмоловская И. Г.</i> Репрезентация эмоции страха в текстах рекламного дискурса (на материале немецкого и русского языков).....	35
<i>Субота К. І.</i> Семантычна недыферэнцыраваная рэдукцыя ў беларускай і англійскай мовах	45

Романское и германское языкознание

<i>Казловская Л. П., Канопа В.</i> Структурно-семантические особенности контаминантов в английском и французском языках	51
<i>Ломовая А. В.</i> Функции псевдообъекта в английских предложениях с деноминативными глаголами	58
<i>Неборская Л. Н., Леус А. М.</i> Языковая реализация категории вежливости в деловой интернет-коммуникации (на примере электронной деловой переписки коммерческих фирм)	66
<i>Соловьёва М. А.</i> Кинопроизведение как пример контейнирования	72
<i>Якубёнок Л. М.</i> Языковые особенности и прагматика иронических высказываний в процессе убеждения (на примере адвокатских речей на немецком языке)	79

Исследования славянских языков

<i>Гладко М. А.</i> Информационное пространство радио Беларуси	87
<i>Дзігadzюк В. П.</i> Граматычныя сродкі рэпрэзентацыі катэгорыі рэтраспекцыі ў творах В. Іпатавай і Л. Рублеўскай	94
<i>Курганова Н. И.</i> Языковое сознание белорусов через призму концепта «успех»	101
<i>Старастенко Т. Я.</i> Імпліцытная дыялагізацыя беларускага аўктарыяльнага наратыву	108

Литературоведение

<i>Анисимова М. А.</i> Черты позднего сентиментализма и предромантизма в элегии «Клифтон» Томаса Чаттертона.....	115
<i>Зиновьева К. А.</i> Women Writing Like Men Gender-Reversed Fictional Discourse	121
<i>Пятровіч А. Ю.</i> Успрыняцце і асэнсаванне смяротнасці ў ранняй паэзіі Луізы Глюк	129
<i>Рогачевская М. С.</i> Война и национальное сознание британцев в романах Пэт Баркер и Хелен Данмор	134
<i>Яо Юань.</i> «Американская мечта» в сознании американцев китайского происхождения	144
<i>Наши авторы</i>	151

CONTENTS

General and Typological Linguistics

<i>Vorobei A. N.</i> The Correlation Between Semantic and Morphological Derivation in Choosing Underlying Bases in Slang	7
<i>Zuevskaya E. V.</i> Specifics of Transmission of Imperative Modality when Translating from German into Russian.....	15
<i>Komaristova I. I.</i> Symbolisation of Precedent Phenomena as a Dynamic Process.....	21
<i>Luschinskaya O. V.</i> Discourse Analysis as a Scientific Method in Studying Convergent Mass Media.....	28
<i>Osmolovskaya I. G.</i> Representation of the Emotion of Fear in the Texts of Advertising Discourse (on the Material of German and Russian languages)	35
<i>Subbota K. I.</i> Semantically Undifferentiated Reduction in Belarusian and English.....	45

Romance and Germanic Linguistics

<i>Kazlovskaya L. P., Kanopa V.</i> Structure and Semantics of Contaminated Units in English and French	51
<i>Lomovaya A. V.</i> Functions of the Pseudo-Object in the English Sentences with Denominal Verbs	58
<i>Neborskaya L. N., Leus A. M.</i> Language Implementation of the Category of Politeness in Business Internet Communication (on the Example of Electronic Business Correspondence of Commercial Firms)	66
<i>Soloviova M. A.</i> Film as a Case of Containment	72
<i>Yakubionok L. M.</i> Language Features and Pragmatics of Ironic Statements in the Process of Persuasion (on the Example of German Defense Counsel Speeches)	79

Slavonic Languages

<i>Gladko M. A.</i> The Radio Media Space in Belarus.....	87
<i>Digadyuk V. P.</i> Grammatical Means of Representation of the Category of Retrospection in the Works of O. Ipatova and L. Rublevskaya	94
<i>Kurganova N. I.</i> Linguistic Consciousness of Belarusians Viewed through the Lens of the “Success” Concept.....	101
<i>Starascienka T. Y.</i> Implicit Dialogization of the Belarusian Auctorial Narrative	108

Studies in Literature

<i>Anisimova M. A.</i> Thomas Chatterton’s Elegy “Clifton” in the Context of Late Sentimentalism in English Poetry	115
<i>Zinovieva K. A.</i> Women Writing Like Men Gender-Reversed Fictional Discourse	121
<i>Piatrovich A. Y.</i> Perception and Interpretation of Mortality in Louise Glück’s Early Poetry	129
<i>Ragachewskaya M. S.</i> War and the British National Consciousness in the Novels of Pat Barker and Helen Dunmore	134
<i>Yao Yuan.</i> The American Dream in the Minds of Chinese Americans	144
<i>Our authors</i>	151

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ**А. Н. Воробей****СООТНОШЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ
И МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ
ПРИ ВЫБОРЕ ПРОИЗВОДЯЩИХ БАЗ В СЛЕНГЕ**

В статье рассматриваются факторы, определяющие участие лексических единиц в двух деривационных процессах – семантической и морфологической деривации в сленге. В силу специфики сленга как номинативной системы в нем возможно применение иных критериев, отличных от тех, которые традиционно используются в литературном языке, в частности, критерия принадлежности производящих баз к системе литературного языка или сленга. В результате проведенного исследования установлено, что подавляющее большинство производящих баз обоих видов деривации принадлежат системе литературного языка. В то же время специфика морфологической деривации проявляется при анализе ее отдельных способов: в отличие от выявленной тенденции для морфологической деривации в целом, в рамках аффиксации русского сленга шире задействованы сленговые производящие базы.

Факторы, обуславливающие участие лексических единиц в процессах семантической и морфологической деривации, были неоднократно описаны в лингвистической литературе на базе литературного языка и представляют собой совокупность разноуровневых характеристик лексических единиц – общекатегориальных [1; 2; 3], лексико-семантических [4; 5; 6; 7], этимологических [7; 8, с. 207] и др. [7; 9; 10, л. 120; 11, с. 13].

Поскольку материалом для проводимого исследования выступили субстандартные подсистемы английского и русского языков (общий сленг), не все вышепредставленные факторы могут быть использованы в качестве параметров сравнения действия семантической и морфологической деривации. Так, общекатегориальный критерий, или принадлежность производящей базы к определенной части речи, в дальнейшем не будет проанализирован, поскольку изначально материал исследования ограничен только именами существительными (13 352 лексико-семантических варианта в русском сленге; 21 285 лексико-семантических вариантов в американском сленге). Поэтому если в рамках морфологической деривации имена существительные могут быть образованы от производящих баз любой частеречной принадлежности, то при помощи семантической деривации образование имен существительных возможно только на основе производящих баз других существительных.

Трудности применения этимологического критерия в сленге обусловлены тем, что в формировании данного пласта лексики принимают участие разные типы лексических единиц – принадлежащие к литературному языку, сленгу и заимствования. Если определение этимологических параметров производящих баз литературного языка в большинстве случаев не вызывает затруднений в силу богатой лексикографической практики стандартной лексики обоих анализируемых языков, то словари сленга не дают надежных оснований для проведения этимологического анализа.

Кроме того, наличие в сленге неэтимологизированных слов признается многими учеными (о словах с этимологически «темными» корнями см. [12, с. 36]; также об «узнаваемых» и «неузнаваемых» заимствованиях см. [13, с. 12]). Так, в русском сленге зафиксировано слово *байданищик* ‘вокзальный вор’, производным для которого послужило существительное *байдан* ‘вокзал’, этимология которого неизвестна. От немотивированного сленгизма *берданка* ‘вагон, платформа’ образован сленгизм *берданничать* ‘воровать из вагона, в поезде, на платформе’. Аналогично в американском сленге: *to doss* ‘to sleep’ → *doss* ‘sleep’; *dosser* ‘a lodger or sleeper’; *doss house* ‘a very cheap lodging house’. Поэтому проведение диахронического анализа на материале сленговой лексики затруднено, в силу чего мы остановимся на синхронных параметрах производящих баз.

В силу вторичности сленга как номинативной системы [14, л. 116; 15, с. 49] при анализе деривационных процессов в сленге возможно применение и иных, сугубо сленговых критериев, в частности, критерия принадлежности лексической единицы, выступившей в качестве производящей базы для сленгизма, к системе литературного языка или сленга.

Исследователи сленга неоднократно отмечают, что в формировании его лексической системы принимают участие два типа производящих баз: общелитературные и сленговые. Наш материал подтверждает данную мысль: как семантические, так и морфологические дериваты задействуют оба типа производящих баз. Ср.:

to go (ЛЯ¹) → *goner* ‘a thing or person doomed to destruction’ (СЛ); *to doss* ‘to sleep’ (СЛ) → *dosser* ‘a sleeper’;

решето ‘тюрьма’; *сумка* (ЛЯ) → *сумарь* ‘сумка хиппи’; *скрип* ‘женская сумка’ (СЛ) → *скрипач* ‘вор, совершающий кражи из женских сумок’.

Анализ принадлежности производящих баз семантической и морфологической деривации к лексическим подсистемам литературного языка и сленга свидетельствует о том, что лексические единицы вышеуказанных подсистем по-разному задействованы в номинативных процессах в общем сленге.

Подавляющее большинство семантических дериватов в американском и русском сленге (72,9 и 90,8 %, соответственно) в качестве производящих баз задействуют лексические единицы литературного языка, что свидетельствует о бедности сленговой внутрисистемной деривации:

barbecue (ЛЯ) → *barbecue* ‘an informal social or business gathering’;

авоська ‘сетчатая сумка для продуктов, мелких предметов и т.п.’ (ЛЯ) → *авоська* ‘жена’.

Производящие базы сленга используются семантической деривацией в меньшем объеме в обоих языках (27,1 % в американском сленге; 9,2 % в русском сленге). Так, у сленгизма *подкидка*₁ ‘кража, совершаемая с исполь-

¹ Здесь и далее при описании материала используются следующие сокращения: ЛЯ – литературный язык; СЛ – сленг.

зованием подброшенного кошелька' образуется другое значение по метонимическому переносу «процесс – результат»: *подкидка*₂ 'кошелек, который подбрасывают при совершении кражи'. Ср. также:

*heavy sugar*₁ 'a large amount of money' (СЛ) → *heavy sugar*₂ 'a wealthy person';

*Hill*₁ 'Capitol Hill in Washington D.C.' (СЛ) → *Hill*₂ 'Congress, or its acts, rules and opinions'.

Таким образом, подавляющее большинство сленговых семантических дериватов в анализируемых языках задействуют производящие базы литературного языка. Однако, в отличие от русского, в американском сленге отмечено большее участие сленговых производящих баз в номинативных процессах (27,1 %), что, на наш взгляд, может быть обусловлено разными историческими условиями формирования сленговых подсистем английского и русского языков [16].

В отличие от семантической деривации в рамках морфологической деривации американский и русский сленг демонстрируют различные тенденции участия производящих баз литературного языка и сленга. В американском сленге, как и в случае с семантическими дериватами, большая часть морфологических дериватов задействуют производящие базы литературного языка (72,3 %): *bean* (ЛЯ) → *beaner* 'an excellent person or thing'. Производящие базы сленга задействованы в американском сленге в меньшем объеме (27,7 %): *to hit* 'to kill' (СЛ) → *hitter* 'a hired assassin'.

В русском сленге отмечена иная тенденция: производящие базы литературного языка и сленга задействованы примерно в одинаковом объеме (53,2 и 46,8 %, соответственно): *олимпийский* (ЛЯ) → *олимпик* 'студент, не сдавший зачет по физической подготовке'; *базарить* 'болтать' (СЛ) → *базарило* 'болтун'.

Разная степень представленности производящих баз литературного языка и сленга в процессах морфологической деривации анализируемых языков может быть, на наш взгляд, обусловлена спецификой распределения производящих баз в рамках отдельных способов морфологической деривации¹ (табл. 1):

Т а б л и ц а 1

Задействованность производящих баз литературного языка и сленга
отдельными способами морфологической деривации
в американском и русском сленге

Способ морфологической деривации	Производящие базы, %			
	Американский сленг		Русский сленг	
	ЛЯ	СЛ	ЛЯ	СЛ
аффиксация	62,7	37,3	48,4	51,6
конверсия	74,4	25,6	70,3	29,7
сокращение	82,5	17,5	83,2	16,8

¹ Производящие базы сложных слов анализировались отдельно в силу наличия в рамках сложного слова двух производящих баз, которые могут принадлежать системе как литературного языка, так и сленга.

Как видно из приведенных данных, производящие базы литературного языка и сленга по-разному представлены в отдельных способах морфологической деривации.

Аффиксальные производные американского сленга чаще задействуют производящие базы литературного языка (62,7 %) (*to listen* (ЛЯ) → *listener* ‘an ear’), в то время как сленгизмы представлены в меньшем объеме (37,3 %): *to erase* ‘to kill’ (СЛ) → *eraser* ‘a knockout’.

В русском сленге, напротив, производящие базы литературного языка и сленга в процессе аффиксации представлены примерно в одинаковом объеме (48,4 и 51,6 %, соответственно): *балерина* (ЛЯ) → *балерун* ‘танцовщик’; *ботан* ‘отличник’ (СЛ) → *ботанка* ‘отличница’. Данный факт может быть обусловлен широкой представленностью так называемых словообразовательных вариантов в русском сленге [17, с. 93–95].

В отличие от аффиксации подавляющее большинство конверсивных производных (74,4 % в американском сленге; 70,3 % в русском сленге) задействуют производящие базы литературного языка: *filthy* (ЛЯ) → *filthy* ‘money’; *to mingle* (ЛЯ) → *mingle* ‘a football game’; *to grunt* (ЛЯ) → *grunt* ‘a wrestler’;

желтое ‘золото’; *кривой* ‘нож, кинжал’; *бешеный* ‘начальник ИТУ с дурным или строгим характером’.

В меньшем объеме в американском и русском сленге в рамках конверсивных производных представлены производящие базы сленга (25,6 и 29,7 %, соответственно):

to bump-off ‘to murder’ (СЛ) → *bump-off* ‘a murder’; *to knock* ‘to criticize’ (СЛ) → *knock* ‘adverse criticism, a grudge’; *tony* ‘representing the best society or latest fashion’ (СЛ) → *tony* ‘socially prominent people’;

блатной ‘принадлежащий к преступному миру’ (СЛ) → *блатной* ‘вор’; *ментовский* ‘имеющий отношение к милиции; принадлежащий милиции’ → *ментовская* ‘отделение милиции’.

Вероятной причиной незначительной представленности сленговых производящих баз в рамках конверсивных производных является тот факт, что части речи, служащие высокопродуктивными производящими базами для субстантивных конверсивов в анализируемых языках (глаголы в американском сленге и имена прилагательные в русском сленге), представлены незначительно по сравнению с именами существительными [18].

Аналогичная тенденция отмечена и для сокращений: подавляющее большинство сокращений образовано от слов литературного языка (82,5 % в американском сленге; 83,2 % в русском сленге): *amp* ‘an amroule of a drug’; *мокасы* ‘ботинки, сапоги, обувь’. В меньшем объеме в американском и русском сленге в рамках сокращений представлены производящие базы сленга (17,5 и 16,8 %, соответственно): *bunk* ‘boloney, exaggeration, lies, cant’ (от *bunkum* в том же значении); *вант* ‘удача’ (от *вантаж* в том же значении).

Одной из причин незначительного использования сленговых производящих баз для сокращений в обоих языках является изначальная стилисти-

ческая маркированность сленгизмов, что в некоторой степени препятствует их использованию данным способом морфологической деривации, в результате которого создаются лексические единицы с затемненной внутренней формой.

Анализ производящих баз сложных слов в обоих языках осуществлялся отдельно, так как двухсоставный характер сложного слова обуславливает наличие нескольких возможных комбинаций производящих баз. Принадлежность производящих баз сложного слова к литературному языку или сленгу определялась путем последовательного сопоставления с лексическими единицами анализируемых пластов лексики. Зачастую лексическая единица входила в состав сложных сленгизмов и в литературном, и в сленговом значении:

black diamonds ‘coal’ (ЛЯ + ЛЯ) – *diamond-cracker* ‘a fireman on a coal-burning locomotive’ (СЛ + ЛЯ) (*diamonds* ‘coal’ (СЛ));

noodle-twister ‘a cigar-maker who makes cigars by hand’ (ЛЯ + ЛЯ) – *noodle-work* ‘thinking, studying’ (СЛ + ЛЯ) (*noodle* ‘brain’ (СЛ));

зверофак ‘биологический факультет’ (ЛЯ + ЛЯ) – *зверобой* ‘тот, кто дерется с представителями южных республик’ (СЛ + ЛЯ) (*зверь* ‘представитель южных республик’);

таблетолог ‘врач’ (ЛЯ + ЛЯ) – *таблетолог* ‘наркоман, употребляющий таблетки, содержащие наркотические вещества’ (ЛЯ + СЛ) (*таблетка* ‘наркотик в таблетке’ (СЛ)).

В результате были выделены следующие комбинации производящих баз сложных слов в зависимости от их принадлежности к литературному языку или сленгу (табл. 2):

Т а б л и ц а 2

Производящие базы сложных слов американского и русского сленга

Комбинация производящих баз	Американский сленг, %	Русский сленг, %
ЛЯ + ЛЯ	72,4	64
ЛЯ + СЛ	14,2	8,5
СЛ + ЛЯ	9,8	18,6
СЛ + СЛ	3,6	8,9
Всего	100	100

В обоих языках в рамках сложных слов отмечены четыре возможные комбинации производящих баз, в рамках которых ведущей в обоих языках оказывается модель «ЛЯ + ЛЯ» (72,4 % в АС; 64 % в РС): *candy man* ‘a drug pusher or dealer’; *agony-pipe* ‘a clarinet’; *базар-вокзал* ‘шумное, грязноватое место’; *мальчик-колокольчик* ‘совершенно никчемная личность’.

В значительно меньшем объеме в анализируемых языках представлены смешанные модели, в состав которых входят как слова литературного языка, так и слова сленга. Так, второй по количественной представленности в американском сленге оказывается смешанная модель «ЛЯ + СЛ» (14,2 %) (*mud-snoot* ‘a disliked person’ (*snoot* ‘the human nose’ (СЛ)); в то время как в русском сленге – модель «СЛ + ЛЯ» (18,6 %) (*ксива-вездеход* ‘служебное удостоверение работника правоохранительных органов’ (*ксива* ‘любой документ’ (СЛ)).

Смешанная модель американского сленга «СЛ + ЛЯ» (9,8 %), а также модель «ЛЯ + СЛ» в русском сленге (8,5 %) в количественном отношении представлены примерно в одинаковом объеме: *crumb house* ‘a flop-house infested with lice’ (*crumb* ‘a louse’ (СЛ)); *самородок-скачок* ‘крупный вор-взломщик’ (*самородок* ‘вор-взломщик’ (СЛ)).

Различия в выделенных моделях в анализируемых языках касаются модели, в которой представлены только сленгизмы: в русском сленге модель «СЛ + СЛ» практически в 3 раза превышает соответствующую модель в американском сленге (8,9 и 3,6 % соответственно): *juicehead* ‘a heavy drinker’ (*juice* ‘liquor’ (СЛ) + *head* ‘a person’ (СЛ)); *чистодел* ‘удачливый умелый вор’ (*чисто* ‘ловко, не внушая подозрений’ (СЛ) + *дело* ‘преступление’ (СЛ)).

Вероятной причиной такого расхождения может быть тот факт, что в состав подобных сложных слов в русском сленге зачастую входят заимствования, удельный вес которых в целом выше, чем в американском сленге (согласно нашим подсчетам 4 % в американском сленге; 12,5 % в русском сленге): *халявстори* ‘впечатляющий рассказ о чем-либо’ (*халява* ‘удовлетворение потребностей за чужой счет, бесплатно’ (СЛ) + *стори* ‘рассказ’ (СЛ)); *фазер-мазер* ‘родители’ (*фазер* ‘папа’ (СЛ) + *мазер* ‘мама’ (СЛ)).

Таким образом, проведенный сравнительный анализ участия производящих баз литературного языка и сленга в процессах семантической и морфологической деривации анализируемых языков свидетельствует о несколько отличных тенденциях (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Участие производящих баз литературного языка и сленга
в номинативных процессах сленга

Тип производящей базы	Американский сленг, %		Русский сленг, %	
	деривация		деривация	
	семанти- ческая	морфологи- ческая	семанти- ческая	морфологи- ческая
производящие базы ЛЯ	72,9	72,3	90,8	53,2
производящие базы СЛ	27,1	27,7	9,2	46,8
Всего	100	100	100	100

Как видно из приведенной таблицы, различия в анализируемых языках касаются удельного веса задействованных пластов лексики в процессе морфологической деривации. В американском сленге производящие базы литературного языка и сленга представлены в одинаковой пропорции как в процессе семантической, так и морфологической деривации. В русском сленге, напротив, семантическая деривация в абсолютном большинстве случаев задействует производящие базы литературного языка, в то время как в рамках морфологической деривации оба типа производящих баз представлены примерно в одинаковом объеме, что вероятно связано со словообразовательной адаптацией заимствований, количественные показатели которых выше в русском сленге. Кроме того, еще одной причиной подобного

расхождения в русском сленге может быть бо́льшая развитость морфологической деривации, в частности аффиксации, в диапазон действия которой вовлекаются как литературные, так и сленговые производящие базы.

Широкая представленность в рамках семантических дериватов русского сленга литературных производящих баз может отчасти быть обусловлена более краткой, по сравнению с американским сленгом, историей развития русского, что в определенной степени не способствует развитию внутрисленговой семантической деривации.

Таким образом, в силу специфики сленга как вторичной системы номинации по отношению к литературному языку как в рамках семантической, так и морфологической деривации подавляющее большинство сленгизмов образуется на основе литературных производящих баз, что свидетельствует о незначительном деривационном потенциале сленга.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Резанова, З. И.* Словообразующие возможности имени существительного (на материале современного русского литературного языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / З. И. Резанова. – Томск, 1983. – 20 с.
2. *Тихонов, А. Н.* Формально-семантические отношения слов в словообразовательном гнезде : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / А. Н. Тихонов ; Акад. наук СССР, Ин-т рус. языка. – М., 1974. – 35 с.
3. *Улуханов, И. С.* Значения словообразовательных суффиксов и часть речи мотивирующих слов / И. С. Улуханов // Филол. науки. – 1974. – № 4. – С. 61–69.
4. *Дергаусова, О. В.* Словообразовательные гнезда непроеизводных глаголов основных лексико-семантических групп современного английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О. В. Дергаусова ; Минск. гос. пед. ин-т иностр. яз. – Минск, 1980. – 21 с.
5. *Ольшанский, И. Г.* Лексическая полисемия в современном немецком языке : системные, коммуникативные и лексикографические аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / И. Г. Ольшанский ; Моск. гос. лингвист. ун-т. – М., 1991. – 51 с.
6. *Трифорова, Н. С.* Зависимость словообразовательного потенциала слова от его лексико-семантических характеристик : на материале английских и русских цветообозначений : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н. С. Трифорова. – Ростов н/Д, 1986. – 307 л.
7. *Харитончик, З. А.* Семантика суффиксального производного слова (на материале прилагательных современного английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / З. А. Харитончик ; Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. – М., 1971. – 24 с.
8. *Кубрякова, Е. С.* О словообразовательном значении и описании смысловой структуры производных суффиксального типа / Е. С. Кубрякова, З. А. Харитончик // Принципы и методы семантических исследований : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания ; под ред. В. Н. Ярцевой. – М., 1976. – С. 202–233.

9. Гинзбург, Е. Л. Словообразование и синтаксис / Е. Л. Гинзбург. – М. : Наука, 1979. – 264 с.
10. Патеичук, Н. Ф. Связующие компоненты, свойства и типы семантических структур многозначных слов : на материале имен существительных современного немецкого языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. Ф. Патеичук. – Минск, 2010. – 268 л.
11. Тихонов, А. Н. Формально-семантические отношения слов в словообразовательном гнезде : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / А. Н. Тихонов ; Акад. наук СССР, Ин-т рус. языка. – М., 1974. – 35 с.
12. Бондалетов, В. Д. Условные языки русских ремесленников и торговцев / В. Д. Бондалетов ; под ред. и с предисл. Ф. П. Филина. – Рязань : Рязан. гос. пед. ин-т, 1974. – Вып. 1 : Условные языки как особый тип социальных диалектов. – 111 с.
13. Аббасова, Б. М. Социолингвистические и лингвистические основы явления заимствования в разносистемных языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Б. М. Аббасова ; Азерб. пед. ин-т русск. яз. и лит. – Баку, 1992. – 22 с.
14. Быков, В. Б. Лексикологические и лексикографические проблемы исследования русского субстандарта : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 ; 10.02.20 / В. Б. Быков. – М., 2001. – 311 л.
15. Лукашанец, Е. Г. Отталкивание и аттракция в арготической деривации / Е. Г. Лукашанец // Дни науки МГЛУ – 2007 : материалы ежегод. науч. конф. преподавателей и аспирантов ун-та, Минск, 24–25 апр. 2007 г. : в 5 ч. / Минск. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: Н. П. Баранова [и др.]. – Минск, 2007. – Ч. 2. – С. 49–50.
16. Рябичкина, Г. В. Проблемы субстандартной лексикографии английского и русского языков : теоретический и прикладной аспекты : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Г. В. Рябичкина. – Пятигорск, 2009. – 389 л.
17. Лукашанец, Е. Г. Словообразовательная система русского арго и проблемы ее описания / Е. Г. Лукашанец. – Минск : МГЛУ, 2007. – 300 с.
18. Шмачков, С. А. Современный студенческий жаргон : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С. А. Шмачков. – Пенза, 2005. – 168 л.

The article deals with factors determining the participation of lexical units in semantic and morphological derivation in slang. Due to the specificity of slang as a naming system it allows to choose criteria which differ from the ones traditionally used in the literary language, that is the criterion of belonging of underlying bases to the system of literary language or slang. The research reveals that the biggest number of underlying bases employed in two derivational processes belong to the system of literary language. At the same time, specific features of morphological derivation are revealed while analyzing its types separately. It is shown that affixation in Russian slang employs slang underlying bases wider, and that differs from the general tendency.

Поступила в редакцию 12.11.2019

СПЕЦИФИКА ПЕРЕДАЧИ МОДАЛЬНОСТИ ПОБУЖДЕНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

В статье рассматриваются способы передачи модальности побуждения при переводе с немецкого языка на русский на основании изучения перевода молодежного сериала «Türkisch für Anfänger». В ходе изучения отобранного корпуса материала выделены закономерности, согласно которым осуществляется перевод средств выражения побуждения, и установлены сложности, с которыми сталкиваются переводчики при передаче категоричности побудительных высказываний.

В немецком языке существует целый ряд средств выражения модальности побуждения, среди которых императив, презенс и футур I актив, безличный пассив, презенс конъюнктив, конъюнктив II, инфинитив I, причастие II, модальный глагол + инфинитив I, конструкции *sein + zu + инфинитив* и *haben + zu + инфинитив*, псевдопридаточные предложения с союзом *dass*, односоставные предложения, императивные междометия и перформативные глаголы. Данные средства способны выражать различные оттенки побуждения: категорический приказ, запрет, призыв, распоряжение, нейтральное приказание, совет, просьбу, мольбу [1, с. 92–93; 2, S. 239–294; 3, S. 31–32].

Аналогично немецкому языку в русском языке также широко представлены различные средства выражения побуждения: наряду с повелительным наклонением используются формы 1-го и 2-го лица изъявительного наклонения настоящего и будущего времени, формы множественного и единственного числа прошедшего времени изъявительного наклонения, сослагательное наклонение, инфинитивы, неполные и вопросительные предложения, перформативные глаголы, императивные междометия, конструкции со словами *надо, нужно, пусть, пускай, давай* и т.п.

Особый интерес представляет собой специфика функционирования средств выражения побудительности в немецкой молодежной речи и особенности их перевода на русский язык, что и явилось целью настоящего исследования. Для его проведения из 12 серий молодежного сериала «Türkisch für Anfänger» и их переводов на русский язык были отобраны высказывания, содержащие модальность побуждения, общим количеством 537 предложений.

Проведенный анализ частотности отдельных языковых средств выражения побуждения в немецком языке продемонстрировал, что из всего спектра возможностей языка наибольшей частотностью обладает достаточно небольшое количество форм и конструкций, передающих все возможные оттенки категоричности побуждения в немецком языке (императив, презенс, футур I). Наряду с этим в молодежной речи редко используются конструкции, категоричность которых очень ярко маркирована и отражена в языковой системе, например, причастие II, инфинитив и псевдопридаточные предложения с союзом *dass*. Кроме того, практически не используются формы, типичные для письменной речи (например, презенс конъюнктив, пассивные конструкции и конструкции *haben/sein + zu + инфинитив*).

При этом из отобранных 537 микроконтекстов, содержащих средства выражения побуждения в немецком языке, только 497 контекстов были переведены традиционными средствами выражения побуждения в русском языке. 40 примеров выражения побудительности в немецком языке были переведены на русский язык имплицитными формами (повествовательными и вопросительными предложениями) либо вовсе опущены в переводе. Так, в следующих примерах переводчик использовал средства, отличные от типичных средств выражения модальности побуждения, воспользовавшись такими приемами перевода, как опущение, морфологическая трансформация и логическое развитие:

Träum weiter! – **Мечтать не вредно;**

Hey du, gib mir keine Tipps, ja. – **Обойдусь без советов;**

Mach mir'n Eisbeutel, ja! – **Лед есть?;**

Oder, lass es mich so sagen. – **Я тебе лучше спую;**

Erzähl du mir nicht, wie Jungs funktionieren! – **Ты мне еще объяснять будешь, как должны себя вести парни!.**

Наиболее часто переводчики опускают при переводе выражения *sag mal*, *guck mal* и *pass auf*, не выполняющие побудительной функции, а использующиеся с целью привлечения внимания собеседника:

Du, sag mal, hast du mal mit Cem geredet? – **А ты с Чемом поговорила?;**

Also pass auf, meine Mutter hat sich offensichtlich von diesem albanischen Terroristen getrennt. – **Знаешь, моя мать только что рассталась со своим албанским террористом;**

Guck mal, Mama ist da! – **О, мамочка пришла!.**

Применение трансформаций, таких как логическое развитие, добавление и описательный перевод представляется обоснованным, поскольку с их помощью удастся восполнить отсутствующую информацию, что способствует лучшему пониманию содержания. Например:

Ich war schneller. Ok, du bist dran. Dein größtes Geheimnis. – **Я была быстрой. Говори, какая твоя самая большая тайна;**

Lena, nein, das ist ein Missverständnis! – **Лена, прекрати, это недоразумение!;**

Wie läufst du rum?? Hä? – **Прикройся, ты же в таком виде?;**

Ich hab dich lieb. – **Не плачь, я тебя люблю;**

Hast du deinen Vater gerade angeschrien!? – **Не повышай голос на отца!.**

При анализе передачи побуждения в русском языке было установлено, что наиболее частотное средство немецкого языка императив, как правило (в 83 % случаев), также переводится на русский язык повелительным наклоном, выражая, как и в немецком языке, различные оттенки побуждения, например:

Wag es nicht, mich zu berühren! – **Не смей прикасаться ко мне!;**

Geh doch auf sie zu, Gückchen. – **Подружись с ней, Лена.**

При этом в ряде случаев переводчик прибегает к иным средствам перевода немецкого императива, например, к конструкциям с *надо*, *нужно*, *должен*:

*Jetzt **guck** doch nicht so überrascht! – Не надо смотреть такими глазами!*

Sag ihm! – Ты должна ему сказать!.

В единичных случаях были использованы такие средства, как конструкции с *пусть*, *давай*, 1-е, 2-е лицо настоящего времени изъявительного наклонения, инфинитивы, междометия, неполные предложения. Выбор того или иного средства был, как правило, обусловлен ситуацией: переводчик прибегал к различным трансформациям в разговорных выражениях, чтобы сохранить категоричность высказывания в тех случаях, когда повелительное наклонение, по мнению переводчика, не могло сделать это в полной мере.

Формы презенс и футур актив в большинстве случаев (80 %) были переданы в русском языке аналогичными формами: 1-м и 2-м лицом настоящего и будущего времени изъявительного наклонения:

*Ne, ne, damit **fangen** wir erst gar **nicht an**! – Вот это мы даже не будем начинать!;*

*Ihr **esst**, was da ist! – Будете есть, что дают!;*

Модальные глаголы примерно в половине примеров (49 %) были переданы конструкциями с *нужно*, *должен*, *пора* и т.п.:

*Sie **müssen** das R **rollen**. – «Р» нужно произносить жестче;*

*Außerdem **müssen** wir **zur Arbeit**! – И вообще нам на работу пора!*

Наряду с этим, эквивалентами конструкций с модальными глаголами явились предложения с повелительным наклонением (23 %), вопросительные предложения (12 %) и конструкции с *пусть*, *давай* (8 %):

*Du **darfst bestimmen**. – Сама выбирай;*

***Wollen** wir ein bisschen **shoppen**? – Может, пробежимся по магазинам?;*

*Dann **müssen** wir das **regeln**. – Давай разбираться.*

Немецкие перформативные глаголы в русском языке, как правило, передавались также перформативными глаголами:

*Ich **warne** dich, wenn du mich nicht gleich reinlässt! – Предупреждаю, если ты меня непустишь!;*

*Ich **praktiziere** einen friedlichen Islam und ich **bitte** Sie das zu respektieren, damit es nicht zwischen uns eskaliert! – Я исповедую мирный ислам и прошу Вас уважительно к этому относиться, чтобы не возникло разногласий!.*

Конъюнктив II в большинстве случаев (60 %) был передан сослагательным наклонением, реже конструкциями с *нужно*, *должен*, *пора*, единично были использованы неполные предложения и вопросительные предложения:

*Anstatt beleidigte Leberwurst zu spielen, **solltest** du **dich** lieber **freuen**, dass überhaupt jemand mit dir befreundet sein will. – Вместо того чтобы дуться, ты бы лучше порадовалась, что с тобой хочет кто-то подружиться;*

Einer von euch **müsste** jetzt mal Frühstück **machen**! – Кто-то из вас **должен приготовить** завтрак;

Lena, ihr **solltet nicht** vor allen Leuten so... **rumküssen** und so. – Лена, **нельзя целоваться** на людях, это неприлично.

Реже употребляются формы немецкого языка, выражающие побуждение, в частности пассив, конструкция *haben + zu + инфинитив* не имеют аналогов в русском языке и передаются при переводе различными способами:

Jetzt **wird gebetet**. – Сейчас мы **будем молиться**;

Erstmal **wird** jetzt hier Frühstück **produziert**, klar!? – Завтрак-то **будет?**;

Du **hast** mir gar nichts **zu sagen**! – Ты **не смеешь** мне **указывать!**;

Ja immerhin **hast** du ihr **zu verdanken**, dass du wieder... *bescheuert aussiehst*. – В конце концов, **ее ты должна благодарить**, что снова **выглядишь как клуша**.

Для перевода конструкций с инфинитивом в 65 % случаев для перевода использовалось повелительное наклонение:

Mit Yagmur **reden** jetzt! – **Поговори** с ней, немедленно!;

Axel... **nicht aufregen**! – Аксель, **не волнуйся**, пожалуйста.

Кроме этого, 18 % использования инфинитива были переданы на русский язык неполными предложениями, и лишь 12 % – инфинитивом:

Oah, du *musst* es ja auch so trinken, dass du's erst danach schmeckst! Also, **Zunge hochklappen – und dann einfach weg!** – Ты **должна выпить так, чтоб вообще не почувствовать вкуса!** Берешь – и залпом!;

Aufstehen! – **Подъем!**;

Yagmur! *Duschen, aufstehen, anziehen, Schule!* – Ягмур, **подъем, быстро одеваться**, в душ и в школу.

Немецкие неполные предложения в большинстве случаев (64 % примеров) были переведены соответствующими русскими неполными предложениями, в 27 % – повелительным наклонением:

Kein Türkisch in Konfliktsituationen! – Эй, **никаких межтурских конфликтов!**;

Ganz ruhig, Yagmur. Du *schaffst* das. – **Спокойно**, Ягмур, ты **справишься!**;

Ok, **dann das zweite**, was dir einfällt. – **Тогда скажи второе**, что придет в голову.

Таким образом, на основании проведенного анализа можно сделать вывод, что наиболее употребительные средства выражения модальности побуждения в разговорном немецком языке чаще всего переводятся следующими русскими побудительными конструкциями:

- императив – повелительным наклонением;
- презенс и футур I актив – 1-м и 2-м лицом настоящего и будущего времени изъявительного наклонения;
- конъюнктив II – сослагательным наклонением;
- модальные глаголы – конструкциями с *надо, нужно, должен, пора* и т.п.;

- неполные предложения – неполными предложениями;
- перформативные глаголы – перформативными глаголами;
- инфинитив – повелительным наклонением.

Соответственно, в большинстве случаев для перевода используется прямая подстановка – простейший механизм перевода, основанный на замене единицы исходного языка ее непосредственным соответствием. Лишь инфинитивы были переданы на русский язык чаще иным способом, с использованием повелительного наклонения, что представляется не всегда удачным решением, так как русское повелительное наклонение без использования усилительных частиц зачастую не способно передать ту категоричность, которую выражает немецкий инфинитив I.

В связи с выявленными закономерностями задачей следующего этапа исследования явилось установление адекватности используемого приема перевода, поскольку, на первый взгляд, категоричность используемых при переводе конструкций различна и отличается от языка оригинала. С этой целью с помощью информантов-носителей языка была проанализирована степень категоричности отобранных высказываний. К анализу были привлечены 10 информантов-носителей немецкого языка и 10 информантов-носителей русского языка. Для опроса информантов была разработана анкета с 50 примерами, содержащими различные средства выражения побуждения. Оценка степени категоричности происходила по десятибалльной шкале (1 – минимальная категоричность высказывания, 10 – максимальная категоричность).

Как показал проведенный опрос, единство во мнениях информантов относительно точной оценки степени категоричности отсутствует, однако наблюдаются определенные предпочтения. Так, наибольшую степень категоричности в немецком языке (8–10) имеют конструкции, выраженные модальными глаголами *dürfen*, *können* и *wollen* в изъявительном наклонении и инфинитивом. Также высказывание *Schreib deine Grabrede!*, выраженное императивной формой глагола, было оценено большинством информантов как максимально категоричное, что обусловлено значением и лексическим наполнением предложения. Средней степенью категоричности (4–7) обладают императив, презенс и футур I актив, неполные предложения, а также безличный пассив. Низкая степень категоричности (0–3) присуща форме претерита конъюнктива.

Сопоставление оценок с привлечением информантов-носителей русского языка продемонстрировало, что переводчику во многих случаях (примерно в 20 %) не удалось передать категоричность отдельных немецкоязычных фраз при переводе на русский язык, что можно проиллюстрировать следующими контекстами: *Scheiße! Nicht einsteigen!* – *Черт возьми! Не уезжай!*. Как указывают теоретические источники, побуждение, выраженное инфинитивом, отличается резкостью и твердостью [2, S. 248; 4, с. 255], что и нашло свое подтверждение в ходе анализа: немецкое предложение многие информанты оценили как максимально категоричное (средняя оценка

категоричности 9,4 из 10), что также поддерживается лексическим окружением. На русский язык предложение было переведено повелительным наклонением (средняя оценка категоричности 6,1 из 10), которое в сочетании с иной лексикой оказалось неспособно передать всю резкость высказывания. Также немецкоязычные информанты единогласно оценили высказывание как приказ, русскоязычные – как мольбу/просьбу.

Также и фраза *Mama, bitte, das darfst du nicht machen!* – *Мама, не делай этого, пожалуйста!* была оценена по-разному носителями немецкого и русского языков. По мнению носителей немецкого языка, в оригинале выражается запрет (обладающий категоричностью 8,2), русский же перевод был оценен как просьба/мольба (5,4 из 10).

Аналогично примерам выше предложение *Jetzt wird gebetet* носители немецкого языка оценили как категоричный приказ со средней категоричностью 7,8, в то время как его перевод на русский *Сейчас мы будем молиться* обладал, по мнению информантов, гораздо более низкой категоричностью – 3,1. В интервью информанты пояснили, что в немецком языке пассив используется только для выражения приказов, невыполнение которых исключается. В русском же языке употреблено 1-е лицо будущего времени изъявительного наклонения, которое оставляет возможность невыполнения действия.

Также, по мнению информантов-носителей немецкого языка, фраза *Äh, Hasi, nicht die guten Tassen in die Spülmaschine* является достаточно категоричной, несмотря на то, что обращение выражено уменьшительно-ласкательным словом *Hasi* (степень категоричности чуть выше средней – 6,3 из 10), русский же перевод *Милая, не надо класть хорошие чашки в посудомоечную машину* оказался некатегоричным (2,8 из 10).

Практически отсутствовали несоответствия при использовании прямой подстановки как метода перевода, например: *Und wir würden uns freuen, wenn du uns verzeihen könntest und wieder zur Gebetsschule kommst* (1,8 из 10) – *Мы были бы рады, если бы ты нас простила и вернулась в школу* (1,7 из 10), *Dann werden wir jetzt mal 'n bisschen über diese Gesetze reden und sie ändern* (6,2 из 10) – *Мы немедленно обсудим эти правила и изменим их* (5,7 из 10), наибольшие же несоответствия были обнаружены в конструкциях, не имеющих аналогов в русском языке либо при выборе переводчиком иного способа перевода: *Rauslassen, Yagmur, nicht rein!* (7,7 из 10) – *Не держи их [чувства] в себе!* (4,1 из 10) – *Jetzt sei wie 'ne richtige Schwester und unternimm was mit mir!* (7,4 из 10) – *Ну стань мне настоящей сестрой, давай займемся чем-нибудь вместе!* (4,6 из 10).

Таким образом, можно прийти к выводу, что при переводе побудительных высказываний переводчику следует уделять особое внимание такому их аспекту, как категоричность, пытаясь найти адекватный способ перевода, чтобы сохранить иллюкативную силу высказывания, на что имеет смысл обратить внимание при подготовке студентов переводческих специальностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гулыга, Е. В. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс. – М. : Просвещение, 1969. – 184 с.
2. Buscha, J. Grammatik in Feldern / J. Buscha, R. Freudenberg-Findeisen, E. Fortsteuter, H. Koch, L. Kuntzsch. – Ismaning : Verl. für Deutsch, 1998. – 336 S.
3. Sommerfeldt, K. E. Grammatisch-semantische Felder. Einführung und Übungen / K. E. Sommerfeldt, G. Starke. – Berlin ; München ; Leipzig : Langenscheidt – Verl. Enzykl., 1991. – 126 S.
4. Шендельс, Е. И. Практическая грамматика немецкого языка / Е. И. Шендельс. – 2-е изд., испр. – М. : Высш. шк., 1982. – 400 с.

The analysis of possible ways of transmitting the imperative modality when translating from German into Russian, based on the study of the translation of the youth series “Turkish for Beginners”, showed that the most common means of expressing the imperative modality in German have their corresponding equivalents in Russian. Direct substitution used for translation allows to maintain the degree of categoricalness of the original. The usage of other methods of translation often leads to an incorrect conveyance of categorical statements. The difficulties that translators come across when conveying the categorical aspect of imperative statements should be taken in consideration during translator trainings.

Поступила в редакцию 02.12.2019

И. И. Комаристова

СИМВОЛИЗАЦИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ КАК ДИНАМИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Материалом исследования в данной статье являются прецедентные феномены, используемые в американской художественной литературе как культурные символы.

В статье не только рассматриваются культурные символы, выявленные при исследовании американской художественной литературы периодов с 1987 по 2004 гг. и с 2014 по 2018 гг., но и делается вывод об их динамическом характере на основе сопоставительного анализа литературы данных периодов.

Каждая культура символична [1, с. 84]. Знание символов определенного языкового сообщества позволяет делать выводы о его культуре как мыслительном настрое или ментальной рамке, создаваемой общими ценностями, верованиями, символами, идеалами [2, с. 6]. «Не существует высказывания (ни символа, ни общественного поступка), в котором нельзя было бы не увидеть культурную обусловленность» [3, с. 21]. Представляется важным определить, какова роль культурных символов в американском языковом сообществе.

Большинство прецедентных феноменов, используемых авторами художественного дискурса, призвано воздействовать на читателя, заставляя его поверить в мир, который отображен в тексте. Но если разными авторами

делается ссылка на одну и ту же историческую персоналию, реалию или вымышленный персонаж десять и более раз (нижний порог достоверности проявления признака по У. Лабову) и при этом сохраняется смысл, с которым используются эти прецедентные феномены, то мы имеем право говорить об их символизации. Такие культурные символы могут выполнять различные функции, могут быть использованы в различных речевых актах для достижения поставленных целей.

Необходимо отметить, что успешную коммуникацию могут обеспечить и прецедентные феномены, которые не являются культурными символами, так как прецедентные феномены, характеризуясь общеизвестностью, в большинстве случаев снимают сложности, возникающие в процессе коммуникации. Использование прецедентных феноменов в речевых актах увеличивает глубину смысла, так как в сознании осуществляется создание образа, на который делается ссылка. И именно увеличение глубины смысла ведет к ограничению вариативности понимания, так как в сознании коммуникантов возникает одинаковый образ. Если же прецедентный феномен является культурным символом в рамках языкового сообщества, то наблюдается более высокая степень ограничения вариативности понимания. Таким образом, процесс символизации в большей мере способствует снижению степени вариативности, что призвано обеспечить взаимопонимание. Тем не менее, обилие культурных символов в речевом акте способно усложнить взаимопонимание. С одной стороны, мы репрезентируем себя через использование культурного символа, который отражает наш уровень образования, фонд общих концептуальных знаний. С другой стороны, культурный символ призван обеспечить адекватное понимание, конечно, в том случае, если адресат четко представляет себе, какая ценностная система стоит за используемым в процессе коммуникации культурным символом. Поэтому кодирование информации о культурных символах с закрепленными за ними коннотациями осуществляется по-разному в рамках каждого языкового сообщества.

Фактором, влияющим на формирование культурного символа, является существенность его характеристик для данного общества.

Решающую роль при запоминании любой информации играет образность [4, с. 176]. Образы, стоящие за определенными символами, также способствуют более эффективной передаче информации в рамках определенной культуры, облегчая процесс понимания, поскольку «понимание – это когнитивное представление событий, действий, лиц и вообще ситуаций, о которых говорится» [4, с. 168]. Причем адекватное понимание возможно только в том случае, если коммуниканты являются функциональными членами сообщества и, разделяя общий язык, разделяют общую культуру [5, с. 244; 6]. Иными словами, успех коммуникации зависит от взаимно доступного знания ценностного содержания культурного символа и умения его правильно интерпретировать. Предполагается, что представители одной культуры, разделяя правила поведения и интерпретации речи [7, с. 54–55; 8], знакомы с ценностным значением культурного символа и владеют его

содержанием, что исключает необходимость его индивидуальной интерпретации. Исходя из определения Дж. Хофстеде о том, что культура – это коллективное программирование ума [2, с. 6], а также учитывая положение ван Дейка и Кинча о том, что «понимание включает в себя не только обработку и интерпретацию воспринимаемых данных, но и активацию и использование внутренней когнитивной информации» [4, с. 157–158], можно заключить, что культурные символы, используемые в рамках определенного языкового сообщества и являющиеся отражением его культурного наследия, «запрограммированы» в сознании людей с вполне определенными смыслами. Перед адресатом возникает задача правильно «считать» значение культурного символа, который был предложен адресантом, сопоставив его с той информацией, которая хранится у адресата в сознании, при этом «считывание» культурных символов происходит автоматически.

Здесь мы имеем дело с аналогом «ограниченного кода», который создает возможность для передачи коллективных символов в отличие от «свободных кодов», которые обеспечивают передачу индивидуальных смыслов [9; 10, с. 476–477]. То, что эти культурные символы действительно хранятся в сознании коммуникантов, подтверждается тезисом философов о том, что «слово, живущее в общении людей, позволяет уловить многогранность человеческого сознания» [11, с. 653]. Таким образом, использование культурных символов в процессе коммуникации экономит умственные усилия коммуникантов, интерпретирующих их одинаково, поскольку адресат и адресант опираются на фонд общих знаний данной культуры, что позволяет сделать процесс коммуникации более эффективным.

«Претендуя на языковую исключительность, люди в сходных коммуникативных ситуациях часто ведут себя поразительно одинаково. Это объясняется тем, что говорящие в каждый момент своей речевой биографии демонстрируют особенности своего группового поведения» [12, с. 112]. Из этого тезиса, созвучного словам Дж. Ферса, который писал, что «разговор – это в значительно большей степени предписанный ритуал, чем многим людям может казаться. Как только с вами кто-то заговорит, вы попадаете в относительно определенный контекст и вы не вольны говорить все, что вам вздумается» [13, с. 28], можно заключить, что при выборе культурных символов в процессе коммуникации сложно быть оригинальным. Конкретная ситуация, тема разговора, интенция говорящего влечет за собой выбор культурного символа, реакцию на который автор речевого произведения предвосхищает. Хотя «слушатель не является внешней целью речи, его присутствие, а точнее, ориентация на его возможное понимание включена в процесс производства речи» [14, с. 75].

Таким образом, для каждого ситуативного контекста существует свой набор культурных символов. Соответственно, если для определенной ситуации и темы разговора существует небольшой набор культурных символов, то именно они выходят на первый план в сознании обоих коммуникантов, поскольку одинаково идентифицируют ситуацию и тему разго-

вора. Разница лишь в том, что один из собеседников озвучивает в процессе коммуникации один культурный символ из перечня идентичных, т.е. целостный коммуникативный эффект создается здесь совместными усилиями адресата и адресанта. Это вновь подтверждает тезис о том, что процесс символизации служит гарантом взаимопонимания в процессе коммуникации.

В результате исследования американской художественной литературы периода с 1987 по 2004 гг. (период 1) выявлены особенности использования авторами имен в качестве культурных символов с положительной коннотацией (67 %).

Например, культурными символами женской красоты являются: Одри Хепберн, Шерли Темпл, Мэрилин Монро, принцесса Диана.

*Carolyn Zim had been so pretty – like **Shirley Temple** only without the dimple* [16, с. 151].

Культурные символы мужской красоты – это Фрэнк Синатра, Кларк Гэйбл, Том Круз, Мел Гибсон, Гаррисон Форд.

*I thought he was so beautiful,... like **Ralph Fiennes** or **Mel Gibson** on steroids* [17, с. 297].

Джеймс Бонд и Джон Вэйн в американской культуре являются культурными символами настоящих мужчин. Естественно, в случае с Джоном Вэйном, образ сложился благодаря тем персонажам, которых играл актер. Этот образ прочно вошел в американскую культуру, символизировавшись в ней:

***John Wayne** is the hero of the thirties and forties and most of the fifties... And we were off to the anti-hero and heroine. **John Wayne** has survived all this. Even into the present* [18, с. 243].

Культурным символом, репрезентирующим серьезную и сложную для понимания литературу, является Ф. М. Достоевский:

*He admitted that «my pictures aren't **Dostoevsky**, they're popcorn for the head»* [19, с. 333].

Э. Хэмингуэй в американской культуре является эталоном в сфере литературы:

*He's an idealist and a dreamer and a good writer. He's close to **Hemingway*** [20, с. 89].

А. Эйнштейн символизирует ум и интеллект:

*I knew enough physics to see there weren't aqueducts under the railway to take floodwater off once it breached the levees. Aman didn't need to be **Einstein*** [21, с. 97].

Культурным символом добра является мифологический персонаж Санта Клаус:

*His face was all kindness, the visage of a modern-day **Santa Claus*** [22, с. 463].

Мать Тереза является символом милосердия:

*It turns out that Ma Prarty, a kind of **Albert Schweitzer** or **Mother Teresa**, has really been rather indiscriminate in her distribution of prescription drugs* [23, с. 172].

При исследовании американской художественной литературы периода 1 выявлены особенности использования писателями имен в качестве культурных символов с отрицательной коннотацией (33 %).

Примерами культурных символов тирании и агрессии являются имена Гитлера, Муссолини, Сталина, Наполеона:

*She cocked her head to one side. She looked me up and down. I could see what she was thinking: short and aggressive like **Napoleon*** [24, с. 280].

Культурным символом, передающим состояние страха, является фильм «Psycho».

*He grabbed Juliette and held the cleaver up high. Shades of **Hitchcock's Psycho*** [25, с. 288].

Минни Маус и Дональд Дак представляют комический образ, подчеркивающий нелепость внешнего вида:

*Her multilayered white Nikes look absurdly big at the end of her skinny legs, like **Minnie Mouse** in her roomy shoes* [16, с. 7].

Годзилла символизирует уродство:

*He looks even worse than deformed **Godzilla*** [26, с. 393].

Оценочное значение мифологических прецедентных феноменов-символов в исследованных текстах не нарушается. Это связано с тем, что миф предлагает однозначное толкование, достаточно четкую характеристику персонажа, в которой заключена и отображена либо его положительная, либо его отрицательная оценка. Когда создается миф, который предлагает объяснение либо однозначно характеризует какое-то явление, то другого объяснения этих явлений для него не существует [15, с. 434].

Речь идет не только о символизации мифологических персонажей. Многие представители американской культуры стали в некотором роде мифологемами, за многими прочно закрепились определенные оценочные смыслы, которые распространились в рамках данного языкового сообщества, и представители этого сообщества, как нам кажется, не задумываются об источниках и причинах их происхождения.

Большая часть символов относится к американской истории и культуре (60 %), что свидетельствует о явно выраженном этноцентризме американского мышления. Однако необходимо отметить, что этноцентризм – явление глобальное, которое характерно не только для американцев, поскольку любое языковое сообщество, пытаясь сохранить свою идентичность и самобытность, дорожит тем культурным наследием, которое складывалось в течение продолжительного периода времени, и, соответственно, пытается передавать это культурное наследие из поколения в поколение. Вместе с тем, материал исследования показал, что определенное значение для американского языкового сообщества имеют и символы, представляющие мировую культуру, входящие в фонд общечеловеческих знаний. И те, и другие относятся и к ядру, и к периферии интертекста и являются культурными символами, которые в своей совокупности репрезентируют американский культурно-познавательный фонд.

Однако хотелось бы отметить динамический характер культурных символов, который был установлен при сопоставительном анализе американской художественной литературы с 1987 по 2004 гг. и с 2014 по 2018 гг. (период 2). Так, например, через десятилетие только некоторые из них до сих пор актуальны в рамках американского языкового сообщества.

Э. Хэмингуэй в американской культуре продолжает оставаться эталоном в сфере литературы:

*«So, write the story. It doesn't have to be great. You don't have to be **Ernest Hemingway**. You're lucky you're getting a second chance»* [27, с. 333].

Установлено, что Санта Клаус все еще ассоциируется с добром, но его имя может упоминаться и с другими значениями:

*«It's too much, what you buy.» He saw piles of food and supplies through her eyes. He'd felt like a springtime **Santa Claus** at the store, but now he just felt like a super consumer on steroids* [28, с. 111].

Мэрилин Монро продолжает оставаться культурным символом. Она объект восхищения, подражания, вдохновения, настоящая икона стиля, что проявляется в желании женщин ее копировать:

*I'm leaning backward and pretend to fall into the tub, which causes my mother to gasp and then yelp as the curling iron touches the nape of her neck. She's in her **Marilyn** phase, short hair dyed platinum blond, red lipstick, and thick eyeliner. It might be a Vegas thing. I'm not sure about that* [29, с. 297].

Имена Гитлера и Сталина продолжают ассоциироваться с тиранией и агрессией:

*«It didn't occur to you that one of those young women might give birth to the next **Hitler** or **Stalin**, a human monster who could go on to kill millions of your fellow humans on this level of Tower.»* [30, с. 443].

Таким образом, положительно и отрицательно коннотированные прецедентные феномены могут представлять собой культурные символы. В результате исследования американской художественной литературы с 1987 по 2004 гг. были выявлены символы с положительной коннотацией: женской красоты, мужской красоты, ума и интеллекта, добра, милосердия, репрезентирующие серьезную и сложную для понимания литературу, эталон в сфере литературы. Культурными символами с отрицательной коннотацией являются: тирании и агрессии, передающие состояние страха, подчеркивающие нелепость во внешнем виде, уродства.

Исследование американской художественной литературы с 2014 по 2018 гг. подтвердило актуальность лишь некоторых из приведенных выше символов. Так, были выявлены символы тирании и агрессии, добра, женской красоты, эталон в сфере литературы.

Таким образом, можно предположить, что символизация – процесс нетипичный для современного американского языкового сообщества. Но именно динамизм как характеристика, обнаруженная при сопоставительном анализе американской художественной литературы периодов 1 и 2, позволяет нам допустить, что перемены в общественном сознании могут привести к очередному витку в процессе символизации. Другой вопрос, при каких обстоятельствах и с каким промежутком во времени это может произойти.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Dumont, L.* A Modified View of Our Origins / L. Dumont // M. Sainsbury (ed.) The Category of the Person. – New York : Columbia Un. Press, 1985. – P. 65–94.
2. *Hofstede, G.* The Confucian Connection: From Cultural Roots to Economic Growth / G. Hofstede, M. H. Bond // Organizational Dynamics, 1988. – № 16. – P. 4–21.
3. *Серио, П.* Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса: сб. ст. / П. Серио [и др.]; под ред. П. Серио. – М. : Издат. группа «Прогресс», 1999. – С. 302–337.
4. *Дейк, Т. А. ван.* Стратегии понимания связного текста / Т. А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике / В. В. Петров [и др.]; под ред. В. В. Петрова, В. И. Герасимова. – М. : Прогресс, 1988. – Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. – С. 153–211.
5. *Davidson, D.* The Method of Truth in Metaphysics / D. Davidson // Midwest Studies in Philosophy. – 1977. – № 2. – P. 244–257.
6. *Goodenough, W. H.* Componential Analysis and the Study of Meaning / W. H. Goodenough // Language. – 1956. – Vol. 32, № 1. – P. 195–216.
7. *Hymes, D.* On Communicative Competence / D. Hymes // J. Pride, D. Holmes (eds.) Sociolinguistics. – Harmondsworth: Penguin, 1971. – P. 55–83.
8. *Hymes, D.* Directions in Sociolinguistics / D. Hymes. – N. Y. : Basil Blackwell Inc., 1998. – 71 p.
9. *Bernstein, B.* Class, Codes and Control / B. Bernstein. – London : Routledge, 1971. – 223 p.
10. *Bernstein, B.* A Socio-Linguistic Approach to Socialization: With Some Reference to Educability / B. Bernstein // D. Hymes and J. Gumperz (eds.) Directions in Sociolinguistics. – N. Y. : Halt, Rinehart and Winston, 1987. – P. 465–497.
11. Современный философский словарь / гл. ред. В. Е. Кемеров. – М. : Академ. Проект, 2004. – 862 с.
12. *Горелов, И. Н.* Основы психолингвистики / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов; под ред. И. Н. Горелова, К. Ф. Седова. – М. : Лабиринт, 1997. – 220 с.
13. *Firth, J. R.* The Technique of Semantics / J. R. Firth // Papers in Linguistics 1934 – 1951. – London, 1957. – P. 7–33.
14. *Отье-Ревю, Ж.* Явная и конститутивная неоднородность: к проблеме другого в дискурсе / Ж. Отье-Ревю // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса: сб. ст. / П. Серио [и др.]; под ред. П. Серио. – М. : Издат. группа «Прогресс», 1999. – С. 54–95.
15. *Потебня, А. А.* Эстетика и поэтика / А. А. Потебня. – М. : Искусство, 1976. – 614 с.
16. *Updike, J.* Rabbit at Rest / J. Updike. – N. Y. : Ballantine Books, 1990. – 427 p.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

17. *Patterson, J. Hide and Seek* / J. Patterson. – Glasgow: Caledonian International Book Manufacturing Ltd, 1997. – 355 p.
18. *Hepburn, K. Me* / K. Hepburn. – N. Y. : First International Books Edition, 1992. – 430 p.
19. *Kellerman, J. Self – Defense* / J. Kellerman. – N. Y. : A Bantam Book. ISBN, 1995. – 511p.
20. *Steel, D. Vanished* / D. Steel. – London : Clays Ltd, St Ives plc., 1993. – 304 p.
21. *Keneally, T. Woman of the Inner Sea* / T. Kenelly. – USA : Plume, an Imprint of Dutton Signet, a division of Penguin Books Inc., 1994. – 277 p.
22. *Bushnell, C. Trading Up* / C. Bushnell. – Great Britain : Abacus, 2003. – 548 p.
23. *Updike, J. S* / J. Updike. – N. Y. : Fawcett Crest, 1988. – 299 p.
24. *Sheldon, D. My life as a Whale* / D. Sheldon. – N. Y. : AVON Books, 1992. – 258 p.
25. *Patterson, J. Kiss the Girls* / J. Patterson. – London : Clays Ltd, St Ives plc., 1996. – 451 p.
26. *Koontz, D. The Face* / D. Koontz. – Great Britain : Clays Ltd, 2004. – 672 p.
27. *Rowell, R. Fangirl* / R. Rowell: – London : Macmillan Children's Books, 2014. – 459 p.
28. *Halverson, S. P. The House of Frozen Dreams* / S. P. Halverson. – London : HarperCollinsPublishers, 2015. – 388 p.
29. *Burt, A. The Good Daughter* / A. Burt. – London : AVON, a division of HarperCollinsPublishers, 2017. – 513 p.
30. *King, S. The Bazaar of Bad Dreams* / S. King. – N. Y. : Scribner, an imprint of Simon and Schuster, Inc., 2015. – 821 p.

The article deals with precedent phenomena in American fiction as the source of information about symbols that reflect culture. The article presents symbols revealed in American fiction from 1987 till 2004, and from 2014 till 2018. The comparative analysis of the symbols of these two periods makes it possible to come to the conclusion about their dynamic character.

Поступила в редакцию 16.12.2019

О. В. Луцинская

ДИСКУРСНЫЙ АНАЛИЗ КАК НАУЧНЫЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ КОНВЕРГЕНТНЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются вопросы дискурсного анализа. Описывается, что представляет собой данный анализ в понимании разных исследователей. Кратко охарактеризованы существующие методики дискурсного анализа, которые используются для изучения медийного дискурса. Предлагается авторская интегративная методика дискурсного анализа, опирающаяся на отдельные положения критического дискурс-анализа,

социокогнитивной и информационной моделей, лингвистического и структурносопоставительного анализа. Разработанная методика применяется для изучения конвергентных средств массовой коммуникации и включает четыре группы критериев: формальные, мультимедийных технологий, экстралингвистические и интралингвистические.

Для изучения любого типа институционального дискурса применяются различные подходы, методы и методики, которые, с одной стороны, отличаются от используемых для анализа текста, а с другой – адаптируют или комбинируют некоторые составляющие текстового анализа в дискурсном анализе (ДА). Необходимо заметить, что в научной литературе синонимично используется несколько вариантов – *дискурсивный* и *дискурсный* анализ, а также *дискурс-анализ* (последний вариант характерен больше для англоязычного употребления). Мы оперируем термином *дискурсный*, однако, ссылаясь и цитируя другие источники информации, будем использовать тот термин, который присутствует в тексте-оригинале.

Появление термина *дискурс-анализ* связано с именем З. Харриса, под которым ученый определял *метод* анализа связанной речи. Однако сегодня в научной сфере нет однозначного понимания и, соответственно, толкования, что представляет собой дискурсный анализ: подход или отдельный метод? В одной из своих научных статей «Дискурс-анализ как междисциплинарный проект: между методом и идеологией» (2015) Е. А. Кожемякин приводит разные определения ДА, в которых исследователи используют такие слова, как «подход», «форма анализа», «совокупность методик и техник», «изучение», «исследование», «процесс обнаружения». Проанализировав данные дефиниции, ученый заключает, что ДА представляет собой не столько метод, сколько подход, комплекс методик, направление исследования, форму анализа [1]. Интересным является мнение Т. ван Дейка, которое Е. А. Кожемякин цитирует в упомянутой статье. Мысль заключается в том, что ДА – это область научной практики, междисциплинарный проект, распространенный во всех гуманитарных и социальных науках. Нет какого-то *одного* дискурс-анализа. Данный анализ включает большое количество разных методов изучения, которые определяются целями исследования, природой изучаемого объекта, интересами и квалификациями ученых и другими параметрами исследовательского контекста [Там же].

Отличительной чертой современного ДА является его *междисциплинарность*. Исследователи в сфере дискурса включают новые объекты в поле своего внимания, и это зависит от определенной научной области, в которой они работают, целей, которые ставятся, и предмета. Соответственно, в разных случаях будут применяться различные методы, а также предъявляться иные требования к исследованиям [Там же, с. 9].

Выделяется несколько междисциплинарных подходов к дискурсному анализу, и каждый из них предлагает свои основания и даже собственные определения понятий *дискурс* и *дискурс-анализ*. Так, Л. Филлипс и М. В. Йоргенсен в книге «Дискурс-анализ. Теория и метод» (2002) рассматривают три подхода с позиции социального конструкционизма: теорию

Эрнесто Лакло и Шанталя Муфф, критический дискурс-анализ и дискурсивную психологию и отмечают, что именно эти подходы «включают теории и методы, самые плодотворные для исследования коммуникации, культуры и общества» [2, с. 18].

Известный ученый Н. Фэарклоу в книге «Медиадискурс» (1995) описывает типы анализа, которые применяются к изучению и исследованию дискурса СМИ (медийного дискурса) [3]. Автор определяет *лингвистический* (сфокусирован на изучении грамматических структур и на образцах интонации) и *социолингвистический* (внимание сосредоточено на изучении языковых структур в их взаимосвязи с социальными структурами) типы. Кроме того, автор называет *конверсационный анализ* (Дж. Аткинсон, Дж. Баттон, Г. Гарфинкель, Дж. Херитэджд и др.), суть которого заключается как в анализе неформального (повседневного) общения, так и институциональных типов дискурса, в том числе и дискурса СМИ.

Еще одним является *семиотический анализ* дискурса (Дж. Тачман, Дж. Фиск, Дж. Хартли), который рассматривает анализ текстов как ключевой компонент культурологического анализа СМИ. Для анализа медийного дискурса применяется *критическая лингвистика* (Дж. Кресс, Р. Фаулер, Р. Ходж) и *социальная семиотика* [Там же].

Кроме названных типов анализа, выделяется *социокогнитивная модель* Т. ван Дейка, согласно которой новости анализируются как дискурс, который рассматривается с позиции трех измерений: текста, дискурсивной практики (процесс производства и восприятия текста) и социокультурной практики (анализ социального и культурного контекста). Исследователь изучает процессы производства и восприятия новостей, анализирует структуру новостей и, таким образом, выделяет макро- и микроанализ текстов СМИ.

Норман Фэарклоу обращает внимание и на *культурно-порождающий* анализ дискурса, разработанный учеными университета Бермингем (М. Монтгомери, А. Толсен, Е. Гофман и др.). Жанровые характеристики текстов СМИ изучаются с учетом социальных, политических и экономических контекстов.

Объединяя все представленные методы анализа дискурса, Норман Фэарклоу предлагает свое видение анализа медийного дискурса и выстраивает синтетическую программу изучения текстов СМИ, которая получила название *критический дискурс-анализ*. Данный метод включает положения культурно-порождающего анализа, лингвистического и семиотического типов анализа, социокогнитивного анализа и критической лингвистики, а также социальной семиотики [3].

С учетом того, что дискурс – явление многогранное, и в нем всегда открываются новые объекты для изучения, то ученые разрабатывают и предлагают новые теории, подходы и методики для его исследования. Так, В. И. Карасик считает, что для изучения феномена дискурса, в том числе и массово-информационного, можно выделить три подхода: *объектный*, или тематический, *субъектный* и *инструментальный* [4]. Первый подход дает

возможность выделить бесконечное количество разновидностей дискурса (например, экономический, экологический, гастрономический и т.д.). Единицей анализа в этом случае выступает *текст* с последующей его интерпретацией. Единицей анализа при субъектном подходе является *коммуникативная ситуация* с учетом таких ее характеристик, как участники, системообразующая цель дискурса, его хронотоп, ценности, жанры и т.п. Инструментальный подход по-новому рассматривает характеристики общения. Центральное место здесь занимает тональность общения – «его эмоционально-стилевой модус, определяемый культурно и ситуативно заданными установками коммуникантов» [4, с. 74]. Анализу в рамках инструментального подхода подвергается *ситуативно обусловленный текст*. Такой подход характеризует собственно действие, которое выполняется в процессе общения, а также обращает внимание на канал коммуникации. Как заключает исследователь, один и тот же текстовый материал может быть проинтерпретирован с объектной, субъектной и инструментальной позиций в их разновидностях.

Таким образом, рассмотренные подходы и теории дискурс-анализа, главным образом, анализа медийного дискурса показывают, насколько феномен дискурса разноплановый, всесторонний, многоликий, неоднозначный, и, чтобы изучить его глубоко и детально используются различные методы и методики, позволяющие сфокусировать внимание на определенных свойствах, признаках или параметрах дискурса.

В фокусе нашего внимания находится **дискурс конвергентных средств массовой коммуникации (ДКСМК)**, представленных в Интернете. Далее рассмотрим применение ДА к работе с медиатекстами и определим критерии, согласно которым в будущем нами будут исследоваться белорусские и англоязычные (британские и американские электронные СМК).

Дискурсный анализ СМК позволяет охарактеризовать и оценить определенную культуру в общности ее значений, которые люди приписывают миру [5]. Он способствует выявлению доминирующей формы репрезентации социального мира; определению форм взаимодействия между людьми и миром, властью и всеми остальными, которые *формирует* медиатекст; показывает, «как одно и то же значение может меняться в зависимости от того, в каком медиатексте оно используется; какие различные способы видения и мышления мы можем там обнаружить» [Там же, с. 14].

Рассмотрим, какие критерии, вопросы, показатели и т.п. исследователи принимают во внимание при проведении ДА в отношении медиатекстов. Так, Е. А. Кожемякин формулирует следующие вопросы, которые используются при проведении дискурсного анализа медиатекстов:

- какое базовое допущение (ценность, фоновое знание) лежит в основе медиатекста;
- как языковые, жанровые, стилистические средства создают определенный тип знания, а также как они способствуют расстановке смысловых акцентов в медиатексте;
- в каких идеологических, культурных, социальных и прочих условиях возможно то или иное прочтение медиатекста;

- что определяет способ интерпретации медиатекста читателем;
- как конструируется реальность в медиатексте;
- иницирует ли медиатекст социальные изменения или он просто отражает социальные процессы [6].

Можно заметить, что данные вопросы ориентированы на интерпретацию социального, культурного, идеологического и др. контекстов и позволяют определить ценность того или иного медиатекста с точки зрения его содержательной составляющей и отражения (реконструкции) в нем реальности.

Для анализа новостного дискурса Т. Г. Добросклонская предлагает использовать *информационную модель*, состоящую из пяти компонентов: отбор фактов, освещение событий, создание образов, формирование стереотипов, культурно-идеологический контекст. Все звенья данной цепи, как отмечает автор, влияют друг на друга и соединяются по принципу замкнутой окружности [7].

Следует отметить, что в процессе анализа конвергентных СМК (или сетевых СМК) некоторые исследователи используют *структурно-сопоставительный анализ*, который основывается на следующих критериях:

- критерии, характеризующие общую организационную структуру (тип СМИ, выходные данные, структура, тип редакции, модель вещания, бизнес-модели, дополнительные сервисы и услуги, форматы рекламы, предлагаемый язык вещания);
- критерии содержания (тематическая направленность, содержание, рубрики, специальные проекты);
- критерии дизайна (визуализация материала, уровень оформления, дизайн, интерфейс, навигация);
- количественные характеристики (периодичность обновления информации, посещаемость сайта);
- требования к специалистам [8].

Как видим, выделенные критерии являются достаточно разнообразными и ориентированы на всесторонний анализ структурно-содержательной составляющей медиатекстов.

Для анализа конвергентных СМК, в частности, портала деловых новостей, В. А. Польшов опирается на принципы *типологического анализа*, принимая во внимание своеобразие функционирования интернет-СМИ, и выделяет принципы организации контента, наличие соответствующих рубрикаций, жанров и форматов текстов, обзор элементов мультимедиа, характеристику аудитории, а также показатели успешности [9].

В нашем исследовании для анализа и построения моделей конвергентных СМК в разных журналистских традициях мы используем **интегративную методику дискурсного анализа**, опирающуюся на отдельные положения критического дискурс-анализа, социокогнитивной и информационной моделей, лингвистического и структурно-сопоставительного анализа. Кроме того, предлагаемая методика дополняется другими элементами (критериями) для проведения более детального и всестороннего анализа, исходя из особен-

ностей объекта изучения – дискурса конвергентных средств массовой коммуникации. Таким образом, из положений *критического дискурс-анализа* в нашу методику мы включаем исследование медиатекстов в конвергентных СМК в их жанровой репрезентации с точки зрения использования языка и структуры, визуальных имиджей, а также дополняем ее включением анализа видео- и аудиоинформации. Согласно *социокогнитивной модели* в дискурсе конвергентных СМК изучается схематическая и тематическая структура медиатекста, с одной стороны, и социокультурная практика (социальный и культурный контексты), с другой стороны. В рамках *информационной модели* мы ориентируемся на этапы формирования стереотипов и формирование культурно-идеологического контекста. Из *структурно-сопоставительного анализа* мы отобрали те категории, которые характерны для дискурса конвергентных СМК. В нашем исследовании акцент не ставится на детальное изучение языка конвергентных СМК, однако отдельные лингвистические характеристики, имеющие непосредственное отношение к другим выделенным критериям и взаимосвязанные с ними, будут использованы. Соответственно, *лингвистический анализ* также имеет место в нашей работе.

Исходя из вышесказанного, дискурсный анализ, который мы будем применять в отношении конвергентных СМК в белорусской, британской и американской журналистских традициях, представляет собой авторскую методику, базирующуюся на выделенных нами *четырёх группах критериев*.

Далее рассмотрим эти критерии.

1. Формальные, которые подразделяются на несколько подгрупп:

а) *организационная структура*:

тип СМК; выходные данные; организация контента и рубрики, тематическое направление; особенности жанрового разнообразия (жанры и форматы текстов); дополнительные сервисы и услуги; специальные проекты; наличие и форматы рекламы;

б) *критерии дизайна*:

визуализация материала (степень креолизации текста: соотношение вербальной и невербальной информации); уровень оформления, дизайн, интерфейс, навигация;

в) *количественные критерии*:

периодичность обновления информации; посещаемость сайта; способы реализации обратной связи.

2. Критерии мультимедийных технологий нацелены на анализ использования информационных технологий в медиатекстах ДКСМК: включение видеоинформации; использование аудиоматериалов в сообщении; наличие гиперссылок в тексте сообщения; наличие элементов интерактивности (комментариев аудитории); другие уникальные мультимедийные технологии (при условии их наличия)

3. Экстралингвистические используются для анализа социокультурного контекста посредством репрезентации следующих дискурс-категорий: целевая аудитория; коммуникативная установка медиатекстов; категория

«адресант» или «самоидентификация»; пространство (локальность материалов); время (с учетом субкатегорий *периодичность*, *регулярность*, *оперативность*); интертекстуальность (способы ее реализации в медиатексте); интересобытийность; интересубъектность.

4. Интралингвистические критерии применяются для анализа лингвистической реализации дискурса, представленного разными медиатекстами, и определения завершенности этих сообщений как готовых коммуникативных продуктов. Данная группа определена одной категорией – «стилистический диапазон». Однако эта категория имеет широкое содержательное наполнение и отражает языковые средства, использованные автором в медиатексте; целостность дискурса, выраженную смысловым единством и логическим развертыванием информации в сообщении; связность, представленную лексическими, грамматическими, стилистическими и композиционными средствами связи. С учетом того, что речь идет о конвергентных средствах массовой коммуникации и, соответственно, о мультимедийных статьях, то, наряду с традиционными средствами связи, используются и гипертекстовые средства, такие как цвет, подчеркивание, ссылки, иконические вставки и т.п., т.е. визуальные средства связи. Кроме того, это системность, которая предполагает определенную схему следования элементов в медиатексте; завершенность, связанная с формированием целостного образа содержания.

Применение разработанной интегративной методики дискурсного анализа позволит провести всесторонний анализ электронных СМК (сетевых изданий, порталов, электронных версий газет) и выявить особенности языковой репрезентации информации и реализации экстралингвистических параметров в содержании медиатекстов, сопоставить их, определив общие и отличительные черты, а также преимущества и, возможно, недостатки использования определенных подходов к освещению информации в конвергентных средствах массовой коммуникации. Затем, на основе полученных данных, можно построить модели дискурса конвергентных СМК в трех журналистских культурах – белорусской, британской и американской.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кожемякин, Е. А.* Дискурс-анализ как междисциплинарный проект: между методом и идеологией / Е. А. Кожемякин // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2015. – Вып. 25. – № 6 (203). – С. 5–12.
2. *Филлипс, Л.* Дискурс-анализ. Теория и метод / Л. Филлипс, М. В. Йоргенсен. – Изд. 2-е. – Харьков : Гуманит. центр, 2008. – 352 с.
3. *Fairclough, N.* Media discourse / N. Fairclough. – London : Arnold, 1995. – 214 p.
4. *Карасик, В. И.* Интерпретация дискурса: топик, формат, модус / В. И. Карасик // Филологические науки / Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2015. – № 1 (96). – С. 73–79.
5. *Матисон, Д.* Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов / Д. Матисон. – Харьков : Гуманит. центр, 2013. – 264 с.

6. *Кожемякин, Е. А.* Медиакритика и дискурс-анализ / Е. А. Кожемякин // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2010. – Вып. 7. – № 18 (89). – С. 198–203.
7. *Добросклонская, Т. Г.* Актуальные направления изучения новостного дискурса / Т. Г. Добросклонская // Медиалингвистика. Язык в координатах массмедиа : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 2–6 июля 2017 г. / отв. ред. А. А. Малышев. – СПб., 2017. – Вып. 6. – С. 36–38.
8. *Симкачева, М. В.* Процесс конвергенции СМИ и его влияние на формирование современного медиаполя / М. В. Симкачева // Учен. записки Казан. ун-та. – 2015. – Т. 157, кн. 4. – С. 118–126.
9. *Полынов, В. А.* «Росбизнесконсалтинг»: особенности функционирования в условиях конвергенции / В. А. Полынов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. – 2017. – № 1. – С. 83–104.

The article considers issues of discourse analysis. It describes what different researchers understand under this notion. The author provides a brief insight into the description of present methods of discourse analysis which are used for studying media discourse. The article introduces the readers to the author's integrative method of discourse analysis which is based on some provisions of critical discourse analysis, social and cognitive and informational models, linguistic analysis as well as structural and comparative analysis. The suggested method is used for studying the discourse of convergent mass media and includes four groups of criteria: formal, those of multimedia technologies, extralinguistic and intralinguistic.

Поступила в редакцию 29.10.2019

И. Г. Осмоловская

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОЦИИ СТРАХА
В ТЕКСТАХ РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА
(на материале немецкого и русского языков)**

В статье речь идет о специфических и общих способах репрезентации эмоции страха в текстах современной коммерческой и социальной немецкоязычной и русскоязычной рекламы. Выявлены лексические, грамматические и стилистические средства, участвующие в апеллировании к данной эмоции, определена их функция. Установлены объекты страха, эксплуатируемые в рекламных текстах на материале обоих языков, которые имеют культурно и исторически обусловленный характер.

В рамках антропоцентрической парадигмы, господствующей на современном этапе развития лингвистической науки, язык рассматривается как «проводник во внутренний мир человека» [1, с. 133]. Язык используется не только для выражения какой-либо мысли или утверждения, но и для передачи эмоционального отношения к окружающей действительности. Поэтому эмоции, представляющие собой «особый вид психических процессов/состояний человека, которые проявляются в переживании каких-либо значимых ситуаций, явлений или событий», не случайно вызвали интерес многочис-

сленных исследователей-языковедов [1, с. 133]. Как справедливо отмечают А. С. Борисова и К. Э. Рубинштейн, эмоции проникают в слова, закрепляются в них, при необходимости выражаются и опознаются с их помощью [Там же, с. 134]. В зависимости от принадлежности текста к тому или иному функциональному стилю существует определенная специфика языковой реализации эмоций.

Эти же авторы цитируют французского психолога и социолога Густава Ле Бона «Идея овладевает массами, если она переведена на язык эмоций ...» [Там же, с. 135]. Реклама – феномен массовой культуры, она обладает огромной социальной значимостью, является основным способом общения между производителем/продавцом и потенциальным потребителем. Исходя из коммуникативной целеустановки (привлечь внимание и заставить потребителя приобрести товар или услугу), в рекламном дискурсе растет значение эмоционального фактора, так как эмоции – это наиболее эффективный инструмент манипулирования сознанием реципиента.

Одной из базовых эмоций, эксплуатируя которую удастся относительно легко повлиять на волю адресата, является страх. «Страх – чувство внутренней напряженности, связанное с ожиданием конкретных угрожающих событий, действий. Функционально страх служит предупреждению субъекта о предстоящей опасности, позволяет сосредоточить внимание на ее источнике, побуждает искать пути избегания» [2].

Материалом исследования послужили аутентичные тексты коммерческой и социальной рекламы, позаимствованные из периодических изданий и на официальных сайтах зарубежных и отечественных компаний, а также тексты наружной рекламы, отобранные путем сплошной выборки.

При исследовании выражения эмоции страха в немецкоязычном рекламном дискурсе выяснилось, что непосредственно номинирующая страх лексика отсутствует. Репрезентация эмоций в рекламных текстах осуществляется преимущественно через описание прототипических ситуаций, в которых возникает та или иная эмоция. Такие ситуации познаются человеком через жизненный опыт, позволяющий установить связь между событиями, поэтому делается ставка на «эмоциональную компетенцию читателя, т.е. знания, о выражаемых в данных ситуациях эмоциях» [3, с. 70–71].

Это может быть страх за свою жизнь, как в следующем примере П1 (рис. 1):

	<i>Piept, bevor Sie gegen die Wand fahren.</i> <i>(Jetzt die Mercedes-Benz A-Klasse mit aktivem Brems-Assistent mieten).</i>	‘Засигналит прежде, чем Вы врежетесь в стену. (Арендуйте уже теперь Мерседес-Бенц А-класса с активной системой экстренного торможения)’.
---	---	---

Рис. 1. Реклама европейской компании по прокату автомобилей «Сикст»

Агитируя потребителя арендовать более дорогое транспортное средство, составители рекламного послания описывают технические преимущества автомобиля «Мерседес-Бенц» А-класса – наличие активной системы экстренного торможения, которая *Piept, bevor Sie gegen die Wand fahren* ‘Засигналил прежде, чем Вы врежетесь в стену’. Сознание реципиента легко может достроить картину аварии с возможным летальным исходом, если сделать выбор в пользу авто без данного технического новшества. Словосочетание *gegen die Wand fahren* ‘врезаться в стену’ является в терминологии Л. А. Витюговой «ассоциативно-эмотивной» лексикой, которая, «не выражая эмоции, вызывает ассоциации в сознании говорящих и слушающих с теми или иными эмоциями» [4].

Подавляющее большинство текстов рекламного дискурса имеют поликодовый [5, с. 265] или, в терминологии других авторов, креализованный [6, с. 7] характер (т.е. сочетают в себе семиотически разнородные (вербальные и невербальные) средства, взаимодействующие друг с другом и образующие единое семиотическое целое). Пример П2, апеллирующий к страху смерти / убийства другого человека (рис. 2):

	<i>Alkohol am Steuer: könnten Sie damit leben?</i>	‘Алкоголь за рулем: Вы смогли бы с этим жить?’.
--	--	---

Рис. 2. Социальная реклама Министерства транспорта ФРГ

Вербальная составляющая, вопросительное предложение *Alkohol am Steuer: könnten Sie damit leben?* ‘Алкоголь за рулем: Вы смогли бы с этим жить?’ является прямым обращением к адресату, побуждающим к размышлению и усиливающим эмоциональное воздействие, которое базируется на изображении отчаявшегося водителя, сбившего пешехода.

Материал выборки свидетельствует о том, что довольно активно идет апелляция к страху потери имущества, как в следующем фрагменте рекламного текста П3:

<i>Klicken Sie nicht schneller, als Sie unterschreiben würden. Ein Klick im Internet kann Sie reich machen oder ruinieren. Genau wie Ihre Unterschrift – nur noch schneller... DeutscherAnwaltVerein.</i>	‘Не щелкайте мышкой быстрее, чем ставите свою роспись. Один клик в Интернете может сделать Вас богатым или разорить. Точно так, как и Ваша роспись – только еще быстрее... Немецкий Союз Адвокатов’
---	---

Предложение *Ein Klick im Internet kann Sie reich machen oder ruinieren.* ‘Один клик в Интернете может сделать Вас богатым или разорить’ является

скрытой угрозой, направленной на то, чтобы, вызвав у потребителя чувство страха перед потерей имущества, заставить его обратиться к услугам адвокатов заранее. Ассоциативно-эмотивной лексикой в данном случае выступает глагол *ruinieren* ‘разорить’, *досл.* ‘превратить в руины’.

Следует отметить, что к страху потери имущества/денег, уплаты больших налогов прибегает, прежде всего, коммерческая реклама. Активна в этом отношении все та же европейская компания по прокату автомобилей «Сикст», пример П4 (рис. 3):

	<i>Gehen Sie nicht in die Luft wegen so viel Asche! Mieten Sie für weniger bei Sixt.</i>	‘Не выбрасывайте деньги на ветер из-за большого количества пепла! Арендуйте дешевле у «Сикст».’
---	---	--

Рис. 3. Реклама европейской компании по прокату автомобилей «Сикст»

В своем рекламном послании, побудительных предложениях *Gehen Sie nicht in die Luft wegen so viel Asche! Mieten Sie für weniger bei Sixt* ‘Не выбрасывайте деньги на ветер из-за большого количества пепла! Арендуйте дешевле у «Сикст»’ компания отсылает реципиента к «Kfz-Steuer» – автомобильному налогу, он же транспортный налог «на воздух», который составляет значительную долю расходов автовладельцев. В результате разница в размере налога для владельцев менее экологичных машин может достигать трех – четырех раз или 200 – 300 евро [7]. Пугая выброшенными на воздух деньгами и обещая помочь сэкономить, рекламодатели пытаются таким образом завлечь клиента.

Эта же компания также эксплуатирует страх потери работы, пример П5 (рис. 4).

	<i>Kostet den Job. Kostet fast nix (Kleine Preise auf der Uhr: Jetzt SIXT share fahren ab 19 ct/Minute).</i>	‘Стоит работы. Не стоит почти ничего (Низкие по-временные цены: Теперь SIXT share от 19 центов за минуту)’.
---	---	--

Рис. 4. Реклама европейской компании по прокату автомобилей «Сикст»

Неполные предложения *Kostet den Job. Kostet fast nix* ‘Стоит работы. Не стоит почти ничего’ легко достраиваются до полных предложений *«Потерянное время стоит работы. Аренда авто у «Сикст» не стоит почти ничего»*, чему способствует и изображение Райнхарда Гринделя, экс-президента Немецкого футбольного союза, покинувшего пост весной 2019 года, который смотрит на часы. Фоновые знания реципиента (отставка Р. Гринделя) позволяют установить связь между событиями и расценить рекламное послание как косвенный речевой акт угрозы – если поскупишься на аренду автомобиля, то потеряешь время, а возможно, и работу.

Реклама лекарственных препаратов апеллирует к страху болезни, завуалированному под призыв позаботиться о своем здоровье, как в следующем фрагменте рекламного текста, пример П6:

<i>Schützen Sie sich vor Erkältung & Co. Mit Cystus 052 Infektblocker ®...</i>	‘Защитите себя от простуды & сопутствующих симптомов. С помощью Cystus 052 противомикробного средства ®...’
--	---

В побудительном предложении *Schützen Sie sich vor Erkältung & Co. Mit Cystus 052 Infektblocker ®* ‘Защитите себя от простуды & сопутствующих симптомов (досл. компании). С помощью Cystus 052 противомикробного средства ®’ также легко достраивается скрытая угроза: если не приобрести препарат Cystus 052, то можно легко заболеть.

В рекламе услуг довольно активно эксплуатируется тревога и страх за жизнь и здоровье детей, пожилых родителей, близких людей. Проиллюстрировать данное положение может пример П7 (рис. 5) – реклама компании «Помощь 24 часа в сутки», осуществляющей различные виды ухода за детьми, больными и престарелыми гражданами:

	<i>Krank und Mama muss arbeiten? 24 Stunden Kinderbetreuung. Für Sie und Ihre Familie. Jetzt.</i>	‘Болеешь, а мама должна работать? Уход за детьми 24 часа в сутки. Для Вас и Вашей семьи. Теперь’.
--	---	---

Рис. 5. Реклама компании «Помощь 24 часа в сутки»

Усеченный вопрос, обращенный к малышу, *Krank und Mama muss arbeiten?* ‘Болеешь, а мама должна работать?’ способствует сокращению дистанции между участниками коммуникации и созданию атмосферы дружеского участия. Изображение же больного ребенка с градусником отсылает к прототипической ситуации, когда работающие матери вынуждены оставлять болеющих детей без присмотра, и эмоциональная компетенция целевой аудитории без труда реконструирует ощущение тревоги и страха, хотя данные эмоции напрямую не называются.

Русскоязычные рекламные тексты, апеллирующие к страху, представлены, прежде всего, текстами социальной рекламы. Тексты коммерческой рекламы в материале выборки зафиксированы не были.

Стратегическими целями русскоязычной социальной рекламы является привлечение внимания широкой общественности к социально значимым проблемам: нарушение правил дорожного движения, алкоголизм, безответственное отношение к детям.

Среди русскоязычных рекламных текстов, апеллирующих к сильнейшим негативным эмоциям адресата – страху и тревоге, в частности, к страху потери здоровья в результате беспечного поведения на дороге и несоблюдения правил дорожного движения, как пешеходами, так и водителями – можно выделить серию социальной рекламы, инициированной Госавтоинспекцией МВД Республики Беларусь (рис. 6).

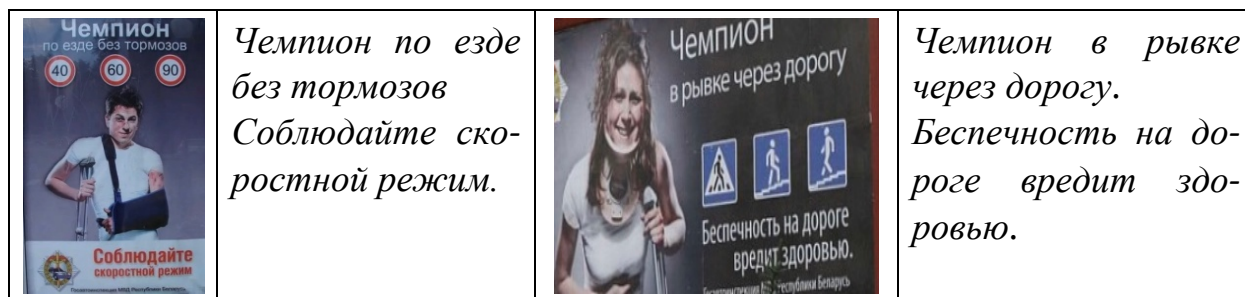

Рис. 6. Наружная реклама Госавтоинспекции МВД Республики Беларусь

Саркастичное значение фраз *Чемпион по езде без тормозов* и *Чемпион в рывке через дорогу* раскрывает невербальная составляющая рекламного послания – люди с многочисленными травмами, в гипсе и на костылях. Использование художественных тропов (сарказма) в комплексе с иллюстрацией призвано вызвать у адресата необходимые образы, ассоциации, эмоции – в данном случае – страх быть изувеченным.

Не менее часто в социальной рекламе эксплуатируется страх смерти (рис. 7):

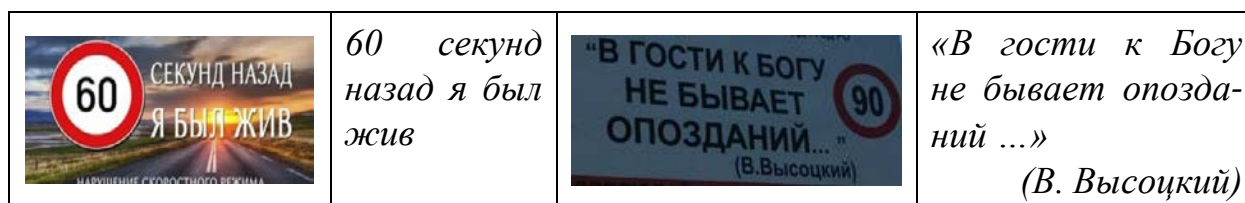

Рис. 7. Наружная реклама ГИДД Российской Федерации, призывающая соблюдать скоростной режим

Экспрессия и выразительность первого рекламного текста достигаются за счет использования такого приема, как абсурд – алогичное, противоречащее здравому смыслу положение вещей – обращение только что умершего в ДТП человека: *60 секунд назад я был жив*. Употребление личного местоимения *я* – также в данном случае является стилистическим приемом, оно создает впечатление достоверности описываемых событий, «эффект присутствия» адресата в описываемой ситуации и как запланированное следствие – появление эмоции страха за свою жизнь.

Во втором рекламном тексте для создания необходимой ассоциации авторы прибегают к прецедентным феноменам – «основным составляющим когнитивной базы лингвокультурного сообщества, хорошо узнаваемым его

представителями» [6, с. 266]. В частности, цитируются строки из известной песни В. Высоцкого «Кони привередливые» – «В гости к Богу не бывает опозданий ...».

Следует отметить, что в обоих случаях непосредственное номинирование эмоции отсутствует, расчет делается на все ту же эмоциональную компетенцию адресата.

Министерство по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь выпустило серию билбордов «Жизнь – это не кино», которые «в оригинальном формате рассказывают, что в нашей жизни не должно быть места необдуманным “подвигам”, которые могут привести к печальным последствиям» [8] (рис. 8):

Рис. 8. Наружная реклама МЧС Республики Беларусь

Чувство страха и тревоги за жизнь в данной серии рекламных посланий должна вызывать невербальная составляющая – изображение «супермена», которого в бессознательном состоянии из пожара, водоема выносят спасатели.

Большое количество рекламных текстов, инициированных Министерством по чрезвычайным ситуациям, направлено на профилактику алкогольной и табачной зависимости (рис. 9):

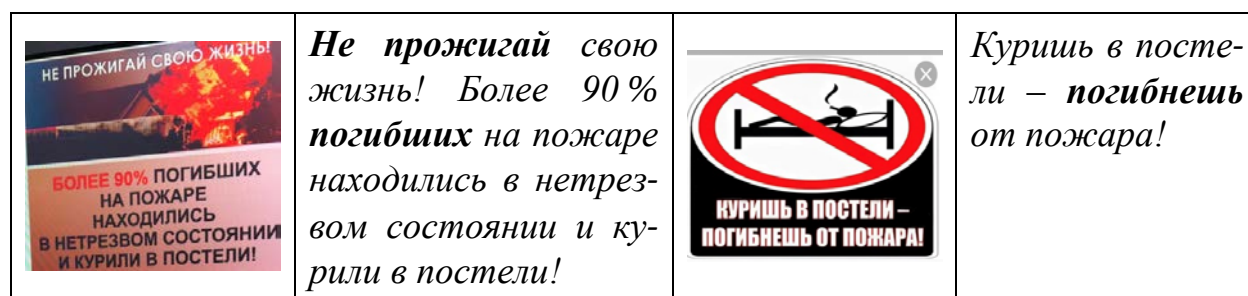

Рис. 9. Наружная реклама МЧС Республики Беларусь

Директивное предложение *Не прожигай свою жизнь!* и дальнейшее приведение статистических данных в комплексе с изображением горящего дома, а также употребление ассоциативно-эмотивной лексики *не прожигай жизнь, погибших, погибнешь* призваны вызвать в сознании говорящих ассоциации с гибелью и как логичное следствие – эмоцию страха.

Значительная часть социальной рекламы призывает к ответственному отношению к детям во всех сферах жизнедеятельности:

– правильное поведение детей на дороге (рис. 10);

	<i>Сбавь скорость.</i>		<i>Остановим детскую смертность на дорогах.</i>
---	------------------------	---	---

Рис. 10. Наружная реклама Госавтоинспекции МВД Республики Беларусь

– бдительность родителей по отношению к детям на дороге (рис.11);

	<i>Твой ребенок не на дороге?</i>		<i>Держи крепче!</i>
---	-----------------------------------	--	----------------------

Рис. 11. Наружная реклама Госавтоинспекции МВД Республики Беларусь

– обеспечение безопасности детей в частных автомобилях (рис. 12);

	<i>Без кресла не поеду! Детские автокресла снижают смертность в ДТП на 71 %</i>		<i>Выбери кресло для своего ребенка.</i>
--	---	---	--

Рис. 12. Наружная реклама Госавтоинспекции МВД Республики Беларусь

– забота о детях дома (рис.13).

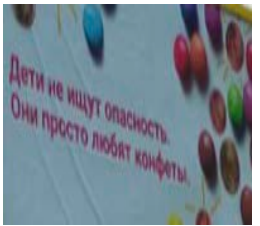
	<i>Дети не ищут опасность. Они просто любят конфеты.</i>		<i>Дети не ищут опасность. Они просто играют.</i>
---	--	--	---

Рис. 13. Наружная реклама МЧС Республики Беларусь

Как свидетельствует приведенная серия примеров, в рекламе, апеллирующей к страху, часто встречаются директивные предложения: *Сбавь скорость, Остановим детскую смертность на дорогах! Держи крепче! Выбери кресло для своего ребенка*, способные быстрее, чем информирующие, повлиять на волю адресата и предупредить его об опасности. Использование вопросительных предложений *Твой ребенок не на дороге?* с обращением к адресату во втором лице единственного числа призвано побудить к размышлению. Второй отличительной чертой выступает использование ассоциативно-эмотивной лексики: *опасность, смертность*. Также следует отметить, что невербальная составляющая играет не менее важную роль в создании

ассоциаций – изображение ребенка, закрывшего от ужаса глаза перед едущей машиной (рис. 10), ребенка-ангела (рис. 10), ребенка на роликах на дороге (рис. 11), инвалидного кресла (рис. 12) и др. значительно усиливают эффект вербальной составляющей рекламного послания.

Сравнивая особенности немецкоязычных и русскоязычных текстов рекламного дискурса, представляется возможным сделать вывод о том, что у них имеется много общих черт:

- В большинстве рекламных текстов эмоция страха не называется эксплицитно и не описываются, но легко реконструируются из контекста благодаря эмоциональной компетенции адресата.
- Выражение эмоций происходит при помощи коннотативов, ассоциативно-эмотивной лексики (прилагательных, глаголов, существительных, вызывающих ассоциацию с определенным эмоциональным состоянием).
- Доминантным грамматическим средством при оформлении побудительных предложений выступает повелительное наклонение как прием открытого убеждения.
- Использование вопросительных предложений призвано побудить адресата к размышлению и самостоятельному принятию решения.
- При репрезентации эмоций в рамках одного текста может быть задействовано не одно, а целый комплекс языковых и неязыковых средств.
- Для реализации речевой тактики сближения и внедрения в сознание адресата используются личные и притяжательные местоимения.
- Спектр объектов страха в рекламе имеет культурную специфику, хотя общим является страх смерти и потери здоровья.

Отличительные черты:

- ❖ Апелляция к эмоциям страха в немецкоязычной рекламе встречается как в социальной, так и в коммерческой рекламе, в то время как в русскоязычной – только в социальной.
- ❖ Немецкоязычная коммерческая реклама обращена к страху потери имущества и работы.
- ❖ Значительное количество русскоязычных текстов социальной рекламы эксплуатирует страх за жизнь и здоровье детей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борисова, А. С.* Прагматика эмоций в современном рекламном дискурсе (на материале французского языка) / А. С. Борисова, К. Э. Рубинштейн // Вестн. РУДН. Сер. Лингвистика. – 2015. – № 2. – С. 133–147.
2. Базовые эмоции – психограмматика [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа : <http://psihogrammatika.ru/?p=280>. – Дата доступа : 01.11.19.
3. *Коростоянова, С. В.* Эмоциональные ситуации в художественном тексте: способы выражения эмотивно-оценочных смыслов / С. В. Коростоянова // Вестник ТГУ. Сер. Филологические науки и культурология. Культурология. – 2016. – Вып. 3 (7). – С. 70–78.

4. *Ветюгова, Л. А.* Лексические средства выражения и описания эмоций в немецком языке / Л. А. Ветюгова [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа : https://www.pglu.ru/upload/iblock/626/uch_2008_iii_00035.pdf. – Дата доступа : 15.11.19.
5. *Кириллова, Ю. Н.* Лингвистические особенности текста социальной рекламы (на материале немецкого языка / Ю. Н. Кириллова) // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. – 2017. – Т. 17. – Вып. 3. – С. 265–272.
6. *Ильичева, И. Л.* Взаимодействие компонентов семиотически осложненного текста : на материале англоязычной печатной рекламы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И. Л. Ильичева ; Минск. гос. лингв. ун-т. – Минск, 2008. – 19 с.
7. Налоги для автовладельцев в Германии в 2019 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://zagranportal.ru/germaniya/transport/nalog-na-vladienie-avtomobilem-germanii.html>. – Дата доступа : 11.11.19.
8. «Жизнь – это не кино»: МЧС представляет новую серию билбордов [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : <https://mchs.gov.by/glavnoe/231377/>. – Дата доступа : 14.11.19.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- П1 – Piept, bevor Sie gegen die Wand fahren [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.abendzeitung-muenchen.de/inhalt.lustig-boese-schadenfroh-bilder-die-besten-sixt-werbungen-der-letzten-jahre.b04ba09c-fbc3-479c-b339-0e4f8da1b97a.html>. – Дата доступа : 01.11.19.
- П2 – Alkohol am Steuer: könnten Sie damit leben? // News. – 2010. – № 15. – S. 23.
- П3 – Ein Klick im Internet kann Sie reich machen oder ruinieren // Der Spiegel. – 2008. – № 9. – S. 57.
- П4 – Gehen Sie nicht in die Luft wegen so viel Asche! [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://apps.derstandard.at/privacywall/story/1271374460555/schnelle-sixt-werbung-gehen-sie-nicht-in-die-luft-wegen-soviel-asche>. – Дата доступа : 11.11.19.
- П5 – Kostet den Job. Kostet fast nix [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.businessinsider.de/diese-werbung-mit-ex-dfb-chef-grindel-war-selbst-autovermieter-sixt-zu-heikel-2019-4>. – Дата доступа : 11.11.19.
- П6 – Schützen Sie sich vor Erkältung & Co // Die Zeit. – 2009. – № 11. – S. 37.
- П7 – Krank und Mama muss arbeiten? [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.werberat.de/stereotype-darstellungen>. – Дата доступа : 12.11.19.

The article deals with the representation of the emotion of fear in Russian and German advertising texts. The main ways of appealing to this emotion are revealed. Lexical, grammatical and stylistic means of its transmission are described.

Поступила в редакцию 15.11.2019

СЕМАНТЫЧНА НЕДЫФЕРЭНЦЫРАВАНАЯ РЭДУКЦЫЯ Ў БЕЛАРУСКАЙ І АНГЛІЙСКАЙ МОВАХ

Артыкул прысвечаны даследаванню структурнай арганізацыі семантычна недыферэнцыраваных рэдукаваных сказаў у беларускай і англійскай мовах. У рабоце выяўлены ўніверсальныя і спецыфічныя параметры тыпалогіі сінтаксічных адзінак у мовах сінтэтычнага і аналітычнага тыпаў – магчымасць структурнай дыферэнцыяцыі сказаў, асабліва сінтаксічнай сувязі і парадак слоў; знойдзены і сістэматызаваны звышфразавыя тыпы семантычна недыферэнцыраванай рэдукцыі ў беларускай і англійскай мовах.

У творах мастацкай літаратуры шырока функцыянуюць структурна-сінтаксічныя мадыфікацыі сінтаксічных адзінак. Антрапацэнтрычны характар сучасных моўных працэсаў выклікаў тэндэнцыю да ўдасканалення механізмаў рэгулявання моўнай сістэмы, што паўплывала на карэляцыю паміж развіццём мыслення і матэрыяльнымі сродкамі яго выражэння.

Адным са складаных і актуальных пытанняў на сённяшні дзень з'яўляецца сінтаксічная рэдукцыя. Трактоўка названай праблемы неадназначная. Частка даследчыкаў робіць акцэнт на структурную арганізацыю канструкцый і адносіць эліпіс, рэдукцыю і кампрэсію да з'яў аднаго парадку [1; 2]. Таксама існуе меркаванне, што сінтаксічная рэдукцыя выступае сродкам мастацкай выразнасці – стылізацыяй пад гутарковую мову [3]. Кваліфікуецца рэдукцыя і як кампазіцыя семантычных кампанентаў [4]. Неадназначнасць трактоўкі і адсутнасць у лінгвістычнай літаратуры канцэптуальнага тыпалагічнага апісання сінтаксічнай рэдукцыі патрабуе ўсебаковага і комплекснага яе даследавання.

Да з'явы рэдукцыі мы адносім канструкцыі з кантэкстным або сітуацыйным апушчэннем тых або іншых элементаў выказвання. На аснове даследаванага фактычнага матэрыялу намі былі выдзелены семантычна недыферэнцыраваныя і семантычна дыферэнцыраваныя тыпы рэдукцыі.

У дадзеным артыкуле прыведзены аналіз семантычна недыферэнцыраванай сінтаксічнай рэдукцыі, да якой мы адносім канструкцыі з парушэннем сінтагматычных сувязей, гэта значыць перарваныя і незавершаныя рэплікі, дзе кампенсация пропуску амаль заўсёды ажыццяўляецца на ўзроўні складанага сінтаксічнага цэлага. Рэдукцыя такога тыпу вядома ў лінгвістычнай літаратуры як усячэнне, калі выказванне застаецца незавершаным з-за камунікатыўных інтэнцый адрасанта.

У выніку параўнальна-тыпалагічнага даследавання ў беларускай і англійскай мовах былі выяўлены наступныя віды семантычна недыферэнцыраванай рэдукцыі: без магчымасці аднавіць змест і з варыятыўнай інтэрпрэтацыяй зместу.

У супастаўляемых мовах **сінтаксічная рэдукцыя без магчымасці аднавіць змест** часцей адбываецца на ўзроўні звышфразавых адзінстваў. У такіх выпадках сказ мае незавершаны характар, дзе паддаецца ўсячэнню

канчатковая частка выказвання: *Мама! Ты забываеш, што для мяне палітычны каментатар важней за ...* (А. Макаёнак); *I got the magic of all kinds of good roots and chemicals in me. I got ...* (R. Bradbury).

У беларускай мове дадзенаму тыпу рэдукцыі часцей паддаецца просты **выказнік** або частка складанага выказніка: *Страх. Чуткі. Людзі былі прыбіты не радыяцыяй, а здарэннем. Мы павінны былі ...* (С. Алексіевіч). У канструкцыях з разглядаемым тыпам рэдукцыі незамешчанай застаецца значная колькасць сінтаксічных пазіцый, таму сэнс іх кваліфікуецца як недыферэнцыраваны пры адсутнасці кампенсаторных сродкаў: *А можа, мы пад адным дахам, у адной хаце ўсе разам сядземся ды і будзем жыць... Я вам бялізну буду мыць, а вы...* (А. Дудараў). Змест апушчаных кампанентаў у канструкцыях з сінтаксічнай рэдукцыяй выводзіцца на аснове логіка-семантычных адносін.

У англійскай мове рэдукаваны выказнік не з'яўляецца актыўным спосабам апушчэння лексічных кампанентаў. Былі выяўлены прыклады з рэдукцыяй толькі часткі дзеяслоўнага выказніка: *Most guys would probably just ...* (J. Salinger); *Wasn't there something ...? Hadn't she been ...?* (D. Setterfield). Як бачым з прыкладаў, пасля ўсячэння застаецца тая частка складанага выказніка, якая з'яўляецца неабходнай для граматычнай функцыі дадзенага прэдыката. Граматычныя фарманты *would* і *hadn't been* захоўваюцца ў азначаных сінтаксічных канструкцыях, апускаюцца толькі дзеяслоўныя кампаненты, якія з'яўляюцца неабходнымі для разумення семантыкі сказа. Неабходнасць захавання граматычных фармантаў звязана з аналітычнасцю англійскай мовы, дзе граматычныя адносіны выражаюцца праз сінтаксіс. У дадзеных выпадках праз маркеры *would* або *hadn't been* можна вызначыць часавыя адносіны ў сказе, мадальнасць і стан дзеясловаў-выказнікаў. Пры рэдукцыі інфінітыва матэрыяльна выражаным можа заставацца мадальны дзеяслоў: *I know, I thought perhaps you and I could ...* (D. Brown). Граматычны фармант *could* паказвае на наяўнасць значэння магчымасці ў сказе, аднак дзеяслоў, які адказвае за лексічнае значэнне выказніка, выражаны імпліцытна без магчымасці аднаўлення з кантэксту.

У супастаўляемых мовах у звышфразавым адзінстве двухсастаўная група, у складзе якой знаходзіцца **дзеяслоў і выказнік**, можа паддавацца рэдукцыі: *Яны ўсе гангстэры, бандыты. У іх рукі і сумленне ў крыві. А ты хочаш, каб ...* (А. Макаёнак); *They'll try to spoil things we do. So the watchers at the gate must be careful. And then ...* (W. Golding).

Як правіла, рэдукцыя цэлай даданай часткі становіцца магчымай у поліпрэдыкатыўным выказванні ў складзе сінтаксічнага цэлага. У беларускай мове былі зафіксаваны рэдукаваныя складаназалежныя сказы з азначальнымі адносінамі: *Таварыш Шыковіч, парадак ёсць парадак. Дакументы, якія з'яўляюцца дзяржаўнай тайнай...* (І. Шамякін); з дапаўняльнымі адносінамі: *Ты не ўяўляеш, як бубухнула. Я ніколі не чуў, каб так ...* (І. Шамякін); з даданымі ўмовы: *Усе вы, чэрці, ненадзейныя. Калі б не наша сіла, дык вы ...*

(Г. Далідовіч); з даданымі мэты: *Знайшлася нахабніца – сілком хацела адабраць. І каб не быць пакінутай ...* (А. Дзялендзік). Праведзены аналіз паказаў, што рэдукавацца можа як даданая частка, так і галоўная. Усячэнню паддаецца поўнаасцю ўся частка або толькі яе галоўныя члены. Частковая кампенсацыя сэнсу можа адбывацца ў прэпазіцыі або постпазіцыі адносна рэдукаванага кампанента або ўвогуле прадстаўляецца немагчымай.

У англійскай мове былі выяўлены рэдукаваныя складаназалежныя сказы з даданымі прычыны: *So they would continue enduring the ill-balanced twister, because, because Again he lost himself in deep waters* (W. Golding); даданымі ўмовы: *He is wonderfully patient and never complains, not even when he remembers ...* (D. Du Maurier); даданымі дапаўняльнымі: *I have a feeling that you're riding for some kind of a terrible, terrible fall. But I don't honestly know what kind ...* (J. Salinger).

Дадзены тып рэдукцыі не з'яўляецца прадуктыўным у супастаўляемых мовах. Спецыфічнай асаблівасцю англійскай мовы можна назваць рэдукаванне галоўных членаў сказа для змянення камунікатыўнай структуры выказвання. Так, калі ў беларускай мове для выдзялення рэмы дастаткова простага перамяшчэння парадка слоў, пры якім лексемы захоўваюць свае сінтаксічныя функцыі, то ў англійскай – для выдзялення рэмы выкарыстоўваецца розныя сінтаксічныя канструкцыі: *Of course not. Very sensible of you both. After all, it wasn't as though ...* (D. Du Maurier). Асноўнымі сродкамі актуальнага членення ў беларускай мове з'яўляюцца інтанацыя і парадак слоў, у англійскай мове – парадак слоў і сінтаксічныя канструкцыі з фармальным дзейнікам *it*, якія выражаныя экспліцытна і не нясуць ніякай сэнсавай нагрузкі. У той жа час рэма ў такіх выпадках можа афармляцца імпліцытна.

Так, двухсастаўнае афармленне сказа ў англійскай мове абавязкова не толькі ў тых выпадках, калі двухсастаўнасць матывавана зместам сказа, г.зн. адпавядае сэнсавай структуры сказа, але і тады, калі яна супярэчыць зместу.

Спецыфічная асаблівасць беларускай мовы – наяўнасць рэдукаваных структур з безасабовымі дзеясловамі: *Цяпер гэта амаль нармальна з'ява. Альбо разбой... Калі так будзе працягвацца...* (М. Арахоўскі). Паколькі безасабовыя дзеясловы ў англійскай мове маюць граматычна выражаны дзейнік, беларускім безасабовым дзеясловам адпавядаюць у англійскай мове аднавалентныя дзеясловы, для якіх суб'ектная валентнасць з'яўляецца абавязковай: *We'd starve to death. The whole thing's so fantastic, it isn't even...* (J. Salinger).

У супастаўляемых мовах **сінтаксічная рэдукцыя з варыятыўнай інтэрпрэтацыяй зместу** часцей функцыянуе на ўзроўні звышфразавога адзінства, дзе ў беларускай мове можа рэдукавацца **выказнік**: *Я згодзен быў на любы варыянт. Ты знаеш. Але Ірына і я саюзніца Вольга ...* (І. Шамякін). Канструкцыі такога плана кваліфікуюцца як рэдукаваныя па прычыне недасказанасці.

Інтэрпрэтацыя рэдукаваных кампанентаў можа адбывацца шляхам зместавага ўзаемадзеяння з экспліцытна выражанай часткай канструкцыі:

Падумай, што ты робіш? Цябе затрымаюць, пачнуць дапытваць... Ды і брат... што ты скажаш там?... (І. Шамякін). Незамешчаная пазіцыя ў дадзенай канструкцыі з сінтаксічнай рэдукцыяй запаўняецца прэдыкатам *спытае*, вызначыць які дапамагае экспліцытна выражаная постпазіцыйная частка канструкцыі. У дадзеным выпадку мы бачым, што семантычна недыферэнцыраваная рэдукцыя з варыятыўнай інтэрпрэтацыяй зместу можа суправаджацца парцэляцыяй.

У беларускай мове назіраюцца выпадкі, калі кампенсацыя рэдукаванай часткі з прэдыкатам ажыццяўляецца на аснове супрацьпастаўляльных адносін: *Чалавек з сякерай і лукам ці чалавек з гранатамётам і газавымі камерамі не мог забіць усіх. Але чалавек з атамам...* (С. Алексіевіч). Як бачым, дзякуючы наяўнасці пэўных адносін паміж часткамі складанага цэлага, змест рэдукаванага выказвання паддаецца варыятыўнай інтэрпрэтацыі.

У англійскай мове таксама былі заўважаны выпадкі рэдукцыі выказніка ў звышфразавых адзінствах. Часцей сустракаецца мадэль з рэдукаваным прэдыкатам у складаных сказах з супастаўляльнымі адносінамі: *One minute you scream at me, and the next you ...* (J. Salinger). Адметнасць рэдукаваных канструкцый з варыятыўнай інтэрпрэтацыяй заключаецца ў немагчымасці падставіць лексему з канкрэтным значэннем па прычыне нязначнай колькасці экспліцытна выражаных кампанентаў. Аднак, дзякуючы наяўнасці ў сінтаксічным цэлым супастаўляльных адносін, можна здагадацца пра значэнне апушчанага прэдыката.

Як вынік, у англійскай мове сінтаксічная рэдукцыя з усечаным прэдыкатам не з'яўляецца актыўным спосабам апушчэння лексічных кампанентаў, што звязана з аналітычнай прыродай мовы і асаблівасцямі граматычнай структуры сказа. У англійскай мове са стратай канчаткаў назоўнікаў і дзеясловаў сказ аформіўся ў выглядзе фіксаванай двухсастаўнай схемы S-P-(O), дзе кожная пазіцыя павінна быць сінтаксічна запоўненай. Таму ў англійскай мове двухсастаўнасць і дзеяслоўнасць абавязкова выражаны матэрыяльна.

У беларускай мове пры рэдукцыі з варыятыўнай інтэрпрэтацыяй зместу можа апускацца **дапаўненне**, дзе кампенсацыя рэдукаванай часткі выказвання можа ажыццяўляцца на аснове адносін супастаўлення экспліцытна і імпліцытна выражанай рэплікі: *Ідзе аперацыя. Ён уважліва і прыдзірліва прасочвае ўвесь ход яе, ад падрыхтоўкі хворай да...* (І. Шамякін). Лексічнае папаўненне базавай часткі, якая знаходзіцца ў прэпазіцыі, стварае пэўную сэнсавую напоўненасць рэдукаванай часткі выказвання: *Я табе кажу – добры сон ... Чакай* (А. Дудараў). Апора на кантэкст дазваляе аднавіць імпліцытна выражаны аб'ект *радасці*, аднак аўтар дапускае некалькі варыянтаў асэнсавання ўсечанага кампанента.

У беларускай мове ў недыферэнцыраваных рэдукаваных канструкцыях варыятыўнай інтэрпрэтацыяй зместу можа апускацца **азначэнне**: *Ёсць сярод іх сапраўды сумленныя, шчырыя людзі. А ёсць...* (Б. Сачанка). Мэтай такога тыпу ўсячэння з'яўляецца стварэнне эмацыйнай недасказанасці, дзе аўтар надае сінтаксічнай структуры напружанне і тым самы рэалізоўвае функцыю

эмацыянальнага ўздзеяння на чытача. Кампенсцыя рэдукаванай лексемы адбываецца на аснове супрацьпастаўляльных адносін паміж экспліцытна і імпліцытна выражанымі часткамі выказвання. У англійскай мове сінтаксічна недыферэнцыраваная рэдукцыя з дапаўненнем і азначэннем адсутнічае, што звязана з сінтаксічнымі асаблівасцямі функцыянавання аб'екта і атрыбута. Недастатковасць марфалагічных сродкаў выражэння сінтаксічнай сувязі прыводзіць да абавязковай эксплікацыі сінтаксічных кампанентаў у англійскай мове.

Такім чынам, у выніку даследавання семантычна недыферэнцыраванай сінтаксічнай рэдукцыі ў беларускай і англійскай мовах былі выяўлены ўніверсальныя характарыстыкі і спецыфічныя асаблівасці функцыянавання дадзеных структур у тэксце.

Звышфразавыя **рэдукаваныя сінтаксічныя адзінствы без захавання зместу** ўключаюць усячэнне *простага выказніка* ў беларускай мове, усячэнне *часткі складанага дзеяслоўнага выказніка* і *цэлай прэдыкатыўнай часткі* ў беларускай і англійскай мовах.

Спецыфічнай асаблівасцю англійскай мовы можна назваць рэдукаванне галоўных членаў сказа для змянення камунікатыўнай структуры выказвання, дзе рэма ў такіх выпадках афармляецца імпліцытна. Спецыфічная асаблівасць беларускай мовы – наяўнасць рэдукаваных структур з безасабовымі дзеясловамі, у той час як у англійскай мове безасабовыя дзеясловы заўсёды маюць граматычна выражаны дзейнік.

Звышфразавыя **рэдукаваныя сінтаксічныя адзінствы з варыятыўнай інтэрпрэтацыяй зместу** ўключаюць усячэнне *простага выказніка* ў беларускай і англійскай мовах, усячэнне аднаго з *аднародных выказнікаў*, *дапаўнення*, *азначэння* ў беларускай мове.

У англійскай мове галоўныя члены сказа павінны быць абавязкова сінтаксічна выражанымі, таму апусчэнне выказніка сустракаецца значна радзей. У беларускай мове пры рэдукцыі з варыятыўнай інтэрпрэтацыяй зместу можа апускацца *дапаўненне* і *азначэнне*, калі аднаўленне інфармацыі магчыма толькі ў выпадках наяўнасці супастаўляльных адносін. У англійскай мове сінтаксічна недыферэнцыраваная рэдукцыя з дапаўненнем і азначэннем адсутнічае, што звязана з сінтаксічнымі асаблівасцямі функцыянавання аб'екта і атрыбута. Недастатковасць марфалагічных сродкаў выражэння сінтаксічнай сувязі прыводзіць да абавязковай эксплікацыі сінтаксічных кампанентаў у англійскай мове.

ЛІТАРАТУРА

1. Грудева, Е. В. Избыточность и эллипсис в русском письменном тексте / Е. В. Грудева. – Череповец : Череповец. гос. ун-т, 2007. – 251 с.
2. Лагузова, Е. Н. Синтаксическая компрессия и синтаксическая редукция в современном русском языке / Е. Н. Лагузова // Социальные и гуманитарные знания. – 2016. – Т. 2, № 4. – С. 315–319.

3. Таюпова, О. И. Синтаксическая редукция в современной немецкой художественной прозе / О. И. Таюпова, Н. В. Безрукова // Вестн. Башк. ун-та. – 2011. – Т. 16, № 1. – С. 69–71.

4. Culicover, P. W. *Simpler Syntax* / P. W. Culicover, R. Jackendoff. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2005. – 608 p.

The article explores the structural organization of semantically undifferentiated incomplete sentences in Belarusian and English. Universal and specific parameters of syntax typology of units in the languages of synthetic and analytical types are revealed: structural differentiation of sentences, peculiarities of syntax connection and the word order. Superphrasal types of semantically undifferentiated reduction in Belarusian and English were identified and systematized as well.

Поступила в редакцию 15.11.2019

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Л. П. Казловская, В. Канопа

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОНТАМИНАНТОВ
В АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена сопоставительному исследованию контаминации как продуктивному способу словообразования в современных английском и французском языках. Исследуются структура и семантика контаминированных образований в двух языках. Выявлены и описаны основные структурные типы и наиболее частотные словообразовательные модели контаминантов, а также их семантическое наполнение в исследуемых языках. Проведена систематизация фактического материала по тематическому признаку.

Явление контаминации, как динамично развивающийся способ образования новых слов, активно изучается в современном языкознании на материале различных языков. В центре нашего внимания – структурно-семантические особенности английских и французских контаминированных единиц в сопоставительном ракурсе.

Материалом для исследования послужили 412 английских и французских контаминантов, принадлежащих одному языковому уровню – лексические образования, значение которых полностью или частично выводится из значения их структурных составляющих.

Вслед за Т. Н. Астафуровой и О. Н. Сухоруковой, мы трактуем контаминацию¹ как самостоятельный способ словообразования, который состоит в слиянии двух или более усеченных (осколочных) основ или слов, а также полного слова/основы с усеченным (осколочным), в результате чего образуется новая лексическая единица, полностью либо частично совмещающая значение всех своих структурных компонентов [1, с. 182].

Особенность контаминантов состоит в том, что их словообразовательной единицей является не основа, а ее произвольный фрагмент (необязательно совпадающий с основой по объему), который появляется только в момент создания нового слова. Эта специфика контаминированных образований позволила некоторым ученым утверждать, что полноценный грамматико-морфологический и структурный анализ данных лексических единиц не осуществим [2, с. 10]. Тем не менее, выделение четких критериев для классификации сложных слов, а также учет фонетических особенностей данного способа словообразования позволили нам провести сопоставительный структурно-семантический анализ контаминации на материале двух языков романской и германской групп. В анализе лексических единиц мы опираемся в первую очередь на исследования Н. А. Лавровой и Т. А. Золотарёвой, проведенные на материале английского языка [3; 4].

¹ Т. Н. Астафурова и О. Н. Сухорукова используют термины *телескопия*, *телескопическая единица* [1, с. 182]. Мы отдаем предпочтение терминам *контаминация* и *контаминированная единица*.

Если рассматривать контаминированные производные в английском и французском языках с точки зрения количества исходных слов, то они, как правило, состоят из двух элементов, ср. *morphophonemics* = *morpho(logy)* + *phonemics* ‘изучение взаимосвязи между фонемами и морфемами’ (англ.), *tangemon* = *tange(rine)* + *(l)emon* ‘гибридная форма лимона и мандарина’ (англ.) и *escalator* = *escal(ier)* + *(élev)teur* ‘эскалатор’ (фр.), *émoticon* = *émot(ion)* + *icone* ‘эмотикон – пиктограмма, изображающая эмоцию’ (фр.). Однако в английском языке, в отличие от французского, встречаются также трехэлементные слияния, например: *Intelevisiory* = *Intel* + *television* + *visionary* ‘разведка, секретная информация + телевидение + смелый, прогрессивный, имеющий нестандартный взгляд на вещи’, *movietonews* = *movie* + *tone* + *news* ‘кинохроника, которая длилась с 1928 по 1963 год в США’.

Анализируя частеречную принадлежность мотивирующих компонентов, необходимо отметить, что подавляющее большинство попавших в выборку контаминированных единиц английского и французского языков образованы путем слияния двух существительных (N + N): *slanguage* = *slang* + *language* ‘жаргон = сленг + язык’ (англ.), *heliport* = *heli(copter)* + *(air)port* ‘аэродром для вертолетов, вертолетная станция, вертолетная площадка’ (англ.); *franglais* = *fran(çais)* + *anglais* ‘“франглийский” язык, смесь французского с английским’ (фр.), *ordinosaure* = *ordina(teur)* + *dinosaure* ‘старый компьютер’ (фр.).

В обоих языках представлены также контаминанты, созданные по модели:

- прилагательное + существительное (Adj + N): *motorcycle* = *motor(ized)* + *(bi)cycle* ‘мотоцикл’ (англ.), *mobinautes* = *mobi(le)* + *(inter)nautes* ‘пользователи Интернета по мобильному телефону’ (фр.);

- прилагательное + прилагательное (Adj + Adj) : *anrageous* = *anгр(y)* + *rageous* ‘полный злости/ненависти’ (англ.), *permittent* = *perm(anent)* + *(inter)mittent* ‘человек, работающий скорее на непостоянной, чем на постоянной основе’ (фр.);

- глагол + имя (V + N): *gotel* = *go* + *(ho)tel* ‘отель для путешествующих на машине’ (англ.), *croquille* = *croqu(er)* + *(co)quille* ‘десерт в форме ракушки’ (фр.).

Категориальная принадлежность полученной лексической единицы определяется, как правило, по второму слову/фрагменту в ее структуре.

В исследуемых французских и английских контаминированных образованиях мы, вслед за Н. А. Лавровой, выделяем родовые и маркирующие элементы. Анализируемые конструкции мы соответственно разделяем на тема-рематические контаминанты, в структуре которых всегда четко различается морфологический базис (заданная, известная информация) и морфологический признак (новая, оценочная информация, характеризующая базис по различным параметрам), например: *idiotorial* = *idiot* + *(edi)torial* ‘неудачная передовая статья’ (англ.), *fanzine* = *fan* + *(maga)zine* ‘журнал для фанатов’ (фр.) и эквиполентные контаминанты, структура которых не всегда поддается тема-рематическому членению ввиду использования слов-синонимов в качестве мотивирующих элементов [3, с. 11], например: *needcessity* =

need + *(ne)cessity* ‘необходимость’ (англ.), *épouffroyable* = *épou(vantable)* + *(e)ffroyable* ‘ужасающий/страшный/жуткий’ (фр.). Количественная активность последних в исследуемых языках весьма незначительна.

В зависимости от количества денотатов в составе контаминанта исследуемые единицы подразделяются на стандартные, называющие более чем один референт, и плеоназмы, которые синонимически называют один и тот же референт [3, с. 14]. К первой группе можно отнести, например, английский контаминант *benefacial* = *benef(i)cial* + *facial* ‘полезный, выгодный + косметический’ и французский контаминант *vivifantastique* = *vivif(iant)* + *fantastique* ‘бодрящий + невероятный’. Вторая группа включает слова, типа *crocogator* = *croco(dile)* + *(alli)gator* ‘крокодил + аллигатор’ (англ. и фр.). Их количество ограничено в обоих языках.

Структурный анализ контаминированных образований английского и французского языков по системе Т. А. Золотарёвой [4, с. 92–94] позволил нам, в зависимости от участия того или иного фрагмента производящих основ в построении нового слова, выделить в изучаемых языках *три* структурных типа контаминированных единиц. К ним относятся: *полные* (слияние двух усеченных основ), *частичные* (слияние фрагмента (осколка) одного слова и полной (неусеченной) основы другого) и *гаплогические* (междусловное графическое/фонетическое наложение) контаминированные образования.

Количественный анализ фактического материала показал, что в исследуемых языках самыми многочисленными являются *полные* контаминанты – 77 ед. (37,4 %) – во французском и 81 ед. (39,4 %) – в английском языке, на втором месте находятся *частичные* контаминанты – 73 ед. (35,4 %) во французском и 78 ед. (37,8 %) – в английском языке. Менее представлены в количественном плане *гаплогические* образования – 56 ед. (27,4 %) – во французском языке и 47 ед. (22,8 %) – в английском (табл. 1).

Таблица 1

Структурные типы двухкомпонентных контаминированных образований
в английском и французском языках

Структурные типы контаминантов	Английский язык		Французский язык	
	абсолютная частотность, ед.	относительная частотность, %	абсолютная частотность, ед.	относительная частотность, %
Полные	81	39,4	77	37,4
Частичные	78	37,8	73	35,4
Гаплогические	47	22,8	56	27,2
Всего	206	100	206	100

Дальнейшее изучение полных, частичных и гаплогических контаминантов позволило выделить восемь структурных моделей образования лексических единиц данного типа во французском и английском языках.

Так, в образовании *полных контаминатов* участвуют либо начальные, либо конечные фрагменты производящих основ. Их возможные комбинации представлены *три* структурными моделями.

Анализ фактического материала показал, что словообразовательная модель 1.1 ($AB+CD=AD$)¹ является самой распространенной среди полных контаминантов в исследуемых языках (26,2 % в английском языке и 30 % – во французском). В данной модели усечению подвергаются конечный фрагмент первого компонента и начальный фрагмент второго: *Oxbridge* = *Ox(ford)* + *(Cam)bridge* ‘Оксфордский и Кембриджский университеты’ (англ.), *family* = *fr(iends)* + *(f)amily* ‘когда друзья становятся как семья’ (англ.), *autocide* = *auto(mobile)* + *(sui)cide* ‘самоубийство, совершенное путем намеренно вызванной автомобильной катастрофы’ (англ.) и *aliments* = *ali(ment)* + *(médi)ciments* ‘пища, положительно влияющая на образ жизни человека’ (фр.), *logithèque* = *logi(ciel)* + *(biblio)thèque* ‘библиотека программ (для ЭВМ)’ (фр.), *Afropolitain* = *afr(ica)in* + *(métr)opolitain* ‘африканец, родившийся во Франции’ (фр.) и др.

Структурная модель 1.2 ($AB+CD=AC$), где усечению подвергаются конечные фрагменты обоих компонентов, в два раза чаще используется в английском языке, чем во французском (12,1 % против 6,8 %). Ср.: *Britpop* = *Brit(ish)* + *pop (music)* ‘Британская поп-музыка’ (англ.), *Interpol* = *inter(national)* + *pol(ice)* ‘Интерпол, сокращенное название Международной организации уголовной полиции’ (англ.), *famicom* = *fami(ly)* + *com(puter)* ‘семейный компьютер’ (англ.) и *courriel* = *courri(er)* + *él(ectronique)* ‘электронное письмо’ (фр.), *fintech* = *fin(ance)* + *tech(nologie)* ‘финансовые технологии’ (фр.), *samdim* = *sam(edi)* + *dim(anche)* ‘выходные’ (фр.). В данной модели возможно также усечение одного из элементов (обычно первого) до одной буквы: *funt* = *f(in)ancial* + *unt(ouchable)* ‘некредитоспособный человек’ (англ.).

Модель 1.3 ($AB+CD=BD$) – структура с усечением начальных фрагментов обоих компонентов, является наименее распространенной как в английском (1 %), так и во французском языке (0,5 %): *netizen* = *(Inter)net* + *(cit)izen* ‘пользователь Интернета, проводящий много времени в сети, «прописавшийся» в Интернете’, *éno*l = *(alc)ène* + *(alco)ol* ‘энол’ (фр.).

Образование *частичных контаминантов* также происходит по *трем* идентичным направлениям в английском и французском языках. Однако исследуемые языки отличаются количественными показателями.

Модель 2.1 ($AB+CD=ACD$), где наблюдается слияние начального фрагмента первого слова с полной основой второго, является предпочтительной для французского языка (21,8 % во французском языке и 14,6 % – в английском), ср., например: *petrodollar* = *petro(le)* + *dollar* ‘нефтедоллар’ (фр.),

¹ Буквенные обозначения в классификации Т. А. Золотарёвой помогают условно описать структуру контаминанта: А – начальный фрагмент первого исходного слова; В – его конечный фрагмент; С – начальный фрагмент второго исходного слова; D – его конечный фрагмент; О – общий элемент [4, с. 92].

Eurasie = *Eur(ope)* + *Asie* (фр.) и *teleplay* = *tele(vision)* + *play* ‘пьеса, написанная для передачи по телевидению, телеспектакль’ (англ.), *Brexit* = *Br(itain)* + *exit* ‘выход Британии из Евросоюза’ (англ.).

Модель 2.2 ($AB+CD=ABD$), которая образуется путем объединения полной основы первого слова с конечным фрагментом второго, чаще встречается в английском языке (22,3 % против 13,1 %). Ср.: *roundwich* = *round* + *(sand)wich* ‘круглый по форме бутерброд’ (англ.), *quicktionary* = *quick* + *(dic)tionary* ‘карманный электронный переводчик с функцией сканирования’ (англ.) и *webinaire* = *web* + *(sém)inaire* ‘вебинар’ (фр.), *cochonceté* = *cochon* + *(méchan)ceté* ‘свинство’ (фр.). Многие производные компоненты в данной структуре отмечены созвучием, игрой слов и аналогией с производящими основами, ср.: *wordrobe* = *word* + *w(a)rdrobe* ‘словарный запас’ (англ.) и *barathon* = *bar* + *(mar)athon* ‘конкурс в баре: кто выпьет больше алкоголя за вечер’ (фр.).

Модель 2.3 ($AB+CD=ABC$), в которой происходит слияние полной основы первого слова с начальным фрагментом второго, оказалась наименее продуктивной моделью образования частичных контаминантов в обоих языках (1 % в английском языке и 0,5 % – во французском): *TomKat* = *TomCruise* + *Kat(ie) Holmes* ‘ТомКэт’ (англ.) и *fanfic* = *fan* + *fic(tion)* ‘продолжение художественного произведения, созданное его поклонниками’ (фр.).

Необходимо отметить, что при создании как полных, так и частичных контаминантов в исследуемых языках наблюдается тенденция включения в их состав акронимов и аббревиатур: *smishing* = *SM(S)* + *(ph)ishing* ‘интернет-мошенничество, осуществляемое с помощью SMS’, *NYLON* = *NY(New York)* + *Lon(don)* ‘Нью-Йорк + Лондон’ (фр.). Причем подобные образования во французском языке часто заимствуются из английского, например: *B2B2C* = *B2B(business to business)* + *B2C(business to consumer)* ‘онлайн-торговля через посредника’ (фр.). Кроме того, при создании частичных контаминантов в английском и во французском языках возможно усечение одного из элементов до одной буквы/звука: *vash* = *v(olcano)* + *ash* ‘вулканический пепел’ (англ.) и *phnober* = *ph(one)* + *(s)nober* ‘игнорировать собеседника, сосредоточенно смотря в экран телефона’ (фр.).

Гаплоглогические контаминанты английского и французского языков характеризуются междусловным графическим или фонетическим наложением и по принципу построения подразделяются на две группы:

Модель 3.1 ($AB+CD=AOD$), в которой новые лексические единицы образованы с помощью наложения отдельных букв/звуков в месте соединения, и О – общий элемент, несколько активнее используется во французском языке (18 %) по сравнению с английским (16 %): *Britalian* = *Brit(ish)* + *Italian* ‘итальянец, живущий в Британии’ (англ.), *barococo* = *baro(que)* + *rococo* ‘смесь стилей барокко и рококо’ (англ.), *infobésité* = *info(rmation)* + *obésité* ‘информационная перегрузка’ (фр.), *pourriel* = *pourri* + *(c)ourriel* ‘спам’ (фр.). При этом возможно усечение как обоих компонентов, так и одного:

*frui*ce = *frui*(t) + (j)*uice* ‘фруктовый сок’ (англ.), а также использование в качестве производных компонентов контаминированной единицы акронимов и аббревиатур: *Sidaction* = *SID*(A) + *action* ‘день борьбы против СПИДа’ (фр.).

Модель 3.2 (AB+CD=A(BC)D) графически/фонетически содержит оба исходных слова и составляет 6,8 % попавшего в выборку английского материала и 9,2 % французского: *musicassette* = *music* + *cassette* ‘магнитофонная лента с записанной музыкой’ (англ.), *comediocre* = *comedy* + *mediocre* ‘посредственная комедия’ (англ.), *vélocation* = *vélo* + *location* ‘прокат велосипедов’ (фр.), *photocopiage* = *photocopie* + *pillage* ‘ксерокопирование’ (фр.).

Сводные результаты сопоставительного анализа структуры английских и французских контаминированных образований представлены в табл. 2.

Таблица 2

Продуктивность контаминированных словообразовательных моделей
в английском и французском языках

Тип контаминанта	Модель образования	Английский язык	Французский язык
		кол-во лексических ед.	кол-во лексических ед.
Полные контаминанты	Модель 1.1 (AB + CD = AD)	54 (26,2 %)	62 (30 %)
	Модель 1.2 (AB + CD = AC)	25 (12,1 %)	14 (6,8 %)
	Модель 1.3 (AB + CD = BD)	2 (1 %)	1 (0,5 %)
Частичные контаминанты	Модель 2.1 (AB + CD = ACD)	30 (14,6 %)	45 (21,8 %)
	Модель 2.2 (AB + CD = ABD)	46 (22,3 %)	27 (13,1 %)
	Модель 2.3 (AB + CD = ABC)	2 (1 %)	1 (0,5 %)
Гаплоглогические контаминанты	Модель 3.1 (AB + CD = AOD)	33 (16 %)	37 (18 %)
	Модель 3.2 (A(BC)D)	14 (6,8 %)	19 (9,2 %)
Всего	8 моделей	206 (100 %)	206 (100 %)

Систематизация фактического материала по тематической принадлежности позволила сделать вывод о том, что на современном этапе развития английского и французского языков контаминация является весьма продуктивным способом словообразования практически во всех сферах человеческой деятельности. Контаминированные образования активно используются в области киноиндустрии (*rockumentaries* = *rock* + (d)*ocumentaries* ‘документальный фильм, посвященный рок-музыке’ (англ.), *vidéaste* = *vide*(o) + (cin)*éaste* ‘постановщик видеофильмов’ (фр.)), в сфере искусства и литературы (*seascape* = *sea* + (land)*scape* ‘морской пейзаж’ (англ.), *collimage* = *coll*(er) + *image* (фр.), *litcrit* = *lit*(erary) + *crit*(icism) ‘литературная критика; литературный критик’ (англ.), *proêmes* = *prose* + *poëme* ‘сочетание прозы и поэзии’ (фр.)), а также интернет-технологий (*Wikipedia* = *wiki* + (encyclo)*pedia* ‘Википедия’ (англ.), *rançongiciel* = *rançon* + (lo)*giciel* ‘программа-вымогатель’ (фр.)).

Контаминанты широко представлены также в тематических группах: «Жилье» (*aparthotel* = *apart*(ment) + *hotel* ‘гостиница или отель с номерами

квартирного типа' (англ.), *souplex* = *sous-(sol)* + *(du)plex* 'двухэтажная квартира на первом этаже с обустроенным подвалом' (фр.); «Еда и напитки» (*cronut* = *cro(issant)* + *(dough)nut* «кронат» – американский десерт, объединивший круассан и пончик' (англ.) и *crusine* = *cru* + *(cui)sine* 'сырая еда, приготовленная без варки/жарки' (фр.); «Транспорт» (*jeepster* = *jeep* + *(road)ster* 'джип + двухместный открытый автомобиль (англ.), *navibus* = *navi(re)* + *(auto)bus* 'корабль + автобус' (фр.); «Животные» (*cameleopard* = *camel* + *leopard* 'гибрид верблюда и леопарда' (англ.), *sanglichon* = *sangli(er)* + *(co)chon* 'гибрид дикого кабана и домашней свиньи' (фр.); «Отношения в обществе» (*nicoteens* = *nicot(ine)* + *teens* 'никотин + подростки' (англ.), *solibataire* = *sol(i)taire* + *(ce)libataire* 'одинокый холостяк' (фр.); «География» (*Pennsylvtucky* = *Pennsylv(vania)* + *(Ken)tucky* 'Пенсильвания + Кентукки' (англ.) и *Euramérique* = *Europe* + *Amérique* 'Северо-восточная Европа + Северная Америка' (фр.)) и др.

Таким образом, сопоставительный анализ английских и французских контаминированных единиц позволил сделать следующие выводы:

Контаминация является продуктивным способом словообразования в современном английском и французском языках. Контаминированные образования объединяются по тематическому признаку и широко используются в разных сферах человеческой деятельности.

Во французском и английском языках присутствуют три основных типа двухкомпонентных контаминантов – полные, частичные, гаплогогические и восемь структурных моделей контаминированных образований, идентичных в обоих языках.

Наибольшее распространение в языках сравнения получили контаминанты, состоящие из двух усеченных основ: начального фрагмента первого компонента и конечного фрагмента второго (62 ед. (30 %) – во французском языке и 54 ед. (26,2 %) – в английском). Второе место по словообразовательной активности во французском языке занимают контаминанты, созданные в результате слияния начального фрагмента первого слова с полной основой второго (45 ед. (21,8 %)); в английском языке – лексические единицы, образованные путем слияния полной основы первого слова с конечным фрагментом второго (46 ед. (22,3 %)). Третье место по продуктивности в обоих языках принадлежит контаминантам, полученным путем наложения отдельных букв-звуков в месте соединения двух слов/основ (37 ед. (18 %) – во французском и 33 ед. (16 %) – в английском).

В английском и французском языках наметилась тенденция включения в состав производных контаминантов акронимов и аббревиатур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астафурова, Т. Н. Телескопия: новый способ словообразования? / Т. Н. Астафурова, О. Н. Сухорукова // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. – 2006. – № 5. – С. 182–185.

2. Мурзаков, А. А. Функционально-прагматические аспекты слияния в английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. А. Мурзаков; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб, 2013. – 24 с.
3. Лаврова, Н. А. Структурно-семантические и функциональные аспекты контаминации (на материале современного английского языка) : автореф. дис ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. А. Лаврова ; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2007. – 17 с.
4. Золотарёва, Т. А. Структурный анализ телескопных новообразований в современном английском языке / Т. А. Золотарёва // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. – 2011. – № 2 (56). – С. 91–94.

The article deals with contamination as a productive word formation in modern English and French. It examines the semantics and structure of contaminated units in both languages revealing and describing their basic structural types and most recurrent word formation patterns, as well as their semantic content. The practical material is systematized according to the theme.

Поступила в редакцию 31.10.2019

А. В. Ломовая

ФУНКЦИИ ПСЕВДООБЪЕКТА В АНГЛИЙСКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ДЕНОМИНАТИВНЫМИ ГЛАГОЛАМИ

В статье рассматривается специфика функционирования в английском предложении синтаксических конструкций, состоящих из глаголов, образованных путем конверсии от имен существительных (деноминативных глаголов), и семантически пустого объекта (псевдообъекта). Исследуется взаимосвязь между семантическим потенциалом таких конструкций и синтаксической категорией транзитивности/интранзитивности. Выделяются пять функций псевдообъекта в английских предложениях с деноминативными глаголами: семантическая, синтаксическая, просодическая, идиоматическая и стилистическая.

Категория личности/безличности привлекает внимание исследователей своей универсальностью, которая органично сочетается с разнообразием способов ее выражения. Данная категория обычно определяется как «семантико-синтаксическая категория языка, характеризующаяся отнесением субъекта предложения к какому-либо предмету во внешнем мире (референту) и при этом степенью выделенности (отдельности) этого предмета в пространстве и времени» [1, с. 272]. В английском языке безличность как немаркированная часть упомянутой оппозиции представлена, в частности, имперсональным местоимением *it*, которое используется в предложении для репрезентации так называемых «пустых субъектов и объектов» (в английской терминологии – *empty subject / object, dummy pronoun, dummy it*) [2, с. 120; 3, р. 332]. Особый интерес для нашего исследования представляют случаи, когда местоимение *it* выступает в качестве семантически пустого объекта при глаголах, как непронизводных (например, *to beat it* ‘покинуть помещение’), так и производных – деноминативных (*to leg it* ‘уйти, убежать’) и деадъективных (*to tough it* ‘выдержать, перетерпеть’) [3, р. 128].

В зарубежных исследованиях семантически пустое местоимение *it*, занимающее место дополнения, обозначается как *dummy object* (объект-пустышка)¹ или *pseudo-object* (псевдообъект) [3; 4; 5]. Ученые сходятся на том, что данное явление не получило еще достаточного освещения по сравнению с инициальным субъектным *it*, и предлагают различные его трактовки. Так, Б. Мордоф видит в нем средство соотнесения нового семантического значения глагола с необходимостью синтаксической транзитивности [4]. В то же время А. Миура, опираясь на данные диахронического исследования, утверждает, что основной функцией псевдообъекта является не столько усиление транзитивности глагола, сколько создание особой переходной стадии между транзитивным и интранзитивным употреблением одного и того же глагола [5]. Наша статья посвящена рассмотрению псевдообъектов в синхронии, а именно, функции таких объектов в предложениях с деноминативными глаголами. Под последними понимаются глаголы, производные от имен существительных при помощи конверсии, или нулевой деривации.

Материалом исследования послужили 30 деноминативных глаголов, которые образуют устойчивые сочетания с псевдообъектом по данным словарей «Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary» [6] и «Farlex Dictionary of Idioms» [7], а также предложения с ними, отобранные из Британского национального корпуса текстов [BNC] и Корпуса современного американского английского языка [COCA]. Выборка включает следующие глаголы с псевдообъектом: *to ace it*, *to bag it*, *to bush it*, *to camp it up*, *to can it*, *to cane it*, *to cheese it*, *to cop it*, *to cop it sweet*, *to dish it out*, *to dog it*, *to duke it out*, *to foot it*, *to gun it*, *to gut it out*, *to hand it to*, *to hoof it*, *to hook it*, *to king it*, *to leg it*, *to lord it (over)*, *to nail it*, *to nark it*, *to peg it*, *to pig it*, *to queen it*, *to slum it*, *to step it up*, *to waltz it*, *to wing it*. Анализ предложений с данными глаголами позволил выделить различные функции, реализуемые при помощи псевдообъекта: семантическую, синтаксическую, просодическую, идиоматическую и стилистическую.

Семантическая функция. Несмотря на то, что псевдообъект представляется десемантизированным элементом предложения, так как не указывает на предмет или ситуацию реальности, нельзя сказать, что он совершенно лишен семантики. Открывая новую аргументную позицию при предикате, псевдообъект перемещает его в новый семантический класс. Ср.: локативный глагол *to bag* 'to put into a bag' ('поместить в сумку') – реактивный глагол *to bag it* 'to shut up and go away' ('заткнуться и уйти'); инструментальный глагол *to hook* 'to fasten with a hook' ('скреплять крючком') – глагол движения *to hook it* 'to run or go quickly away' ('убежать или быстро уйти'); акциональный глагол *to pig* 'to devour food greedily' ('жадно поглощать пищу') – глагол состояния *to pig it* 'to live in squalor' ('жить в нищете') [6; 7].

Анализ словарных дефиниций деноминативных глаголов с псевдообъектом позволил выделить несколько характерных лексико-семантических групп:

¹ Здесь и далее в статье перевод терминов, дефиниций и предложений с английского языка на русский наш. – А. Л.

1) глаголы движения (обычно быстрого, стремительного): *to cheese it* 'to run away fast' ('быстро убежать'), *to foot it* 'to dance, walk, or run' ('танцевать, идти или бежать'), *to gun it* 'to accelerate or increase speed suddenly or rapidly' ('увеличить скорость неожиданно или быстро'), *to hoof it* 'to walk; to dance' ('идти; танцевать'), *to hook it* 'to run or go quickly away' ('убежать или быстро уйти'), *to leg it* 'to walk, run, or hurry' ('идти, бежать или спешить'), *to peg it* 'to leave or depart very quickly or suddenly' ('удалиться очень быстро или внезапно');

2) глаголы, описывающие манеры поведения субъекта: *to camp it up* 'to perform in an exaggerated and often amusing way' ('вести себя преувеличено смешно, дурачиться'), *to cane it* 'to do something with great force, or speed; consume alcohol in large quantities' ('делать что-то с большой силой или скоростью; пить много алкоголя'), *to king it* 'to act in a superior fashion' ('вести себя надменно'), *to lord it* 'to act in a domineering or superior manner' ('вести себя высокомерно'), *to queen it* 'to behave in an overbearing manner' ('вести себя надменно, властно');

3) глаголы, описывающие образ жизни субъекта: *to bush it* 'to camp out in the bush' ('жить в дикой местности'), *to pig it* 'to live in squalor' ('жить в нищете'), *to slum it* 'to suffer conditions below those to which one is accustomed' ('жить в худших условиях, чем привык');

4) глаголы достижения результата (положительного или отрицательного): *to ace it* 'to perform extremely well or score very highly in an examination' ('сдать экзамен успешно или на высокую оценку'), *to dog it* 'to fail to exert the maximum or expected effort' ('не приложить должных или ожидаемых усилий'), *to gut it out* 'to persist through a difficult situation' ('продержаться, выстоять в трудной ситуации'), *to hand it to* 'to give deserved credit to' ('отдать должное кому-либо'), *to nail it* 'to execute a task exceptionally well' ('выполнить задание особенно хорошо'), *to step it up* 'to do something better, faster, or more efficiently' ('сделать лучше, быстрее или эффективнее'), *to waltz it* 'to succeed easily' ('легко добиться успеха'), *to wing it* 'to accomplish or perform something without full preparation or knowledge; improvise' ('совершать что-либо без подготовки, импровизировать');

5) глаголы активного поведения, воздействия: *to dish it out* 'to inflict punishment' ('наказать'), *to duke it out* 'to fight, esp. with the fists' ('драться, особенно кулаками');

6) глаголы реактивного поведения (являющегося ответом на внешнее воздействие): *to bag it* 'to shut up and go away' ('заткнуться и уйти'), *to can it* 'to stop talking or making noise' ('перестать говорить и шуметь'), *to cop it* 'to be disciplined or chastised for something' ('быть подвергнутым наказанию'), *to cop it sweet* 'to accept a penalty without complaint' ('принять наказание без жалоб'), *to nark it* 'to stop it; keep quiet' ('прекратить действие и замолчать') [6; 7].

Наиболее частотными оказались семантические модели со значением достижения результата и движения, равно как и модели, описывающие реак-

цию и поведение субъекта. Низкая частотность модели активного воздействия объясняется тем, что такое значение успешно передается при помощи обычного транзитивного варианта глагола. Таким образом, псевдообъект выступает в роли словообразовательного постфикса с деривационным значением, которое обеспечивает словообразование по одной из перечисленных выше моделей.

Синтаксическая функция. Как любые глаголы, деноминативные глаголы с псевдообъектом реализуют свой валентностный потенциал при употреблении в качестве транзитивного/интранзитивного (переходного/непереходного) предиката в предложении (высказывании). Важно отметить, что указанные глаголы и так уже являются переходными, поэтому псевдообъект не просто заполняет имеющуюся объектную позицию, но фиксирует ее и «запрещает» как транзитивное (с любым прямым дополнением), так и интранзитивное употребление (без прямого дополнения).

Ср.: *But Wills, ten, **bagged** a present and smiled: You're a real sport, Mum* 'Но десятилетний Уиллз **положил** подарок **в сумку** и сказал: «Мама, ты классная»' [BNC] – здесь реализуется транзитивное употребление глагола *to bag* 'поместить в сумку';

*My clothes **bagged** about me more loosely than any burnoose* 'Моя одежда **висела** на мне **мешком**, свободнее, чем бурнус' [COCA] – предложение демонстрирует интранзитивное употребление глагола *to bag* 'висеть мешком';

*If you're not up to it, **bag it** down the road* 'Если тебе это не нравится, **заткнись и уходи** вот по этой дорожке' [COCA] – формально транзитивное употребление глагола с псевдообъектом (*to bag it* 'заткнуться и уйти') не допускает замены местоимения *it* на существительное, но при этом функционирует в предложении как интранзитивный глагол движения, сочетаясь с обстоятельством места/направления.

Если же отражаемая предложением ситуация предполагает определенный объект воздействия, то предикат открывает третью аргументную позицию (нехарактерную для основного значения предиката), при этом заполняющее ее имя выступает в функции косвенного дополнения и управляется при помощи предлога:

Ср.: *You know, she has a similar set-up in Rome and also in Paris, a little creche where she can go and **queen it** once a year* 'Ты знаешь, у нее есть похожее место в Риме, а также в Париже, что-то вроде приюта, в который она может раз в год поехать и **побыть там королевой**' [BNC] – действие, описываемое предикатом *to queen it* 'вести себя надменно, властно (как королева)', сконцентрировано на субъекте;

*Not since the days of Al Capone have gangsters so brazenly **lorded it over** a world city* 'Со времен Аль Капоне не было такого случая, чтобы гангстеры настолько нагло **повелевали** городом мирового значения' [COCA] – в сочетании с предлогом *over* и косвенным дополнением субъектный предикат *to lord it* 'вести себя высокомерно' реализует значение воздействия на другие объекты – *to lord it over somebody* 'помыкать, повелевать кем-либо'.

Еще одной особенностью функционирования деноминативных глаголов с псевдообъектом в составе предложения является их употребление в качестве фразовых. Здесь наблюдаются следующие тенденции:

1) фразовый глагол может выступать в двух вариациях – с псевдообъектом и без, при этом значение глагола не меняется:

Ср.: *That means someone has to **step up**. But who?* ‘Это значит, что кому-то нужно **сделать шаг вперед**. Но кто это будет?’ [COCA]; *I **step it up** to the bar just so it looks like I’ve got some goal in life* ‘Я **решительно шагаю** по направлению к бару так, что кажется, словно у меня есть цель в жизни’ [BNC]. В обоих предложениях реализуется значение предиката ‘делать шаг вперед’, но при сочетании с псевдообъектом появляется оттенок интенсивности действия.

2) глагол становится фразовым только при сочетании с псевдообъектом:

*Yes, I’m listening. You don’t have to **camp it up** with me* ‘Да, я тебя слушаю. Тебе не нужно **кривляться, выпендриваться** передо мной’ [BNC] – значение ‘to perform in an exaggerated and often amusing way’ (‘вести себя преувеличено смешно, дурачиться’) реализуется только для конструкции *to camp it up*.

Интересно, что фразовое употребление характерно в основном для глаголов со значением активного поведения и достижения результата, при этом у псевдообъекта появляется оттенок референциальной отнесенности, однако не к конкретному событию, а к некой абстрактной ситуации. Например: *First of all, the building is in pretty bad shape. And the owners of the building are not sure if they’re going to tear it down and rebuild it, or if they’re going to go in and **gut it out** and redo the inside* ‘Во-первых, здание в довольно плохом состоянии. А владельцы здания не уверены, собираются ли они снести его и построить заново или же войти внутрь, **выдержать все сложности** и переделать интерьер’ [COCA]. При анализе широкого контекста, выходящего за границы одного предложения, становится очевидно, что местоимение *it* в конструкции с фразовым деноминативным глаголом не замещает слово *building* ‘здание’, как то же местоимение в сочетании с глаголами *tear* ‘снести’ и *rebuild* ‘построить заново’ не относится к конкретному вопросу, связанному со строительством, а отсылает читателя/слушателя ко множеству потенциальных проблемных ситуаций. Тем самым, синтаксическая конструкция «деноминативный глагол + псевдообъект + послелог» придает высказыванию оттенок интенсивности действия и универсальности.

Просодическая функция. Примечательным является тот факт, что все глаголы с псевдообъектом, как включенные в нашу выборку, так и отраженные в упомянутых выше исследованиях [3; 4; 5], оказались односложными. Это касается не только деноминативных глаголов, но и деадъективных (*to cool it* ‘успокоиться, не переживать’, *to large it* ‘прожигать жизнь, злоупотреблять алкоголем и наркотиками’, *to rough it* ‘жить без привычного комфорта’, *to tough it out* ‘выдержать, продержаться до конца’), а также сочетаний псевдообъекта с непроизводными глаголами (*to beat it* ‘покинуть помещение’, *to snuff it* ‘умереть’, *to wag it* ‘пропустить занятия в школе; прогу-

ливать') [6; 7]. По нашему мнению, просодический эффект употребления псевдообъекта в предложении заключается в следующем: во-первых, псевдообъект выступает в роли энклитики, следующей за ударным слогом, что усиливает ритмичность английского предложения, как в примере: *I started to 'leg it a`gain* 'Я снова начал бежать' [COCA], где безударное местоимение *it* соединяет ударные слоги в словах *leg* и *again*.

Во-вторых, наличие энклитики в конце предложения или фразы сокращает время произнесения ядерного слога и тем самым придает больший вес и категоричность высказываниям директивного характера, которые направлены на побуждение адресата к определенным действиям. Например: *We'll have to 'leg it* 'Нам надо бежать'; *'Can it, Harry* 'Заткнись, Гарри' [COCA].

Идиоматическая функция. Наличие псевдообъекта может способствовать идиоматизации глагольной конструкции: если значение некоторых конструкций «деноминативный глагол + псевдообъект» демонстрирует связь с исходным именем существительным и образованным от него глаголом, то значение других конструкций не выводится из значений ее компонентов. Например, семантика конструкций *to foot it* 'танцевать, идти или бежать' и *to leg it* 'идти, бежать или спешить' непосредственно связана с типичной функцией таких частей тела, как *foot* 'ступня' и *leg* 'нога', от названий которых и образованы соответствующие деноминативные глаголы:

Parties returning from the different theatres foot it through the muddy streets 'Группы людей, возвращающихся из разных театров, идут по грязным улицам' [COCA].

Расширение семантики глагола может носить метонимический или метафорический характер, но при этом быть довольно прозрачным: *to bush it* 'жить в дикой местности' связано с местом, где осуществляется действие (здесь *bush* употребляется в значении 'невозделанная земля, покрытая кустарником, буш'); *to pig it* 'жить в грязи и нищете', т.е. словно в свинарнике – прослеживается связь с мотивирующим именем *pig* 'свинья'. К примеру:

No need for us to pig it on dry rations and recycled water 'Нам нет необходимости сидеть, как беднякам, на сухих пайках и переработанной воде' [COCA].

В то же время конструкции со значением быстрого передвижения *to cheese it* 'быстро убежать', *to hook it* 'убежать или быстро уйти', *to peg it* 'удалиться очень быстро или внезапно' никак не выводятся из семантики мотивирующих имен *cheese* 'сыр', *hook* 'крюк', *peg* 'колышек' и производных деноминативных глаголов. Например:

Oh man did you see Reg peg it after me? 'О, дружище, ты видел, как Рег побежал за мной?' [BNC].

Стилистическая функция. Все проанализированные деноминативные глаголы с псевдообъектом относятся к разговорному стилю речи и выступают в словарях с пометами *informal* 'неофициальный, разговорный' и *slang* 'сленг'. Тем самым псевдообъект выполняет экспрессивную функцию, предопределяя условия для передачи следующих оттенков смысла:

1) эмоциональность: *No one would notice if you let up just a little on the second or third leg. But if you **dog it** ever so slightly, it might cost us the race* ‘Никто не заметит, если ты снизишь темп на втором или третьем круге. Но если ты будешь **филонить** даже чуть-чуть, то мы можем проиграть на соревнованиях’ [СОСА] – здесь при помощи конструкции с псевдообъектом передается недовольство участником соревнований, который, по мнению говорящего, не прилагает максимальных усилий;

2) образность, красота речи: *Reed had no clue. He tried to **wing it**. Big mistake* ‘Рид ничего не знал. Он попытался **импровизировать**. Большая ошибка’ [СОСА] – выражение *to wing it* ‘совершить что-либо без подготовки, импровизировать’ связано с театром (*wing* ‘кулиса, помещение за кулисами’) и относилось к актеру, которому нужно неожиданно заменить другого и приходится на ходу учить роль [7];

3) индивидуальная оценка происходящего: *It makes me really pumped up and feel like I can do the test and I can really just **ace it*** ‘Благодаря этому я на самом деле в хорошей форме и чувствую, что могу написать тест и **получить самый лучший результат**’ [СОСА] – конструкция *to ace it* ‘успешно сдать экзамен’ отражает самооценку говорящего;

4) юмор: *The marriage ends as quickly as one can say, “**Cheese it! The cops!**”* ‘Брак длится не дольше, чем звучит фраза: «**Бежим! Полиция!**»’ [СОСА] – здесь сленговое выражение *to cheese it* ‘быстро убежать’ использовано для юмористического или иронического высказывания о браке.

Второй тип словарных помет, характерный для конструкций «деноминативный глагол + псевдообъект», – региональная отнесенность: *British* ‘британский’, *American* ‘американский’, *Canadian* ‘канадский’, *Australian* ‘австралийский’. Следовательно, высказывания с тем или иным деноминативным предикатом в сочетании с псевдообъектом характеризуют автора высказывания как носителя того или иного регионального варианта английского языка, а также особой культуры и менталитета. Например: *I mean, there’s nothing you can do. What are you going to do – machine-gun people? So you kind of have to **cop it sweet** to a degree* ‘Я имею в виду, что тут ничего не поделаешь. Что тут можно сделать – расстрелять людей из пулемета? Поэтому вам остается **принимать все таким, какое оно есть**, до определенной степени’ [СОСА]. Приведенная цитата из интервью Мела Гибсона отражает не только отношение актера к назойливым репортерам, но и его австралийское происхождение (актер родился в США, но детство и юность провел в Австралии): *to cop it sweet* ‘(Australian slang) to accept a penalty without complaint’ [6].

Таким образом, можно утверждать, что деноминативные глаголы с псевдообъектом не только способствуют расширению категории транзитивности/интранзитивности в английском языке, но и выполняют иные функции: семантическую, синтаксическую, просодическую, идиоматическую, стилистическую. Семантическая функция заключается в передаче деривационного значения и образовании новых значений глаголов по определенным

словообразовательным моделям. При реализации в предложении, особенно в виде фразового предиката, синтаксическая конструкция «деноминативный глагол + псевдообъект» передает оттенок интенсивности действия и универсальности. Просодическая функция псевдообъекта-энклитики проявляется в ритмизации и усилении директивного высказывания. Идиоматическая и стилистическая экспрессивность конструкции «деноминативный глагол + псевдообъект» обеспечивается высокой степенью образности, а также яркой сленговой и региональной окраской.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанов, Ю. С. Личности-безличности категория / Ю. С. Степанов // Лингвист. энцикл. словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 272–273.
2. Березина, О. А. Статус семантики инициального *it* в формировании категории безличности / О. А. Березина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – № 3. – С. 120–126.
3. Longman Grammar of Spoken and Written English / D. Biber [et al.]. – London : Longman, 2000. – 1203 p.
4. Mondorf, B. “Snake legs it to freedom”: Dummy *it* as pseudo-object / B. Mondorf // Corpus Linguistics and Linguistic Theory. – 2016. – Vol. 12, issue 1. – P. 73–102.
5. Miura, A. Shall Sweet Bianca Practise How to Bride It? The Role of Dummy Object *It* in the Diachronic Transitivity Change of Denominal Conversion Verbs / A. Miura // Studia Neophilologica. – 2018. – № 90. – P. 17–31.
6. Collins Cobuild Advanced Learner’s English Dictionary [Electronic resource]. – Harper Collins Publishers, 2008. – Mode of access : <https://www.collinsdictionary.com>. – Date of access : 01.11.2019.
7. Farlex Dictionary of Idioms [Electronic resource]. – Farlex, Inc., 2015. – Mode of access : <https://idioms.thefreedictionary.com>. – Date of access : 01.11.2019.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

BNC – British National Corpus [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.english-corpora.org/bnc/>. – Date of access : 01.11.2019.
COCA – Corpus of Contemporary American English [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.english-corpora.org/coca/>. – Date of access : 01.11.2019.

The article studies the peculiarities of contextual usage of English denominal verbs with the dummy *it* in the object position, also known as the pseudo-object. It is argued that the pseudo-object performs not only syntactic, but also semantic, prosodic, idiomatic and stylistic functions.

Поступила в редакцию 04.12.2019

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ВЕЖЛИВОСТИ В ДЕЛОВОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ (на примере электронной деловой переписки коммерческих фирм)

В статье рассматриваются языковые средства выражения категории вежливости в немецкой деловой коммуникации на примере электронных деловых писем. Реализация вежливого поведения с целью поддержания социальной стратификации общества осуществляется при помощи единиц речевого этикета, под которым понимаются правила речевого поведения в ситуациях установления, поддержания и размыкания контакта коммуникантов в соответствии с их статусно-ролевыми и личностными отношениями в официальной и неофициальной ситуации общения. Было установлено, что категорию вежливости реализуют специальные грамматические формы и лексические средства, свидетельствующие о сниженной степени стандартизованности и регламентированности данного типа текста.

Исследовательские условия XXI века ставят в центр внимания человека как творца речевой деятельности и вновь актуализируют поиск того, как он использует язык в качестве орудия общения, как сам человек отражается в языковых единицах и категориях. Здесь на первый план выходит речь как «законченное сооружение, построенное для сохранения потенции мышления и, кроме этого, для того, чтобы дать возможность общаться человеку с человеком» [1, с. 12]. Речевая деятельность человека направлена на кодирование/декодирование текстов в определенной социально-коммуникативной сфере и отражает не только восприятие человеком внутреннего или внешнего мира, но и его коммуникативные намерения, отношения с другими людьми.

В центре внимания нашего исследования – электронная деловая коммуникация как процесс обмена информацией в виртуальном пространстве, осуществляемый в связи с решением административных, финансово-экономических и производственных вопросов. Деловая коммуникация в современных условиях стала занимать все более значимое положение в коммуникативной практике общества и отдельного человека, что связано с расширением и углублением деловых контактов как внутри страны, так и на международном уровне, а также с внедрением новых форм эффективного речевого поведения в деловой сфере.

Одним из средств сопровождения деловой коммуникации является деловое письмо. Как отмечает Н. В. Муравьева, деловое или служебное письмо представляет собой «внешний информационно-оценочный документ», основной функцией которого является «передача информации и установление деловых контактов между двумя коммуникантами» с целью решения многочисленных оперативных вопросов в производственно-управленческой деятельности [2, с. 433]. Тем самым деловое письмо как жанр деловой коммуникации обеспечивает решение практических задач, возникающих в процессе межличностного и межинституционального взаимодействия.

Известно, что установлению, определению и регуляции социальных отношений в деловом общении служат вежливость и являющийся его компо-

нением речевой этикет. Согласно трактовке Е. А. Земской, вежливость – это «имплицитная категория коммуникативно-прагматического характера, управляющая речевым поведением людей, диктующая им одно употребление и запрещающая другое употребление, вполне разрешаемое языковыми нормами» [3, с. 132]. Помимо того, что данная категория отражает национальные и культурные особенности того или иного сообщества, она помогает идентифицировать статус, роль, уровень образования и воспитания говорящего, а также сигнализирует о существующей дистанции между партнерами или об изменениях этой дистанции. Реализация вежливого поведения с целью поддержания социальной стратификации общества осуществляется при помощи единиц речевого этикета. Н. И. Формановская понимает под речевым этикетом «регулирующие правила речевого поведения в ситуациях установления, поддержания и размыкания контакта коммуникантов в соответствии с их статусно-ролевыми и личностными отношениями в официальной и неофициальной обстановке общения» [4, с. 390].

В функционально-семантическом поле речевого этикета существуют определенные языковые единицы, позволяющие реализовывать следующие функции категории вежливости: конативную – ориентация на адресата; эго-ориентированную – создание имиджа адресанта с целью эффективного речевого взаимодействия и его защиты от негативной оценки; контактоустанавливающую (фатическую) – включение и поддержание речевого контакта; воздействующую – успешная реализация коммуникативного намерения партнеров; регулятивную – регуляция социального равновесия и дружественных/партнерских отношений; контролирующую – контроль возможной агрессии между говорящим и адресатом во избежание потенциального конфликта, а при возникновении конфликта – его разрешение с наименьшим ущербом для адресанта и адресата. Этикетные формулы определенной функциональной нагрузки формируют в таком стандартизированном тексте, как письмо, т.н. этикетную рамку [4, с. 417; 5, с. 139–140]. На двух противоположных полюсах этой рамки располагаются формулы приветствия/обращения и формулы прощания. Внутри этих границ содержатся т.н. коммуникативные замечания оценочного (положительного или отрицательного) характера, а также высказывания с различной интенциональной направленностью (благодарность, просьба, отказ и т.д.) [4, с. 445].

Рассмотрим особенности реализации категории вежливости на примере аутентичных деловых писем на немецком языке между представителями коммерческих фирм, деятельность которых связана с осуществлением технических проектов в сфере транспорта.

(1) *Sehr geehrter Herr Hybner,*

wie heute am Telefon besprochen, wollen wir das Design auch ohne der fehlenden Information Ihrerseits bezüglich Lackierung einfrieren, um Zeit zu sparen.

Dazu hab ich Ihnen folgende Dokumente auf unseren FTP-server gelegt (FTP-guide und Passwort in Word-format „Username“ im Anhang). „Wetransfer.com“ war leider nicht verfügbar.

Die technische Beschreibung ist noch als Entwurf, da uns hier noch Informationen von Ihrer Seite zur Lackierung fehlen.

Für die Brandschutzliste sind einige Tests noch im Laufen, jedoch wollen wir für die Einstufung der einzelnen Teile die Bestätigung, dass diese so in Ordnung ist. Wie heute telefonisch besprochen, wird die Tabelle mit den Testergebnissen zu einem späteren Zeitpunkt fertiggestellt.

Im Anhang finden Sie das „Design Freeze Confirmation Document“, um das Design einzufrieren. Wir bitten Sie dieses zu unterschreiben und eingescannt zurückzuschicken. Erst danach ist Ultimate berechtigt im Prozess weiter fortzufahren.

Bitte um kurze Bestätigung, dass Sie die Daten erhalten haben und runterladen konnten. Danke im Voraus für baldige Antwort.

Mit freundlichen Grüßen / Kind regards

Daniel Fallmann

Senior Engineer Mechanical

Темой письма является заранее оговоренное по телефону решение о временном приостановлении проекта в связи с недостатком необходимой информации со стороны одного из партнеров относительно поставляемого лакокрасочного покрытия.

В данном деловом письме этикетная рамка открывается формулой обращения, в которой указывается на степень уважительного отношения (*Sehr geehrter*), гендерную принадлежность (*Herr*) и на фамилию адресата. Завершением этикетной рамки является клишированная формула (*Mit freundlichen Grüßen*), выражающая дружественные, но дистантные деловые отношения между коммуникантами. Клише сопровождается указанием на имя и занимаемую в фирме должность адресанта. Следует также отметить, что в проанализированном материале клише-прощание часто дублируется на английском языке, что указывает на интернациональный характер деловых отношений (*Kind regards*). Между обозначенными фатическими полюсами (приветствие—прощание) адресант ссылается на состоявшийся телефонный разговор между партнерами (*wie heute am Telefon besprochen*); высказывает намерение временно заморозить совместный проект, кратко останавливается на некоторых деталях, помешавших осуществлению проекта; сообщает, где адресат может ознакомиться с документацией для подтверждения перерыва в сотрудничестве (*Im Anhang finden Sie das „Design Freeze Confirmation Document“, um das Design einzufrieren*); просит подписать документы и переслать их в отсканированном виде, а также подтвердить получение документов и возможность их сохранения (*Wir bitten Sie dieses zu unterschreiben und eingescannt zurückzuschicken. Bitte um kurze Bestätigung, dass Sie die Daten erhalten haben und runterladen konnten.*); заранее благодарит адресата за быстрый ответ (*Danke im Voraus für baldige Antwort.*).

Следующее письмо адресовано тому же получателю и содержательно касается ситуации, отраженной в письме (1), однако оно менее шаблонно в плане оформления этикетной рамки. Можно предположить, что офи-

циальный тон письма (1) соответствует заявленным притязаниям адресанта к адресату, в то время как в письме (2) ситуация проясняется, адресат выполняет требования, высказанные в письме (1), следовательно, ничто не мешает сменить официальный тон на дружественный (*Hallo*):

(2) ***Hallo Herr Hybner,***

Danke für die Information. Gibt es sonst Kommentare zu 3D Modell, technischen Beschreibung und Einbauzeichnung? Bitte um Info.

Wenn nicht, würden wir die Einbauzeichnung und technische Beschreibung freigeben und Ihnen das „Design Freeze Confirmation Document“ zur Unterschrift zukommen lassen.

Bezüglich technischer Beschreibung gehört jedoch zuerst noch dringend die gelb markierte fehlende Information geklärt. Konnten Sie hier schon etwas klären?

Mit freundlichen Grüßen / Kind regards.

Mit freundlichen Grüßen / Kind regards

Daniel Fallmann

Senior Engineer Mechanical

Исследуемая деловая коммуникация осуществляется исключительно в электронном виде и представляет собой компонент т.н. интернет-коммуникации, что, естественно, откладывает отпечаток на языковое оформление делового письма. Такие признаки интернет-коммуникации, как виртуальность и ускорение обмена письменными документами, способствуют деформализации общения: «Стиль on-line общения имеет тенденцию меняться с течением времени от более формального к менее формальному. Это можно назвать сокращением психологической дистанции» [6].

Проведенное исследование деловых писем (всего 62 текста) позволяет выявить ряд особенностей этикетных единиц, реализующих категорию вежливости. Так, в электронных деловых письмах к формулам, выполняющим контактоустанавливающую функцию, относятся неформальные формы приветствия *Guten Tag, Herr ..., Hallo!, Guten Morgen Herr ..., Hoi,..., Hallo Frau ..., Hallo zusammen,*

К формулам завершения контакта в деловых письмах относится клишированная единица *Mit freundlichen Grüßen*, независимо от того, является ли формула приветствия формальной (*Sehr geehrter Herr...*) или неформальной (*Hallo!*). Единичными являются случаи сокращения данной формулы до *Freundliche Grüße* или *Grüße*. О неформальном характере электронных деловых писем свидетельствует также частотное (24 %) опущение формулы прощания, т.е. о завершении контакта свидетельствует только указание имени адресата.

(3) ***Hoi Vladimir,***

*die Frage ist aufgetaucht, ob man auch 120 * 10kg 40/09 machen kann, statt der 109 Kübel? Weil das Produkt selten geht und andere Rohstoffe als für das Raillub 90 oder 30 braucht, müssen wir speziell einkaufen.*

Danke für die Antwort

Fabrizio

В данном случае речь идет о неформально-дружественных отношениях между адресантом и адресатом, о чем свидетельствует региональный характер формулы приветствия и обращение к адресанту по имени (*Hoi Vladimir, ...*).

Следует указать на то, что в электронной деловой корреспонденции не было выявлено строгой регламентации этикетной рамки по линии «формальное приветствие/обращение – формальное прощание». Так, например, письмо (4) демонстрирует наличие только одного формального элемента – обращения, формула прощания отсутствует.

(4) ***Sehr geehrter Herr Fallmann,***

in unserem System haben wir diese Schrauben zum Auswahl:

BN616 M8x50 INOX A2

BN1422 M8x50 St 10.9 GEOMET

Wir brauchen eine Länge 50 mm.

Нарушение этикетной рамки наблюдается и в примере (5), когда контакт с адресантом устанавливается при помощи неформального, характерного для устной речи, приветствия *Guten Tag*, при этом полностью опускаются обращение к адресанту и имя адресата в заключительной части.

(5) ***Guten Tag***

Anbei erhalten Sie die Zollpapiere für Minsk.

Die Ware kann heute ab 13.15 Uhr abgeholt werden. (Eventuell muss dann der Chauffeur noch ein bisschen warten).

Freundliche Grüsse

В оппозиции приветствие – прощание формула прощания вместе с данными об адресанте может полностью отсутствовать, если речь идет о письме-ответе адресанта (7) на предшествующее письмо адресата (6), например:

(6) ***Hallo Herr L.,***

leider ist uns doch noch ein Fehler bei der Übersetzung des GOST Berichtes aufgefallen. In dem angehängten Dokument müsste die Prüfberichtsnummer korrigiert werden.

Mit freundlichen Grüessen / Kind regards

Daniela Groissmayr

Projct Manager

(7) ***Hallo Frau Groissmayr***

Eine korrigierte Übersetzung haben wir vom Übersetzungsbüro erhalten. Sollen wir sie Ihnen zusammen mit Mustern von Seitenpanel zurückschicken?

Особый интерес с точки зрения языковой реализации категории вежливости в немецких электронных деловых письмах представляют собой высказывания, содержащие благодарность, просьбу и отказ. Благодарность реализуется устойчивыми формулами, как правило, завершающими письмо: *Danke, Vielen Dank, Danke für die Antwort, Danke im Voraus für baldige Antwort, Besten Dank*. Просьба выражается этикетными формулами, содержащими компонент *bitte*. Это может быть частица *bitte* в самостоятельном употреблении или в сочетании с глаголом в повелительном наклонении (*Ich **brauche** dann **bitte***

noch dringend die Information welche Lackfarbe und Glanzgrad für die Teile am Ceiling sowie Side Panel verwendet werden sollen./Bitte nehmen Sie hier Kontakt auf.) либо полная перформативная формула (*Ich bitte um Übermittlung des Glanzgrades anhand dieser Norm*). Субъект, представленный личным местоимением *ich*, может элиминироваться, например, *Bitte um Bestätigung und Auslösung der Einmalkostenbestellung./Bitte um Info*. Обращает на себя внимание использование кратких формул (глагол в инфинитиве), которые выражают определенную «срочность» в передаче или запросе информации (*Bitte die zweite Variante in Auftrag geben*). Просьба может также выражаться при помощи форм вежливого конъюнктива глаголов *können/sein* или форм кондиционалиса: *Könnten Sie bitte mit S. abklären, ob eine Teillieferung für die erste Lieferung möglich ist?/Wir würden auch die Zeichnungen aller horizontalen und vertikalen Kurven (wie heute mit Kupplerlänge 1420mm gesendet – AL_2287436) mit den letztgültigen Kupplerlängen für Einfederung und Ausfederung benötigen./Für nächste Woche wäre das Final Design Review geplant, dass wir gerne bei Ihnen oder bei uns im Haus gemeinsam abhalten würden*.

Иногда просьбу сопровождает указание на условия ее выполнения: *Falls dies möglich ist, bitte ich um Verständnis dass dies eine einmalige Ausnahme sein wird*.

Вежливый отказ играет не менее важную роль в деловых письмах, так как его основная цель – сохранение положительных отношений между коммуникантами и смягчение неприятной для адресата информации. Такое письмо, как правило, начинается с вежливого изложения мотива принятого решения. Однако в нашем материале не были зафиксированы случаи вежливого отказа. Единственный случай речевого акта отказа не содержит ни одного этикетного маркера: *Hallo Herr L., ein Bareinkauf einer Privatperson ist nicht möglich*.

Проанализированный материал позволяет выявить некоторые специфические характеристики электронного делового письма, отличающие его от образцовых деловых писем реального (не виртуального) общения. Это, в первую очередь, невысокая степень стандартизованности и регламентированности языковых форм и содержания, нарушение единообразия этикетных структур, наличие определенного эмоционального компонента, что объясняется высокой степенью интенсивности обмена деловыми письмами. Перечисленные факторы снижают формализованность структуры и семантики электронной деловой корреспонденции.

В данной корреспонденции коммуникативно-прагматическая категория вежливости реализуется в этикетной рамке. Выбор языковых средств определяется степенью стандартизованности текста и представляет собой ограниченный ряд формул обращения и прощания, выполняющих функцию установления и завершения контакта с адресатом, а также создания положительного имиджа фирмы в его сознании. Для электронной деловой корреспонденции характерно нарушение этикетной рамки за счет опущения или семантической неполноты формулы завершения контакта. Кроме единиц

речевого этикета категорию вежливости в речевых актах «благодарность» и «просьба» реализуют специальные грамматические (формы императива и конъюнктива II) и лексические (модальные глаголы и частицы) средства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиференко, Н. Ф. Современные проблемы о языке / Н. Ф. Алиференко. – М. : Флинта, 2005. – 412 с.
2. Муравьева, Н. В. Документная лингвистика / Н. В. Муравьева. – М. : Изд-во «ТЕРМИКА», 2016. – 612 с.
3. Земская, Е. А. Категория вежливости в контексте речевых действий / Е. А. Земская // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М. : Наука, 1994. – С. 131–136.
4. Формановская, Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н. И. Формановская. – М. : Изд-во «ИКАР», 2007. – 480 с.
5. Гурьева, Н. Ю. Речевой этикет русской коммерческой корреспонденции / Н. Ю. Гурьева // Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Мир без границ: Русский язык как иностранный в международном образовательном пространстве», Псков, 13–14 декабря 2018 г. / сост. Л. Б. Воробьева, Ю. Н. Грицкевич, С. В. Лукьянова, Л. М. Попкова. – Псков : Псковский гос. ун-т, 2019. – 328 с.
6. Шабшин, И. И. О психологических феноменах и особенностях коммуникации посредством Интернета / И. И. Шабшин [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://zhurnal.lib.ru/s/shabshin_i_i/internet.shtml. – Дата доступа : 04.10.2019.

The article discusses the functional features of the politeness category and linguistic means of its expression in German business correspondence. As a result of the analysis, specific characteristics of the structure and linguistic forms of the electronic business letter in the commercial sphere were revealed. On the basis of the semantic and pragmatic interpretation, it was found that the category of politeness is implemented by special grammatical forms and lexical means, indicating a reduced degree of standardization and regulation of this type of text.

Поступила в редакцию 05.12.2019

М. А. Соловьёва

КИНОПРОИЗВЕДЕНИЕ КАК ПРИМЕР КОНТЕЙНИРОВАНИЯ

В статье определяется роль британских киносериалов, являющихся прецедентными текстами английской культуры, используются такие понятия психологии и когнитивной науки, как контейнер, контейнируемое и контейнирование. Высказывается мнение о том, что кинопроизведения, будучи контейнерами-посредниками, выполняют по отношению к зрителю функцию контейнирования, т.е. формирования определенных схематических представлений об исторических эпохах, событиях, персоналиях.

Экспериментальные данные подтверждают, что образно-схематический уровень когнитивной обработки информации играет фундаментальную роль в том, как человек воспринимает и интерпретирует мир вокруг себя [1; 2; 3].

Схемы-образы можно рассматривать как биологически детеминированные организующие структуры значения [2; 3]. Схема «контейнер» является одним из примеров таких структур [3]. Понятие «контейнер» используется в психологии [4], когнитивной семантике [2] и может быть применено в семиотике, в частности, в отношении семиотики кино [5].

По мнению некоторых ученых, схема «контейнер» функционирует на трех уровнях: сенсорном (телесное восприятие), фантазийном (структурирование внутреннего нарратива) и социально-интерактивном (обмен нарративом и мнениями с другими людьми) [3]. В когнитивной семантике, как и в психологии, концепт «контейнер» связывается с процессами мышления и формирования символов [1; 2; 3; 4]. Мы предполагаем, что кино как значимый элемент семиотического пространства может формировать внутренний нарратив и модус социально-интерактивной составляющей существования личности, и, соответственно, определять не только художественный, но и общественный дискурс, характерный для некоего промежутка времени. В особенности данный факт представляется верным в отношении прецедентных текстов культуры [6; 7]. Это происходит посредством процесса контейнирования.

Вслед за У. Бионом, контейнирование, как правило, рассматривают в качестве механизма проективной идентификации, способности индивида получать от другого человека ментальные проекции, которые затем могут использоваться в общении как собственные, причем в модифицированной, контролируемой форме [8]. В данном процессе контейнируемое – это то, что проецируется, а контейнер – объект, вмещающий в себя содержание контейнируемого [Там же]. В психологии и психоанализе контейнирование относится к процессу активного эмоционального взаимодействия между матерью и ребенком или между психоаналитиком и пациентом с целью интерпретации чувств, образов и ментальных состояний и вырабатывания способности к управлению ими [4; 8]. Это процесс превращения бета-элементов (примитивных, сенсорных, аффективных, досимволических) в наделенные значением и дозированные альфа-элементы [Там же].

В фильмах, сериалах, которые становятся прецедентными текстами, такими бета-элементами, видимо, являются, по выражению Х.-Г. Гадамера, пред-мнения, пред-суждения об определенной исторической эпохе, событиях, политических деятелях, представителях разных слоев общества [9]. Зритель может вообще не владеть информацией о данном предмете, иметь размытое впечатление о нем, основываться на предрассудках, характерных для некоего времени. Также есть вероятность, что данный предмет просто не находится в фокусе его внимания. Бета-элементы могут сигнализироваться в виде заинтересованности общества в какой-либо проблематике, которая адекватно улавливается создателями кинопроизведения. В таком случае задача фильма и цель его создателей – сформировать посредством образов, идей произведения определенное представление об эпохе и персоналиях, основываясь на исторических фактах и их художественном толковании при помощи языка кино. Такая интерпретация может трансформировать бета-материал под влиянием духа времени, общественных, культурных и политических

тенденций. То есть полученный в итоге альфа-материал трактуется и используется в коммуникации в рамках тематики и подходов, характерных для некоего темпорального дискурса. Таким образом может осуществляться рефрейминг не только художественного, но и политического, исторического, общественного дискурса [10].

Помимо этого можно предположить, что темы, идеи, послы фильмов способствуют и формированию самоидентификации зрителя, что позволяет обрести видение своего места в современном обществе, которое является неким звеном в общем культурно-историческом процессе с присущим ему дискурсом. При этом складывающееся представление о самоидентификации может находиться в поле определенной идеологии или даже пропаганды (здесь можно вспомнить фильм «Олимпия» Лени Рифеншталь 1938 года) и не обязательно служит психологическому или экономическому благополучию человека [Там же].

Такой рефрейминг, а иногда и просто создание новой образной схемы осуществляется в процессе контейнирования. Если исходить из теории У. Биона о том, что контейнер – это некий объект, наделенный сознанием, то контейнером, проецирующим бета-материал, будет являться «наивный» зритель, который не обязательно является массовым, т.к. есть прецедентные тексты, культовые фильмы и сериалы, популярные в относительно узких социокультурных сообществах [11]. Соответственно, контейнируемое – это художественная интерпретация, образно-идейная проекция исторической эпохи, событий, персоналий, отображаемая фильмом. Контейнером, трансформирующим пред-мнения и пред-суждения зрителя и продуцирующим альфа-материал, формально являются создатели фильма. Однако в отличие от ситуации непосредственного общения между матерью и ребенком или психоаналитиком и пациентом, при просмотре фильма зритель как контейнер взаимодействует только с кинопроизведением. Можно предположить, что фильм осуществляет функцию контейнера-посредника в процессе создания некоего представления об определенном материале, как и текст в процессе взаимодействия между автором и читателем [Там же]. Маловероятно, что наивный зритель, не являющийся кинокритиком, постоянно осознает факт наличия в фильме сценариста, режиссера, продюсера, оператора, актеров и т.п. Поэтому сам фильм, не обладая сознанием и являясь плодом творчества многих «сознаний», выполняет функцию контейнирования для зрителя. Это существенно отличает использование данного термина в психологии от принятого в данном исследовании. Нельзя забывать и о влиянии информации, размещаемой в виде авторских блогов, интервью, рецензий, статей в Википедии, постов в социальных сетях, содействующей распространению идей фильма и его влиянию на публику. Фильм и создаваемое им семиотическое пространство становятся чем-то наподобие гипертекста.

Функция контейнирования у кинопроизведения представляется очевидной, т. к. фильм вписывает изображаемое в существующие схемы-образы либо создает новые, кодирует события и образы, помещая их в некий «кон-

тейнер», фрейм повествования реализации за счет их подачи в определенном ключе. Возможно, успешность функции контейнирования определяет и потенциал восприятия зрителем произведения как прецедентного.

Еще одним фактором, позволяющим рассматривать воздействие фильма на зрителя как контейнирование, является то, что У. Бион определяет контейнирование, формирование мысли и концептов как эмоциональный процесс, осуществляемый посредством эмоциональной функции, называемой им *reverie* (мечтательность, задумчивость, фантазия) [8, с. 169–175]. Очевидно, что искусство кино апеллирует к сознанию зрителя не в последнюю очередь на образном, эмоциональном уровне и относится к области фантазии. Вероятно, искусство кино является таким востребованным и оказывает большое влияние на зрителей разных возрастов именно благодаря эмоциональной функции контейнирования, восходящей к психическим процессам раннего детства и способствующей созданию определенных метафор восприятия как фреймов [2]. Это можно подтвердить высказываниями некоторых ученых о том, что контейнирование как эмоциональная функция, центральная для развития ребенка, имеет место и в дальнейшей жизни [8, с. 169]. Помимо этого, очевидно, что искусство кино осуществляет контейнирование не только на эмоциональном, интеллектуальном, этическом уровнях, но и на эстетическом, совершая своего рода эстетическую интерпретацию той или иной эпохи, событий и образов персоналий.

Рассмотрим примеры рефрейминга общественного и художественного дискурса, используя материал некоторых популярных британских сериалов, транслируемых в десятые годы XXI века. В этот период появляется несколько ярких фильмов, посвященных высшим слоям общества, их взаимодействию с непосредственным окружением и вызовами, которые бросает им новая эпоха. К этому ряду можно отнести кинопроизведения «Аббатство Даунтон» (2010–2015), «Конец парада» (2012–2013), «Корона» (2016–2017), которые охватывают временной промежуток от 1910-х до 1960-х годов. Современный британский художественный дискурс, в отличие от устоявшихся мнений, обращается к образу аристократии XX века как к историческому наследию народа, а не как к классовому врагу, нелепому пережитку прошлого или налоговому бременю. По выражению сценариста «Аббатства Даунтон» Дж. Феллоуза, популярная культура склонна видеть таких людей «мерзкими крысами, живущими в своих дворцах» (*horrible rats living in their castles*), но на самом деле «люди, владеющие поместьями и титулами, являются исполненными сознания долга, созидательными членами общества» (*people with houses and titles are dutiful, constructive members of society*) [12].

Если сравнить указанные фильмы с популярным сериалом 1990-х годов «Дживс и Вустер» по произведениям П. Г. Вудхауса, то беспомощный, бестолковый аристократ Берти Вустер, теряющий ориентацию в житейском море без своего всезнающего слуги Дживса, явно противопоставляется новой интерпретации образа представителей высшего слоя общества.

Современное кино позиционирует аристократа, владельца поместья как человека благородного, патристического, заботящегося о благополучии мест-

ного сообщества и ценящего сохранение женщиной своего достоинства. Аристократ, рискуя жизнью, сражается за Великобританию в мировых войнах, обеспечивает работой в поместье жителей окрестных деревень, сочувственно участвует в личной жизни слуг и способствует реализации их профессиональных и материальных амбиций. Также он поддерживает стремление женщин к самореализации на поприще благотворительности, творчества и даже бизнеса, переступает границы класса ради глубоких, искренних и честных отношений, основанных на духовной и интеллектуальной близости.

Ярким примером фильма, демонстрирующим такой рефрейминг и отражающим новые тенденции 1910-х – 1920-х годов XX века, является сериал «Аббатство Даунтон» («Downton Abbey») [7]. Известно, что автор сценария к фильму, Дж. Феллоуз, сознательно создавал подобные образы, ориентируясь на убеждения своего гиперпорядочного отца-аристократа, «который, потерпев крушение в пустыне и случайно найдя в песке паркомат, обязательно оплатил бы необходимую сумму за парковку» (*if Pa crashed in the desert and somehow found a parking meter buried in sand, he would be sure to put the correct money into it*), «он всегда был намерен поступать правильно» (*was always determined to do right*) [13].

Еще один пример сериала, представляющий аристократа в качестве уходящего в прошлое типа ответственного, эмоционально сдержанного и порядочного человека, – «Конец парада» («Parade's End»), изображающий события 1908–1918 годов. В основе фильма лежат классические романы 1920-х годов Ф. М. Форда. В современном сценарии известного автора Т. Стоппарда образ главного героя Кристофера Тидженса символизирует перелом уходящей консервативной эпохи и интерпретирует судьбу мужчины-аристократа, верного идеалам XVIII века, в драматическом ключе. Главный герой видит драму отчасти в том, что война превращает британцев в варваров: *We are all barbarians now* 'Мы все теперь варвары'. Возможно, эта общая тенденция «позволяет» Тидженсу снять с себя ранее взятые обязательства, отказаться от «приличий», переступить границы своего класса и завязать отношения с суфражисткой и учительницей. Судьба же отца Кристофера, не представляющего возможности отречься от аристократических представлений о порядочности и верности, оказывается трагической, так как он не способен вынести даже намек на возможное «предательство» безрассудной невестки, посылающей во время войны подарки немецким друзьям. Главный герой так комментирует самоубийство отца: *He wasn't the sort of man to leave a wounded rabbit on the wrong side of the hedge* 'Он не из тех, кто оставит подстреленного кролика по другую сторону изгороди' [14]. Интересно, что в британском дискурсе данный сериал противопоставляется «Аббатству Даунтон», поскольку в нем не делается акцент на идеализированном отношении к слугам: *there is no Downton-style sentimentalising of servants* («здесь нет сентиментальности по отношению к слугам в стиле «Аббатства Даунтон») [15]. Фильм позиционируется не как «мыльная опера в духе «Аббатства Даунтон», рекламирующая фирму Yardley» (*the Yardley's soap opera of Downton Abbey*), а как серьезный фильм, основанный на глубоком произведении [Там же].

Еще одним сериалом, создающим благоприятный образ аристократии, является «Корона» («The Crown»). В фильме, формально охватывающем период от 1947 до 1964 годов, королева Елизавета II предстает перед зрителем обычной маленькой девочкой, обожающей отца, влюбленной в мужа молодой женщиной, любящей и чуткой матерью своих детей, что не может не вызывать у зрителя эмпатию, способствующую восприятию образов и постижению посыла фильма [11]. Принц Филипп восхищается Елизаветой, хотя иногда склонен к борьбе за власть в семье и ревнует жену к ее высокому положению, при этом он порядочный отец, активно участвующий в воспитании детей, что приближает его образ к современному представлению о британском мужчине.

Королева Елизавета и принц Филипп очаровательны, словно персонажи волшебной сказки, но некоторые нюансы создают им имидж людей, имеющих нечто общее с обычными гражданами. Например, несмотря на королевские почести, по мнению премьер-министра, королева неприхотлива в еде: *Your food belongs to the nursery* 'Такую еду подают в детской'. Елизавета II не получила формального образования, что может противоречить современному представлению об успешном государственном деятеле. Ради брака с Елизаветой, тогда еще не являющейся королевой, Филипп отказывается от титулов, которыми он обладает по праву рождения, и становится британским подданным. Зрителю напоминают, что во время Второй мировой войны Елизавета работала механиком, а Филипп воевал за Британию на флоте, хотя его родственники были связаны с нацистской Германией.

Очевидно, что указанные сериалы создают комплиментарный и более близкий наивному зрителю портрет высшего общества на фоне изменений в жизни Великобритании XX века. Аристократы демонстрируют ум, умеренность, уравновешенность, чувство стиля, патриотизм. В фильмах предпринимается попытка позиционировать их как носителей культурных и духовных ценностей, преданных родине и способных меняться на благо общества под воздействием требований нового времени. Такой собирательный образ не является характерным для британского искусства XX–XXI веков и свидетельствует о попытке рефрейминга художественного и общественного дискурса посредством кинопроизведений, создающих совместно с иными средствами информации новое образно-схематическое пространство и, следовательно, осуществляющих контейнирование эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Fauconnier, G. The way we think: conceptual blending and the mind's hidden complexities* / G. Fauconnier, M. Turner. – N. Y. : Basic Books, 2003. – 440 p.
2. *Lakoff, G. Philosophy in the flesh : the embodied mind and its challenge to western thought* / G. Lakoff, M. Johnson. – N. Y. : Basic Books, 1999. – 624 p.
3. *Rosenbaum, B. Metaphor and Psychoanalysis: Containers, Mental Space, and Psychodynamics* / B. Rosenbaum, D. Garfield // *PsyArt: An Online Journal for the Psychological Study of the Arts* [Electronic resource]. – Dec. 1, 2001. –

Mode of access : http://psyartjournal.com/article/show/rosenbaum-metaphor_and_psychoanalysis_containers_mental_space_and_psychodynamics.html. – Date of access : 20.9.2019.

4. *Bion, W. R.* Learning from Experience / W. R. Bion. – Lanham: Rowman & Littlefield, 2004. – 126 p.

5. *Лотман, Ю. М.* Семиотика кино и проблема киноэстетики / Ю. М. Лотман. – Таллин : Ээсти Раамат, 1973. – 92 с.

6. *Караулов, Ю. Н.* Активная грамматика и ассоциативная вербальная сеть / Ю. Н. Караулов. – М. : ИРЯ РАН, 1999. – 180 с.

7. *Соловьёва, М. А.* «Аббатство Даунтон» как прецедентный текст англоязычного дискурса / М. А. Соловьёва // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2019. – № 1 (98). – С. 104–110.

8. *Riesenberg-Malcolm, R.* Bion's Theory of Containment / R. Riesenberg-Malcolm // *Kleinian Theory: a contemporary perspective* / C. Bronstein. – London : 2006. – Chapter 12. – P. 165–180.

9. *Гадамер, Х.-Г.* Истина и метод: Основы филос. герменевтики; пер. с нем. / Х.-Г. Гадамер; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М. : Прогресс, 1988. – 704 с.

10. *Lakoff, G.* The political mind: why you can't understand 21st-century politics with an 18th-century brain / G. Lakoff. – N. Y. : Viking, 2008. – 292 p.

11. *Соловьёва, М. А.* Роль дистантных отношений в структурировании и понимании английского художественного текста: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / М. А. Соловьёва. – Минск, 2005. – 183 л.

12. *Kamp, D.* The Most Happy Fellowes / D. Kamp // *Vanity Fair* [Electronic resource]. – 8.11.2012. – Mode of access : <https://www.vanityfair.com/culture/2012/12/julian-fellowes-downton-abbey>. – Date of access : 28.10.2019.

13. *Fellowes, J.* Downton Abbey: Series creator Julian Fellowes reveals how his own father inspired Lord Grantham – but that none of it would have happened without the real-life Countesses of Grantham / J. Fellowes // *Daily Mail* [Electronic resource]. – 8.9.2012. – Mode of access : <https://www.dailymail.co.uk/femail/article-2199205/Downton-Abbey-Series-creator-Julian-Fellowes-reveals-father-inspired-Lord-Grantham.html>. – Date of access : 28.10.2019.

14. *Lawrence, B.* Parade's End's brilliance continues, although the tone is darker / B. Lawrence // *The Telegraph* [Electronic resource]. – 7.9.2012. – Mode of access : <https://www.telegraph.co.uk/culture/tvandradio/tv-and-radio-reviews/9528206/Parades-End-episode-three-BBC-Two-review.html>. – Date of access : 28.10.2019.

15. *Robson, D.* Parade's End on BBC: Why we can't resist these hateful heroines / D. Robson // *The Telegraph* [Electronic resource]. – 31.8.2012. – Mode of access : <https://www.telegraph.co.uk/culture/tvandradio/9508910/Parades-End-on-BBC-Why-we-cant-resist-these-hateful-heroines.html>. – Date of access : 28.10.2019.

The article studies the role of British TV series, treated as precedent texts of English culture, using such notions of psychology and cognitive science as container, containment and the contained. The article expresses an opinion that films, being mediator containers, fulfil the function of containment for the viewer by forming schematic representations of historical epochs, events and personalities.

Поступила в редакцию 15.11.2019 г.

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРАГМАТИКА ИРОНИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ПРОЦЕССЕ УБЕЖДЕНИЯ (на примере адвокатских речей на немецком языке)

Статья посвящена изучению языковой специфики и прагматических функций иронических высказываний в адвокатских речах. В статье представлены различные подходы к пониманию иронии в лингвистике, обосновываются причины использования иронии в современной официально-деловой коммуникации. В результате анализа иронично-окрашенных фрагментов немецкоязычных адвокатских речей выведен арсенал возможных языковых способов создания иронии, описана прагматика иронии в речи защитника. Высказывается допущение, что языковая специфика и прагматические функции иронических высказываний, исследованных в адвокатских речах, будут валидны в различных коммуникативных ситуациях, в которых имеет место убеждение.

Адвокатская речь, произнесенная в защиту обвиняемого в присутствии обвинителей, судей, присяжных, представляет собой пример публичной убеждающей речи. Для реализации своей основной стратегии и решения профессиональной задачи защитник должен специфическим образом моделировать свои высказывания, используя разнообразные приемы. Одним из средств убеждения в современной официальной коммуникации является *ирония*.

В словаре лингвистических терминов дается такое определение иронии: это «употребление слова в смысле, обратном буквальному, с целью тонкой или скрытой насмешки. Насмешка, нарочито облеченная в форму положительной характеристики или восхваления» [1, с. 185]. Ирония как скрытая насмешка может рассматриваться в качестве стилистической фигуры, риторического приема и прагматического эффекта, создаваемого в контексте употребления языковых единиц. В зависимости от ситуации общения ирония как позиция автора (его отношение) может пронизывать весь текст, при этом иронический смысл вытекает не из суммы смыслов высказывания и текста, а читается в подтексте.

В широком смысле ирония может трактоваться как способ мышления, при котором имеет место игра различными культурными и языковыми кодами, позволяющая вскрыть парадоксальный характер окружающего мира и выразить отношение к нему не напрямую, а опосредованно [2, с. 6]. Можно утверждать, что ирония представляет собой сложный лингво-когнитивный феномен, которому присущи признаки двойственности, парадокса, субъективизма и игры.

По мнению лингвистов, в последние десятилетия ирония расширила границы привычных коммуникативных ситуаций и все чаще используется в официально-деловом общении. Н. В. Веселова, исследовавшая проявление иронии в политической речи, утверждает, что в современном обществе наблюдается ориентация «культурно-исторического сознания на субъективность»: субъект речи оставляет за собой право не только отображать действительность, но и играть с ней, обнажать присущую ей диалектичность,

вскрывать ее противоречивость [2, с. 6]. Данные предпосылки ведут к деофициализации, авторизации и иронизации официальной коммуникации в современном обществе.

В свете сказанного становится понятным использование иронии и в дискурсе делового бизнес-общения. Исследователи объясняют это двойственным характером ее прагматического воздействия: с одной стороны, говорящий посредством иронии выражает негативное отношение к адресату или предмету речи, дискредитирует оппонента, оставаясь при этом в рамках этикета, с другой, создает особую психологическую атмосферу, располагающую к взаимодействию и сотрудничеству [3, с. 7].

Для эффективной реализации иронии в любом дискурсе необходимо удачное сочетание таких дискурсивных элементов, как особенности коммуникативной ситуации и сознание коммуникантов. Прежде всего, иронизация будет иметь место при отсутствии идеологического единomyслия участников дискурса. Яркий пример тому – судебный дискурс, предполагающий четко очерченную полярность сторон общения. Выступления в суде риторичны и содержат элемент манипуляции сознанием реципиента. Ирония является неотъемлемой частью опровержения оппонирующего мнения. Преломление основного содержания сквозь призму иронии в процессе убеждения является мощным воздействующим фактором: смысл, донесенный в иронической форме, побуждает слушающего к переосмыслению событий, к отказу от конформизма. Иронизирующий субъект демонстрирует дистанцированность от отображаемой действительности, и это отстранение побуждает объект убеждения приобщаться к происходящему как активный, свободно выбирающий субъект [2, с. 8]. Такая психологическая подоплека иронии является предпосылкой ее активного внедрения в процесс убеждения в адвокатских речах.

Изучение механизма возникновения иронии и ее прагматических функций в процессе убеждения предполагает описание языковой стороны иронических высказываний. Языковая и прагматическая специфика иронии зависит от особенностей конкретной дискурсивной сферы. В работах, посвященных изучению иронии в политической речи, называются следующие языковые способы ее создания: игра с фразеологизмами, метафора и метонимия, контекстуальная полисемия, функционально-стилистический сдвиг, аллюзия, цитирование, стилистический контраст, лексико-семантический контраст, оксюморон, антонимы, окказионализмы [2, с. 10]. Исследователи иронии в дискурсе бизнес-общения приводят такие средства создания иронического эффекта: метафора, сравнение, гипербола, аллюзия, аллитерация, игра слов, анафора, эпифора, синтаксический и лексический параллелизм, риторические вопросы, варьирование длины высказывания [3, с. 7]. Как видно из приведенных перечней, набор средств для создания иронии в публичном официальном общении достаточно велик и разнообразен. Будет ли он таким же в немецкоязычных адвокатских речах с присущим им канцелярским стилем? Современные исследования судебного дискурса Германии свидетельствуют о том, что ему свойственны все признаки риторичности [4, S. 322]: адвокатская

речь является результатом стратегического планирования, в ней активно используется риторико-топичная аргументация, речь зачитывается устно, подразумевает эмоциональность оратора и употребление им риторико-стилистических средств (в том числе и иронии).

В ходе изучения текстов немецкоязычных защитительных речей по политическим и экономическим преступлениям начала XXI века было выделено 35 контекстов с ироническим смыслом, который определялся эмпирическим путем. Далее следует обзор языковых средств и способов создания иронического смысла в адвокатских речах с примерами и их анализом.

Одним из распространенных способов создания иронического смысла в адвокатской речи является **цитирование** речи оппонента, с использованием **конъюнктива I** – формы сослагательного наклонения для передачи чужой речи, например:

Die Delegation spuckte den Opfern des Militärregimes regelrecht ins Gesicht. Es gebe „kein diktatorisches Regime“ und „keine systematische Anwendung von Folter“, befand sie ‘Делегация буквально плюнула жертвам военного режима в лицо. Она находит, что «не было диктаторского режима» и «систематического применения пыток»’.

Сопровождаемая определенной интонацией, форма конъюнктива I *es gebe*, соответствующая русскому ‘якобы’, и последующая цитата имеют в комплексе иронический подтекст и побуждают слушателей к несогласию с приводимым утверждением и возмущению по поводу его содержания.

Конъюнктив II также может участвовать в создании иронии, прежде всего, в процессе опровержения оппонирующего мнения, например:

Meine Mandantin wäre dann allein deswegen strafrechtlich verantwortlich, weil sie CFO war, als die Swissair unterging ‘Моя подзащитная только потому несла бы уголовную ответственность, что являлась финансовым директором, когда Swissair обанкротилась’.

В этом контексте адвокат указывает на несостоятельность выдвигаемого обвинения, используя прием «ироничное предложение альтернативы», который реализуется конъюнктивом II (*wäre allein deswegen strafrechtlich verantwortlich* ‘уже потому несла бы уголовную ответственность’). Суть его в следующем: если ход мысли оппонента верен, то только потому нужно привлечь обвиняемую к ответственности, что она являлась финансовым директором.

Важным средством иронизации над действиями обвинителей является **риторический вопрос**, например:

Aber warum hat die BAW eigentlich keine Anklage wegen Hochverrat gewählt? Ging es der RZ etwa nicht darum, die gewaltsame Änderung der verfassungsmäßigen Ordnung zu erreichen? ‘Но почему же прокуратура не избрала обвинение по статье «Государственная измена»? Разве РЦ не стремилась достичь силовыми методами изменения установленного конституцией порядка?».

В вопросе скрыто утверждение, содержащее иронический упрек в адрес прокуратуры, недоумение по поводу хода обвинения. Воздействующий эффект иронического риторического вопроса усиливается благодаря использованию модальных частиц *eigentlich* ‘собственно говоря’ и *etwa* ‘разве’.

Ряд проанализированных контекстов содержит такое средство иронизации, как **стилевой сдвиг**, при котором ирония создается за счет использования лексики или формальных признаков другого стиля или типа текста, например:

*Das Wort „Asylant“ wird **salonfähig** und in Verbindung mit „Asylantenströmen“, die das gesamte Land und besonders West-Berlin **überfluten**, zum einzigartigen **Bedrohungsszenario** ausgebaut* ‘Использовать слово «беженец» стало престижно в высшем обществе. В сочетании с формулировкой «поток беженцев», которые наводняют всю страну и в особенности западный Берлин, это понятие мутировало в своеобразный угрожающий сценарий’.

Слово возвышенного стиля *salonfähig* ‘вхожий в салоны’ ироничным образом указывает на то, что говорить о проблеме беженцев стало модным в высшем обществе, а **гипербола** *überfluten* ‘наводнить’ и *Bedrohungsszenario* ‘угрожающий сценарий’ подчеркивают надуманность и преувеличенность проблемы.

Еще один пример стилового сдвига:

*Politisches Strafrecht wird geprägt von einem **Sammelsurium** an unbestimmten Rechtsbegriffen und verschwommenen Wendungen: „unterstützen“, „sich einsetzen“, „anleiten“, „befürworten“, „die Bereitschaft anderer fördern“, „Hintermänner“, „öffentlicher Friede“, „nach den Umständen geeignet“ usw* ‘Политическое уголовное право характеризует пестрая смесь неопределенных правовых понятий и размытых выражений: «поддерживать», «включаться», «инициировать», «ходатайствовать», «поддерживать готовность других», «вторые лица», «публичный мир», «подходящий при соответствующих обстоятельствах» и др.’.

Для указания на размытость и неточность терминологии политического уголовного права, на которой базируется обвинение, адвокат использует лексическую единицу, первоначально используемую в кулинарии, – *Sammelsurium* ‘всякая всячина, мешанина’, чтобы через свою иронию внушить слушающим скептическое отношение к обвинению.

Далее следует пример использования формальных признаков другого типа текста:

*Nach dem Motto, **man nehme** ein bisschen linke Gesinnung, **etwas Kontaktschuld**, dazu **eine Prise Kollektivschuld** und kommt „widerspruchsfrei“ zum **Schuldspruch*** ‘Под девизом: возьмите немного левых убеждений, немного виновности в контактах, сюда же щепотку коллективной вины и вы получите «без противоречий» обвинительный приговор’.

В приведенном высказывании содержится ироничный намек адвоката на то, что обвинение было «состряпано». Иронический смысл достигается

благодаря метафорическому переносу. Информация подается в форме кулинарного рецепта, что выражается конъюнктивом *I man nehme* ‘нужно взять’, лексемами *etwas* ‘немного’, *eine Prise* ‘щепотка’.

В следующем контексте ирония создается благодаря использованию лексемы из такого типа текста, как сказка:

Es spielt keine Rolle, ob diese Zeugen die Unwahrheit sagen, im Gegenteil: Im Rahmen des Zauberspruches der „freien Beweiswürdigung“ werden Widersprüche und Unwahrheiten als „kleinere Irrtümer“ benannt; sie sind „nachvollziehbar“, ja machen die Aussage geradezu glaubhaft ‘Не играет роли, говорят ли эти свидетели неправду, наоборот: в рамках волшебного слова «свободная оценка доказательств» противоречия и ложь называются «незначительными заблуждениями»; они «объяснимы» и делают показания достоверными’.

Намек на то, что свидетельские показания и их интерпретация сторонниками обвинения похожи на детскую сказку, становится понятным благодаря лексеме *das Zauberspruch* ‘волшебное слово’ и насмешливому цитированию высказываний оппонента.

Литота, или преуменьшение также может служить для реализации иронии в адвокатской речи, например:

Wie die Staatsanwaltschaft auf die gegenteilige Behauptung kommt, ist schlicht unerklärlich. Wer sich auch nur fünf Sekunden Mühe nimmt, die Schlussabrechnung zu studieren, kann ohne weiteres feststellen, dass keine Sozialversicherungsbeiträge abgezogen worden sind ‘Почему прокуратура утверждает обратное, абсолютно не объяснимо. Если потратить хотя бы пять секунд времени, чтобы изучить окончательный расчет, без труда можно установить, что взносы на социальное страхование не взимались’.

В данном контексте высмеиваются оплошность и неведение оппонента. Весомая роль в создании иронического смысла отведена литоте *nur fünf Sekunden* ‘всего лишь пять секунд’: даже беглого изучения актов было бы достаточно, чтобы понять суть.

Иронический смысл может содержаться в высказываниях, содержащих **эвфемизм**, например:

Den Sicherheitskräften geht es mit ihren Maßnahmen (gemeint ist Folter, Anm. der Verteidigung) nicht darum, politische Straftäter zu maßregeln, sondern sie an ihrem staatsgefährdenden Tun zu hindern ‘Целью мероприятий (имеются в виду пытки – прим. защиты) служб безопасности является не привлечение политических преступников к ответственности, а предотвращение их антигосударственных действий’.

Поводом для иронии в данном примере является нарочитая замена неудобного понятия *Folter* ‘пытка’ на нейтральное *Maßnahmen* ‘мероприятия’, произведенная оппонентами. Ироничный подтекст должен служить их дискредитации.

В адвокатских речах ироничный оттенок могут иметь контексты, в которых используется **модальная лексика** со значением уверенности, например:

Das Verfahren findet selbstverständlich in einem Hochsicherheitssaal statt, mit Panzerglas gegen terroristische Angriffe von außen, einem gesonderten

Eingang für Zuschauer, deren Ausweise kopiert werden und die weder eine Schachtel Streichhölzer noch einen Kugelschreiber mit hinein nehmen dürfen ‘Само собой разумеется, процесс проходит в зале с усиленной безопасностью, с бронированным стеклом, защищающим от террористических атак снаружи, обособленным входом для зрителей, паспорта которых копируются и которым не разрешено проносить ни коробок спичек, ни шариковую ручку’.

В приведенном примере насмешку выражает модальное слово *selbstverständlich* ‘само собой разумеется’, которое в данном контексте не обозначает согласие и уверенность, а, наоборот, ставит под сомнение разумность предпринятых оппонентами действий.

Приведем еще один пример использования лексики с семантикой уверенности, имеющей в контексте употребления коннотацию насмешки:

Und dokumentiert ist dieses Flehen des Kronzeugen natürlich nur in den Gesprächen beim Verfassungsschutz, deren Inhalt gerade nicht eingeführt und eigentlich nie ein Wort davon bekannt werden sollte ‘А задокументирована эта мольба главного свидетеля, конечно же, только в разговорах под конституционной защитой, однако ни одно слово из них не должно разглашаться’.

Лексемой *natürlich* ‘конечно’, основными значениями которой являются «согласие» и «высокая степень уверенности», в данном контексте передаются насмешка и упрек по поводу действий обвинителей. Иронический эффект усиливается благодаря особому порядку слов, а именно постановке номинальной части сказуемого в начало предложения.

Ироническое отношение к свидетельским показаниям может передаваться **положительно-оценочной лексикой**, например:

Die feinen Differenzierungen des Kronzeugen: „Ich bin mir sicher“, „Ich bin der Überzeugung“, „mit an Sicherheit grenzender Wahrscheinlichkeit“, „vermutlich“, „ich glaube“. Eindeutige Priorität hatten allerdings die Worte „Es ist mir nicht mehr erinnerlich“. Ein weites Repertoire, über das der Kronzeuge verfügt ‘Тонкая дифференциация в показаниях основного свидетеля: «я уверен», «я придерживаюсь убеждения», «вероятность, граничащая с уверенностью», «предположительно», «я полагаю». Однозначный приоритет, однако, имеют слова: «Не могу вспомнить». Главный свидетель располагает широким репертуаром.

В приведенном примере положительно-оценочная лексика *die feinen Differenzierungen* ‘детальная дифференциация’ и *ein weites Repertoire* ‘широкий репертуар’ имеет смысл, обратный буквальному, в частности свидетельствует о недостоверности показаний.

Иронизация над недостоверностью свидетельских показаний может осуществляться через прием **контраста**, например:

Ja, er fleht im Jahre 2000 förmlich darum, diesem schlechten Gedächtnis kein Vertrauen zu schenken, doch dazu ist es zu spät. Inzwischen sitzen fünf Personen bereits seit rund sieben Monaten in Untersuchungshaft ‘Он буквально умоляет в 2000-м году не доверять его плохой памяти, но к тому времени будет уже слишком поздно. Пять человек уже 7 месяцев находятся в предварительном заключении’.

Как видно из примера, ирония содержится в противопоставлении несерьезного поведения свидетеля (*flehen* ‘умолять’, *schlechtes Gedächtnis* ‘плохая память’) и серьезности ситуации, причиной которой стали его показания: *fünf Personen sitzen sieben Monate in Untersuchungshaft* ‘5 человек находятся 7 месяцев в предварительном заключении’.

Ирония по поводу действий обвинителей и свидетелей обвинения создается также **метафорами** типа: *mit einem rechtsstaatlichen Mantel umgeben* ‘облечь в правовую мантию’; *in den Deckmantel eines ordentlichen Strafprozesses hüllen* ‘прикрыть мантией порядочного правового процесса’; *die besten Pferde aus dem Stall der Staatsanwaltschaft* ‘лучшие скакуны из конюшни прокуратуры’ и др.

Приведенные примеры и их анализ позволяют заключить, что ирония активно задействуется при убеждении слушающих в своей правоте и неправоте оппонента, являясь мощным фактором формирования определенного мнения у объекта убеждения. Ирония в адвокатской речи может передаваться интонационно, а также создается благодаря специфическому использованию таких языковых средств, как цитирование чужой речи; конъюнктив I; конъюнктив II; риторический вопрос; стилевой сдвиг / использование формальных признаков другого типа текста; эвфемизм; литота; гипербола; метафора; использование модальной и положительно-оценочной лексики в переносном значении; контраст.

Выявленные языковые средства создания иронии включаются в комплекс средств воздействия на адресата в адвокатской речи, поддерживая и дополняя потенциал таких категорий, как модальность и оценочность. Основным предназначением средств создания иронии в убеждающей речи является формирование второго смыслового плана в процессе движения к коммуникативной цели. Кроме того, они вносят разнообразие в ход структурно-смыслового развития судебного дискурса, повышают его динамизм и активизируют восприятие информации адресатом.

Необходимо признать, что в поляризированной ситуации общения, содержащей не только доказательство своей правоты, но и опровержение тезисов оппонента, неотъемлемой тактикой воздействия будет дискредитация противников, а именно убеждение слушающих в неполновесности, несостоятельности, невалидности его утверждений. Дискредитация противника, как правило, сопровождается иронией. Уже сама интонация адвоката при разборе обвинительного акта в большей или меньшей степени иронична и тем самым настраивает слушающих на соответствующее отношение к утверждениям обвинителя.

Тем не менее, представляется возможным утверждать, что выявленные в ходе исследования средства создания иронического смысла и описание их прагматического воздействия в защитительной речи создадут определенную базу для обоснования использования иронических высказываний в процессе убеждения в других дискурсивных сферах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахманова, О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 5-е изд. – М. : Книжный дом «Либроком», 2010. – С. 185.
2. *Веселова, Н. В.* Ирония в политическом дискурсе : автореф. ... дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Н. В. Веселова; Нижегород. гос. лингвист. ун-т им. Н. А. Добролюбова. – Нижний Новгород, 2003. – 16 с.
3. *Храмченко, Д. С.* Ирония в английском деловом дискурсе : функционально-синергетический подход : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Д. С. Храмченко; Моск. гос. ин-т междунар. отношений. – М., 2010. – 25 с.
4. *Kalivoda, G.* Juristische Rhetorik. Systematische, historische und interdisziplinäre Aspekte der forensischen Beredsamkeit / G. Kalivoda / In : Sprache des Rechts. Studien der interdisziplinären Arbeitsgruppe der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften. – Berlin : Walter de Gruyter-Verl. – 2005. – 598 S.

The article is devoted to the analysis of language features and pragmatics of ironic statements in the process of persuasion. The article touches upon the reasons, why irony is often used in contemporary official discourse, and explains how it can help in persuading. On the example of German defense counsel speeches the list of language means of irony was made and its role in convicting people was described.

Поступила в редакцию 14.10.2019

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

М. А. Гладко

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО РАДИО БЕЛАРУСИ

Цель данной статьи – выявление ключевых особенностей современного радиоландшафта Беларуси, его ценностно-тематической наполненности. Как показывает исследование, современный радиоконтент Беларуси, помимо информационного и развлекательного, имеет познавательный вектор, преимущественно культивирующий повседневное (житейское) знание. Контекстологический, статистический анализ позволил выявить доминирующие в познавательном сегменте радиопространства Беларуси блоки ценностей, на базе которых построена модель, демонстрирующая сферу познавательных интересов белорусов, а также вклад, вносимый радио, в формирование определенных ценностных ориентиров.

Не так давно на протяжении нескольких лет говорили об упадке радио как канала коммуникации. Однако это мнение оказалось неверным. У радио есть категории слушателей, которые всегда были и останутся таковыми, сколь бы ни было велико влияние телевидения и Интернета. Согласно исследованию, проведенному рекламным агентством «Пин Гвин», по состоянию на 2018 год радиопрограммы слушают около 60 % белорусов, причем 61,4 % – слушают каждый день.

Как оказалось, самыми активными слушателями радиостанций являются автомобилисты (42,9 %). В офисе слушают радио чуть реже (37 %) – примерно, каждый пятый минчанин. А дома настраивается на радиоволну каждый десятый житель столицы. При этом продолжительность прослушивания радио у автомобилистов намного ниже, чем у офисных работников — около часа в день. Получается, что слушают радио преимущественно в офисах и машинах [1].

Как видим, радио активно вплетается в жизнь белорусов во многом благодаря своей ключевой особенности: это наиболее неприхотливое, близкое к потребителю СМИ, сопровождающее его в течение всего дня и являющееся, в зависимости от времени суток, рода занятий, возраста, настроения, и источником информации, и собеседником, и эмоциональным фоном.

За последнее десятилетие радио, вслед за телевидением, претерпело значительные изменения. Цель данной статьи – выявление ключевых особенностей современного радиопространства Беларуси, его тематической и ценностной наполненности. Для этого посредством контекстологического и статистического методов мы проанализировали контент 24 радиостанций, транслирующих на территории Беларуси, а также 7 региональных радиоканалов.

Как показывает проведенное исследование, на современном этапе в белорусском обществе наиболее востребованы познавательные возможности радио. В последние несколько лет информация просветительского характера,

наряду с развлекательной и новостной, активно завоевывает место в эфире не только государственных, но и коммерческих, пользующихся большей популярностью, рейтинговых радиоканалов.

Как отмечает Ю. М. Ершов, качественно новые явления в сфере массовых коммуникаций требуют обновления понятийного и терминологического аппарата теоретических исследований, новых методологических подходов в анализе деятельности СМИ [2, с. 115]. Вследствие этого необходимо и целесообразно построение новой типологии радиопрограмм. Традиционно выделяются две подсистемы вещания: информационная и развлекательная. Однако представляется продуктивным выделение трех подсистем современного радиовещания: информационного, развлекательного и познавательного.

Информация, ее постоянно обновляющиеся ресурсы играют главную роль в развитии передовых технологий, культуры, экономики и иных сфер жизнедеятельности общества. Устойчивое развитие страны требует не только перевооружения промышленности, но и существенного повышения интеллектуального потенциала нации — способности людей производить и усваивать новые знания, создавать и поддерживать высокую техническую культуру наукоемкого производства, повышать свою квалификацию. Развитие интеллектуального потенциала нации — задача не только системы образования, но и СМИ [3, с. 105].

Рассмотрим эволюцию познавательной ниши белорусского радио. В коллективном исследовании информационного поля Беларуси авторы анализируют этапы его формирования и развития в период с 1994 по 2009 год [4]. Так, особенность состояния радиовещания в период формирования (1994–2004 гг.) заключается в следующем: радио, как канал и источник массовой информации, имеет самую большую «неаудиторию» по сравнению с печатными и телевизионными СМИ. Слушают радио 41,7 % белорусов, большей частью либо несколько раз в неделю, либо в месяц.

В период активного развития СМИ Беларуси пик популярности радио пришелся на 2004 год. Однако в целом в 2004 – 2008 гг. наблюдается тенденция снижения количества постоянных слушателей (если в 2003 г. практически ежедневно слушали радио 51,3 % населения, то в 2008 г. количество постоянных слушателей уменьшилось в два раза и составило 25,8 %). Единственное направление радиопередач, по которому произошел рост численности аудитории, это проблемы культуры [4, с. 75]. Большинство радиостанций в данный период своей основной задачей видят развлекательную, а не информационную. При этом, указывая на низкую востребованность историко-культурных (8,6 %) и литературных (6,1 %), научно-популярных (3,0 %) передач, исследователи отмечают, что «далеко не все радиостанции предлагают своим слушателям такой широкий спектр программ – от музыкальных до литературных» [4, с. 140].

Десять лет спустя (на момент 2019 г.) тренд в формировании эфирного радиопространства Беларуси, согласно проведенному нами анализу, выглядит несколько иначе. Как отмечено выше, более 60 % жителей страны

слушают радио ежедневно. Анализ контента 24 радиостанций, функционирующих на территории Республики Беларусь (города Минска в частности) в 2018 – 2019 гг., позволил установить, что ландшафт современного радио представлен тремя сегментами: информационным, развлекательным (музыкальным) и познавательным. Графически полученные данные о тематике радиопрограмм, относящихся к этим трем сегментам, можно представить в форме диаграммы (рис. 1).

Рис. 1. Тематика программ общенациональных радиоканалов Беларуси

Как видно из рис. 1, наиболее востребованными в радиопространстве Беларуси являются развлекательные (музыкальные) передачи (46,5 %). Второе по значимости место в информационном поле радиовещания занимает сегмент информационных радиопрограмм (28,3 %). Заметим, что в его структуру, помимо информационно-аналитических, новостных, входят информационно-развлекательные передачи, которые преобладают (10,6 %), что свидетельствует о стойком интересе белорусов к развлекательному характеру получаемой информации.

Третье, тем не менее достаточно представительное в процентном соотношении (25,2 %), место в информационном поле радиовещания отведено познавательным программам. Для сравнения, доля чисто информационных передач составляет 17,7 %, как указывалось, информационно-развлекательных – 10,6 %. Эти данные доказывают наличие интереса и спроса у белорусов на познавательный радиоконтент, из которого они могут почерпнуть полезную информацию для личной, общественной жизни.

Помимо 24 радиостанций, ведущих вещание на всей территории республики, существуют местные региональные радиостанции («Радио Гродно», «Радио Могилев» и т.д.). Каждый регион «представляет собой не только конкретное территориальное, но и социальное, психологическое, культурное и иное единство и осознается как особая культурная среда со своей системой ценностей» [5, с. 22]. Можно предположить, что определенная культурная среда оказывает влияние на выбор стратегии и тематики вещания СМИ. Ниже приводятся результаты сравнительного анализа тематики радиостанций, выполненного в рамках сопоставления «общенациональное – территориальное (периферия)». В выделенной диаде компонент «общенацио-

нальное» представлен радиоканалами, функционирующими на территории Беларуси в целом. При изучении периферийной зоны рассматривались радиостанции, вещающие в областных центрах: Брест, Витебск, Гомель, Гродно и Могилев.

Проведенный анализ позволил установить, что соотношение доли востребованности радиопередач информационной, развлекательной и познавательной тематики различно на периферии в целом и в контенте радиостанций, транслирующих на всей территории Беларуси (рис. 2).

Результаты представлены в виде процентного соотношения тематических предпочтений радиостанций в рассматриваемом регионе.

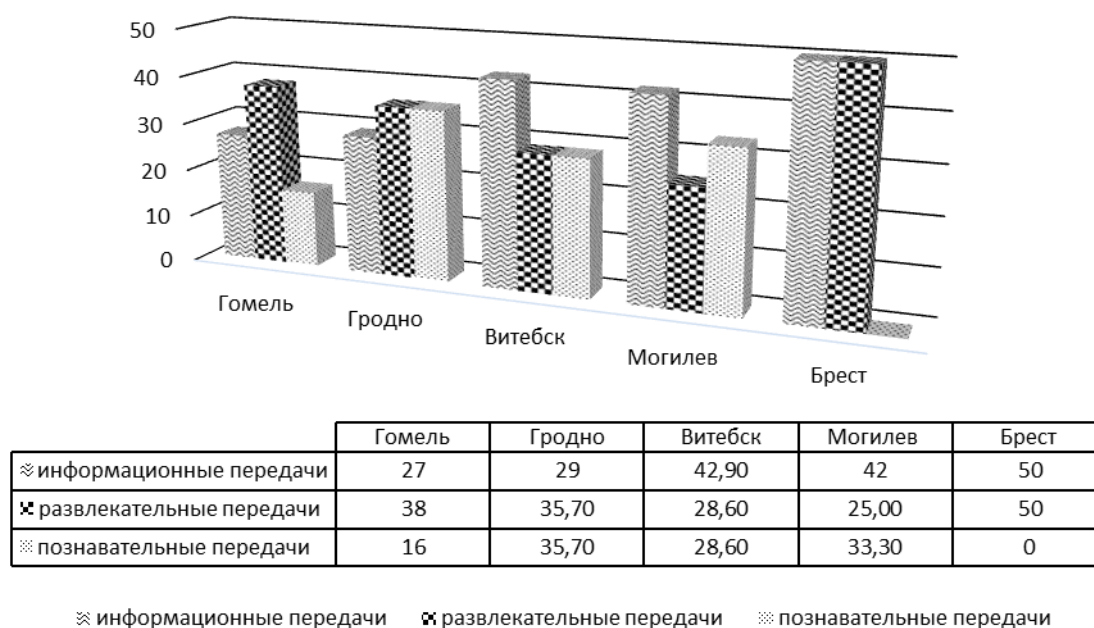

Рис. 2. Востребованность передач различной тематики в радиопространстве областных центров Республики Беларусь, %

Лидирующее место по востребованности на радиостанциях Витебска (42,9 %), Могилева (42 %), а также Бреста (50 %) занимают передачи, удовлетворяющие информационные запросы слушателей, что объяснимо, так как они информируют о событиях конкретного региона. В рейтинге тематических предпочтений радиостанций Гродно и Гомеля преобладают развлекательные программы (25,7 % и 38 % соответственно). Обращает на себя внимание факт существенно большего интереса к познавательной тематике всех региональных каналов по сравнению с общенациональными радиостанциями.

Как известно, средства массовой информации не просто формируют образ действительности, но и отражают уже существующие в общественном сознании ценности, репрезентируют мир мнений. В процессе прослушивания передач происходит «ситуация ценностного узнавания – когда информация пробуждает в восприятии потребителя комплекс сформированных представлений (закрепляет его или разрушает), резонируя с социальными архетипами сознания» [6, с. 10].

Контекстологический, статистический анализ позволил выявить доминирующие в познавательном сегменте радиопространства Беларуси блоки ценностей, на базе которых построена модель, демонстрирующая, какой вклад в формирование определенных ценностных ориентиров вносит радио: «Личная жизнь (личное пространство)», «Жизнь в обществе», «Вопросы выживания», «Общественный капитал». Данные блоки аккумулируют актуальные для слушателей ценности, определяющие правила личной, а также социальной жизни, отвечают за содержание поступков и решений человека.

Графически структурная модель ценностных приоритетов познавательного радио выглядит следующим образом (рис. 3).

Рис. 3. Модель ценностных приоритетов познавательного сектора радио Беларуси

Согласно результатам анализа, познавательное радиовещание в наибольшей степени ориентировано на повседневное (житейское) знание. Данная форма значима и реальна для каждого человека, который одновременно живет в нескольких мирах знания: научно-техническом, мире искусства, мире повседневной жизни, церковном мире, виртуальном и т.д. Именно эта форма знания помогает определиться человеку в социальном бытии, задает единую логику поведения, общения, деятельности. Так, наиболее частотными в сетке радиоканалов являются познавательные передачи, актуализирующие ценностные ориентиры блока «Л и ч н а я ж и з н ь». Удельный вес информационного массива на определенную тему подкрепляет статус значимости информации, обеспечивает ее узнаваемость для воспринимающей аудитории (переводит сообщение в ценное для слушателя).

Доминантными ценностями, моделирующими личное пространство белорусских радиослушателей, являются *здоровье* (доля каналов, транслирующих передачи, конструируемые данной ценностью, – 40 %), а также *красота, мода и стиль* (20 % белорусских радиоканалов). Так, адресат заинтересован в полезной информации о профилактике и лечении заболеваний, инновациях

в отечественной медицине, полезных и вредных для здоровья продуктах; новинках в бьюти-индустрии, моде. Отметим, что интерес к знаниям о здоровье, красоте и моде не зависит от возраста, так как транслируются радиоканалами, ориентированными на целевую аудиторию 25 и старше («Русское радио», «Unistar»), а также 35 и старше («Альфа радио», радио «Столица», «1 Национальный канал “Белорусское радио”», «Народное радио»).

Значимой ценностью данного блока также является *питание/еда* (15 %). Жителей Беларуси 25 лет и старше («Радио Рокс», «Русское радио») активно пытаются заинтересовать просвещением в области кулинарии, полезности различных продуктов, в получении новых кулинарных впечатлений. Посредством увлекательных рассказов о кулинарных обычаях, блюдах разных стран, рецептах формируется гастрономическая культура белорусов. Популярность передач подобного рода свидетельствует о росте осознания слушателями значимости правильного питания как важнейшего фактора, обеспечивающего здоровье человека, определяющего качество и продолжительность жизни. Более того, глобализация стимулирует интерес к вкусовым и кулинарным традициям различных стран.

Обращает на себя внимание факт появления в информационном просветительском радиопространстве тем, посвященных *психологическому благополучию* граждан (15 %). В доступной, понятной форме целевой аудитории (а это мужчины и женщины 25–45 лет, преимущественно имеющие семью) предлагаются способы решения житейских проблем, связанных с семейными, межличностными отношениями.

Всплеск популярности психологических тем на радио, как и на телевидении, можно объяснить тем, что такие передачи помогают не только решить жизненные проблемы, но также показывают человеку, столкнувшемуся с проблемой, что он не одинок, что вокруг достаточно людей с идентичными проблемами [7]. Обсуждаемые ситуации проецируются на каждого слушателя, создается эффект «участия».

Одним из наиболее востребованных познавательных сегментов модели ценностных приоритетов белорусов является «*Жизнь в обществе*». К группе ключевых просветительских ценностно значимых тем данного сегмента принадлежит *право* (20 %), *бизнес* (15 %). Белорусских слушателей интересуют сложные правовые ситуации и способы их разрешения, обзоры рынка. Радиопередачи данной тематики позволяют гражданам почерпнуть для себя информацию, необходимую в повседневной жизни.

Проведенное исследование свидетельствует о том, что для белорусских радиослушателей весьма значима познавательная информация, базирующаяся на ценности *досуг* (20 %). Радиоканалы поддерживают модные тенденции, предлагая просвещение в рамках тематики путешествий и туризма, которые относятся к досуговой деятельности и в конце XX – начале XXI в. становятся неотъемлемой частью жизни большей части населения земного шара. Поэтому они рассматриваются как досуговая форма самореализации личности, поскольку ориентированы на человека, оказывают влияние на стандарты коммуникативного взаимодействия, отношения между людьми и странами, на формирование единого социально-

экономического и культурно-познавательного пространства [8]. Непосредственно прикладной характер носят программы на Радио ВА, предлагая в формате лайхаков большой массив информации для путешественников, предпочитающих самостоятельный отдых. Эта передача о путешествиях и туризме в большей степени реализует просветительские и развлекательные функции, одновременно развлекая слушателя и снабжая его «инструкцией по применению».

Интересен факт востребованности у белорусских радиослушателей познавательных программ, актуализирующих ценности сегмента «О б щ е - с т в е н н ы й к а п и т а л». Наиболее популярными (транслируются 25 % радиоканалов) из них являются передачи, посвященные *истории* (событиям разных лет и эпох, военной истории, истории Беларуси и других стран). Каналы «Столица», «Белорусское радио» являются лидерами в трансляции социально значимых радиопродуктов, чем объясняется их интерес к программам исторического характера. Тем не менее историческое знание также востребовано на более популярных у белорусов радиостанциях, например, «Душевное радио». Спектр затрагиваемых исторических тем здесь достаточно разнообразен: история ВОВ, особенности советской эпохи, исторические события разных лет.

К блоку ценностных приоритетов «Общественный капитал» относятся культурно-познавательные программы сферы *искусства*, актуализирующие интеллектуально-творческие и эстетические ценности. Передачи посвящены истории и новинкам музыки, кино, театра, транслируются театральные, литературные постановки, радиосериалы, радиоспектакли, лирические зарисовки и радиокомпозиции. Их доля в информационном радиопространстве Беларуси – 5–10 %.

Относительно высокой (транслируют 15 % радиоканалов) значимостью для белорусского общества обладают программы, ориентированные на актуализацию весьма востребованной сегодня в обществе ценности *знание языка*, которая является составляющей формирования индивидуально-, социально-психологической и профессиональной компетенций, что обуславливает ее популярность среди радиослушателей 25–40 лет. Такие программы обучают белорусскую аудиторию правильному произношению, английскому языку.

В рейтинге предпочтений белорусов – ценностные ориентиры блока «Вопросы выживания», в частности, автомобильная тематика, включающая информацию о новинках в автомобильной индустрии, советы в покупке, эксплуатации и ремонте машин.

Таким образом, современный радиоконтент Беларуси, помимо информационного и развлекательного, стратегически нацелен на познавательное вещание, которое преимущественно культивирует повседневное (житейское) знание (в отличие от радиоконтента начала XXI века, ориентированного на художественное знание), ценностно-тематическое наполнение которого с каждым годом расширяется. Это позволяет увлечь и удержать слушателей, снять излишнее напряжение, связанное с «абсолютными ценностями» (добро, свобода, истина и т.д.), и направляет деятельность радиоаудитории в русло реально-практических целей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пилотное исследование аудитории FM-радиостанций [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://aro.by/2015/09/15/>. – Дата доступа : 25.08.2018.
2. *Ершов, Ю. М.* К определению понятия познавательного телевидения / Ю. М. Ершов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Журналистика. – 2008. – № 10. – С. 113 – 125.
3. *Ершов, Ю. М.* Аудитория будущего ТВ и перспективы познавательного вещания / Ю. М. Ершов // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. Филология. – № 2(06). – С. 101 – 108.
4. *Правдивец, В. В.* Информационное поле Республики Беларусь. Структура и подходы к изучению. Формирование и развитие / В. В. Правдивец, Д. Г. Ротман, В. В. Русакевич. – Минск : Зималетто, 2009. – 184 с.
5. *Горегляд, Е. Н.* Витебская ономастическая школа: истоки и перспективы / Е. Н. Горегляд // Смоленск и Смоленщина в именах и названиях: история и современность (к 1150-летию со дня основания города): сб. ст. – Смоленск : Маджента, 2012. – С. 22–27.
6. *Зубанова, Л. Б.* Современное медиапространство : подходы к исследованию и принципы интерпретации / Л. Б. Зубанова // Вестн. гос. акад. культуры и искусств. – 2008. – № 2(14). – С. 6 – 17.
7. *Акинфиев, С. Н.* Жанровая структура российского развлекательного телевидения : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / С. Н. Акинфиев ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2008. – 40 с.
8. *Мозговой, А. В.* Социальная сущность досуга / А. В. Мозговой // Наука и образование. Изв. Юж. отделения Рос. акад. образования и Ростов. гос. пед. ун-та. – 2003. – № 2. – С. 23–30.

The article aims to identify the key features of the contemporary radio media space in Belarus, its value and thematic content. According to the study, the contemporary radio media space in Belarus, in addition to its informational and entertainment functions, has a cognitive vector, which mainly cultivates everyday knowledge. A model is built to demonstrate how the radio contributes to the formation of certain values.

Поступила в редакцию 11.11.2019

В. П. Дзігадзюк

ГРАМАТЫЧНЫЯ СРОДКІ РЭПРЭЗЕНТАЦЫІ КАТЭГОРЫІ РЭТРАСПЕКЦЫІ Ў ТВОРАХ В. ПАТАВАЙ І Л. РУБЛЕЎСКОЙ

В статье исследуется вопрос определения грамматических средств реализации категории ретроспекции в белорусском художественном тексте. Представлены имплицитные (частные формы прошедшего времени; модальные глаголы в форме прошедшего времени + инфинитив; конструкция «инфинитив + прошедшее время»; частица *бывало*; сослагательное наклонение) и эксплицитные (причастие) маркеры перехода в ретроспективное временное пространство.

Анализ работ Е. В. Падучевой, З. Я. Тураевой, А. В. Бондарко и др., посвященных изучению категории ретроспекции в языкознании, позволил выработать направления исследования указанного явления на белорусскоязычном материале.

У апошні час цікавасць да праблемы катэгорыі часу ў лінгвістыцы ўзрастае ў сувязі з актуальнасцю даследаванняў, якія звязаны з камунікатыўным аспектам мовы. Павышаная ўвага даследчыкаў да мастацкага часу тлумачыцца зацікаўленасцю да прасторы і часу ў мастацкім наратыве, які характарызуецца перапляценнем часавых планаў, зрухам у часавым кантынууме. Таму пытанне вызначэння сродкаў рэалізацыі мастацкага часу, у тым ліку катэгорыі рэтраспекцыі, з'яўляецца прадметам многіх лінгвістычных даследаванняў і знаходзіць сваё адлюстраванне ў працах навукоўцаў. Даследчык А. В. Падучава вызначае адсутнасць асабовых граматычных форм у наратыўным рэжыме, які характарызуецца формамі часу і трываннем [1]. З. Я. Тураева адзначае ролю часавых форм у пабудове мастацкага часу, але не ў сваіх парадыгматычных і сінтагматычных адносінах, а ў інтэграцыйных. Парушэнне часавай паслядоўнасці, зрухі ў часе іншы раз прыводзяць да цяжкасці вызначэння храналогіі падзей, што звязана з адсутнасцю канкрэтных маркераў суадносін «раней чым» і «пазней чым» [2]. Іншай думкі прытрымліваецца К. В. Ліфанцьева і лічыць асноўным маркерам пераходу да мінулага на часавай плоскасці лексічныя, стылістычныя адзінкі, графічныя сродкі, кампазіцыю [3]. У сваіх даследаваннях А. В. Бандарка разглядае часавую арыентаванасць у суадносінах абсалютнага і адноснага часу, значэнне якіх звязана з рознымі цэнтрамі часовага дэйкіса [4].

Відавочна, пры вывучэнні мастацкага часу даследчыкі абавіраваліся на розныя метадалагічныя прынцыпы: граматычныя, сінтаксічныя і лексічныя. Былі прааналізаваны асноўныя аспекты катэгорыі рэтраспекцыі. Так, на матэрыяле французскай, англійскай, нямецкай моў вызначаны граматычныя сродкі рэпрэзентацыі дыскантынуума, што праяўляюцца ў часавых формах. Экспліцытнасць рэтраспекцыі вызначана прамымі лексічнымі сродкамі – акалічнасцямі часу, рэтраспектыўнай семантыкай, займеннікамі, у той час як імпліцытнасць звязана з ускоснымі маркерамі – паўторамі. Аднак сёння застаюцца грунтоўна не вывучанымі пытанні спосабаў і сродкаў выражэння аналізуемай адзінкі.

Актуальнасць артыкула абумоўлена неадназначнасцю трактоўкі катэгорыі рэтраспекцыі ў навуковай літаратуры. Неабходна выявіць імпліцытныя і экспліцытныя спосабы граматычнай маркіроўкі рэтраспекцыі ў творах В. Іпатавай і Л. Рублеўскай, усе магчымыя формы тэкставага прошлага часу – перфектнага, імперфектнага, аорэстычнага. Да таго ж, у беларускім мовазнаўстве адсутнічае даследаванне катэгорыі рэтраспекцыі ў мастацкім тэксце, што стварае неабходнасць правядзення аналізу рэпрэзентацыі названай катэгорыі на ўсіх узроўнях моўнай арганізацыі.

Мэта артыкула – выявіць і класіфікаваць граматычныя сродкі выражэння катэгорыі рэтраспекцыі ў творах В. Іпатавай і Л. Рублеўскай.

Кропкай адліку для вызначэння граматычных сродкаў выражэння катэгорыі рэтраспекцыі ў мастацкім часе з'яўляецца ўмоўны пункт пачатку

дзеянняў, фактаў, у адносінах да якога выяўляецца паслядоўнасць падзей [2, с. 47]. Паколькі мастацкі час характарызуецца мнагамернасцю і зменай формы апавядання, то пераход дыялагічнай мовы да ўскоснай, ад ускоснай да апавядання і наадварот прыводзіць да змены часавай прасторы і кропкі адліку. Гэта сведчыць аб наяўнасці разнастайнай ступені выражэння мастацкага часу часовымі формамі дзеяслова. Аднак іх значэнне адрозніваецца ад формаў дзеясловаў у сваіх парадыгматычных і сінтагматычных адносінах, якія рэалізуюць граматычную катэгорыю – адны і тыя ж формы часу могуць утвараць розныя часовыя адносіны.

Разам з тым у беларускай мове лакалізаванасць дзеяння ў часавай прасторы звязана не толькі з формай часу, але і з формай трывання – закончанага і незакончанага. Функцыянаванне гэтых катэгорый вызначае асобныя семантычныя значэнні часу.

Выбар аўтарам моўных сродкаў выражэння катэгорыі рэтраспекцыі залежыць ад часавай арыентацыі апавядання. Так, характэрнай рысай для плана апавядальніка ад трэцяй асобы з’яўляецца форма прошлага часу. Трэба адзначыць, што яго значэнне ў мастацкім тэксе адрозніваецца ад таго, якое прадстаўлена ва ўмовах рэальнай камунікацыі. Вядома, што прошлы час ужываецца ў дачыненні падзей, якія ўжо адбыліся і не звязаны з цяперашнім. Аднак у мастацкай прасторы прошлы час ужываецца ў якасці мастацкага цяперашняга, і чытачу здаецца, што дзеянні адбываюцца ў дадзены момант. Таму ў лінгвістыцы цяперашні наратыўны час суадносіцца з прошлым. Такім чынам, калі падзеі перадаюцца ад першай асобы, то моўнае выражэнне прадстаўлена формамі прошлага, цяперашняга і будучага часу, у той час як апавяданне ад трэцяй асобы фарміруецца формамі прошлага.

Прошлы час, як вызначае лінгвістычная энцыклапедыя, гэта «форма фінітнага дзеяслова, якая паказвае, што сітуацыя, пра якую ідзе размова ў сказе, папярэднічае моманту гутаркі ці іншаму моманту, і ў думках прыраўноўваецца да моманту гутаркі» [5]. Таму формы прошлага часу завершанага ці незавершанага трывання адрозніваюцца ад астатніх часовых форм, бо толькі яны здольны паказваць зрушэнне ў мінулае на часавай плоскасці ў адносінах да моманту гутаркі; выражаюць значэнне перфектнасці.

Адзначана, што катэгорыя рэтраспекцыі рэалізоўваецца як у плане мовы аўтара, так і ў плане мовы персанажаў. Форма апавядання адыгрывае важную ролю ў ступені выяўленасці дыскантынуума ў сюжэтным часе. Так, калі апавяданне вядзецца ў прошлым часе, то мы можам адзначыць імпліцытнасць граматычных сродкаў у адносінах да вызначэння рэтраспектыўнасці дзеянняў. У той час як момант гутаркі персанажаў адпавядае цяперашняму часу – усе падзеі, пра якія гаворыцца ў прошлым, адносяцца да рэтраспектыўнай прасторы.

У нашым даследаванні мы разглядаем сродкі ўвядзення ў рэтраспектыўны план, які суадносіцца са словазлучэннем, сказам або фрагментам тэксту. У першую чаргу рэалізацыя даследуемай катэгорыі можа быць абумоўлена граматычнымі фактарамі і выражацца імпліцытна. У якасці граматычных адзінак рэпрэзентацыі дыскантынуума выкарыстоўваюцца часовыя формы дзеяслова ў сваіх асобных значэннях.

Класіфікацыя агульных і асобных значэнняў форм часу, прапанаваная А. В. Бандарка [4], дазваляе нам выявіць тыя часавыя формы дзеяслова, якія ўказваюць на мінулае ў адносінах да базіснага часу. Вызначэнне маркераў рэтраспектыўнасці грунтуецца на інтэрпрэтацыі значэння форм прошлага часу ва ўзаемадзеянні трывання, кантэксту, лексічнага значэння дзеяслова.

Увядзенне ў рэтраспектыўны план можа быць выражана пр о ш л ы м н е з а к о н ч а н ы м п а ў т а р а л ь н а г а д з е я н н я з наяўнасцю розных акалічнасцей часу, якія ў сувязі паказваюць на мінуласць падзей да моманту гутаркі: *Не раз чуў Іаан, як маліліся за яе людзі* [6, с. 38]; – *Я мала што ведаю. Маці, праўда, часта расказвала пра сваю бабулю, якая развялася з мужам, князем Палецкім, і з'ехала ў Санкт-Пецярбург* [7, с. 24]. Дадзенае значэнне не заўсёды патрабуе наяўнасці акалічнасных маркераў, зрух у часе можа паказваць кантэкст, які ўплывае на часавую форму. Такі тандэм (узаемадзеянне) дазваляе чытачу ўявіць любое дзеянне як паўтаральнае, пастаяннае. – *Наракаеце на дурнога дылетанта – не ўмеў ацаніць багацці, якімі валодаў, і шанаваў кіч?* [7, с. 14].

Рэтраспектыўнасць падзей можа быць выражана асобай формай прошлага незакончанага – пр о ш л ы м п а с т а я н н а г а д з е я н н я. Сама семантыка дзеяслова абумоўлівае дадзенае значэнне: *Вядома, Артураў тата быў важны чыноўнік «за Саветамі», ездзіў на свеце... Сыночка-«бітніка», дарэчы, лічыў «страчаным», нават неяк прымукова засадзіў у прывілеяваную псіхушку* [7, с. 143].

Зрэдку ўжываецца пр о ш л ы н е з а к о н ч а н ы ч а с к а н к р э т - н а г а а д з і н к а в а г а з н а ч э н н я. Працэс дзеяння, што ў першую чаргу абумоўлены кантэкстам, можа быць выражаны самой формай дзеяслова: ... *Аўтар запісу націскаў на пяро ледзь-ледзь, а апошняя старонка ўвогуле не працываецца* [7, с. 95].

Маркерам рэтраспектыўнасці ў большасці выпадкаў з'яўляецца п р о ш - л ы з а к о н ч а н ы ч а с п е р ф е к т н а г а з н а ч э н н я. Такое адценне прадвызначае семантыка самога дзеяслова як у прастай мове гаворака, так і ў апавяданні ад імя аўтара: *Вас князь кліча! Сваты зноў прыехалі!* – яна аж захлыналася словамі [6, с. 12]; *Цэліць ён трапна – навучыўся і бяз бацькавага дазволу* [7, с. 145]. Намі адзначана, што ў мастацкім тэксце рэтраспектыўнасць можа быць рэпрэзентавана толькі акцыянальна-перфектным значэннем прошлага часу.

Дыскантынуум у тэкставай прасторы можа быць выражаны формай прошлага закончанага ў аорыстычным значэнні, пры гэтым неабходна наяўнасць у большасці выпадкаў указання на час здзяйснення дзеяння, г. зн. лексічных сродкаў: *Нашто тады Яна пайшла з Брачыславай!* [6, с. 28]. Наяўнасць прыслоўя *тады* ў рэтраспектыўнай тэкстаструктуры адносіць дзеянне да пэўнага моманту ў мінулым: да святкавання ночы на Купала, калі Прадыслава сустрэлася з Раманам, будучым каханым. Аднак варта адзначыць, што перфектнае значэнне лексічна залежна ў большасці выпадкаў і таксама, як і аорыстычнае, абумоўлена кантэкстам. Такім чынам можна сцвярджаць, што абедзве гэтыя формы мала чым адрозныя.

Як ужо было згадана раней, рэтраспектыўныя адзінкі могуць выступаць у форме фрагмента тэксту або з'яўляцца асноўным сюжэтам тэксту. Таму важную ролю ў выражэнні мінулага ў адносінах да моманту гутаркі адыгрывае першы сказ рэтраспектыўнай тэкстаструктуры. Звычайна зачынам дыскантынуума з'яўляецца прошлы закончаны час. Ва ўрыўку *Але ўсё роўна князь Георгі, бацька Прадыславы, перабраўся з дзядзінца, дзе жылі княжацкія сем'і, амаль на самы канец Полацка, на Вадзяную вуліцу, што вяла да Дзвіны. Ён пасва-рыўся з братам, вялікім князем Барысам, і назло яму зрубіў багатыя харомы пад самым земляным валам, які аперазаў прадмесце. Тут жыла гарадская бедната, рамеснікі, і сярод шэрых сляпых хацін нечаканым быў вялізны княжацкі дом – новы, з жоўтымі смалістымі сценамі, з разьбянымі церамамі ўверсе і празрыстымі – з заморскай сляды – вокнамі. Але Прадыслава была рада іхняму перасяленню: яна магла цяпер часцей выходзіць за горад, у адзіноце думаць пра тое, што хвалявала яе душу, – філасофскія развагі Платона і Арыстоцеля, свае ўласныя ўяўленні аб жыцці і смерці, аб сэнсе быцця* [6, с. 12] пачатак рэтраспектыўнай тэкстаструктуры выражаны прошлым закончаным перфектнага значэння, якое завяршаецца прошлым незакончаным пастаяннага дзеяння і тэмпаральным прыслоўем *цяпер*. У большасці выпадкаў такія лексічныя адзінкі, як *цяпер* і інш., з'яўляюцца маркерам пераходу да базіснага часу: – *Нічога, галоўнае – публікацыя з'явілася! Водгукаў колькі! І добра, што дамагліся прыпіскі: – «З асабістага архіва Магдаліны Дарбут-Сташынскай». Цяпер твае правы ніхто не аспрэчыць* [7, с. 137].

Часавая лакалізаванасць падзей у мінулым у адносінах да кропкі адліку ўнутры самой рэтраспектыўнай звышфразавай адзінкі можа быць выражана формай прошага часу аднаго віду трывання, але асабовыя значэнні прэдыкатаў могуць быць розныя, што залежыць ад кантэксту і мэты аўтара: – *Разумееш, дзед марыў, каб ягоныя экспанаты трапілі ў сталічны музей. А з раённым меў адносіны, мякка сказаць, складаныя. І ён сто разоў мяне прасіў – калі што, каб я сам паклапаціўся пра ягоныя зборы* [7, с. 7]. У дадзеным урыўку прэдыкаты выражаны прошлым часам незакончанага трывання, аднак першыя два вызначаюць пастаяннае дзеянне, а прэдыкат *прасіў* у сукупнасці з лексічнай адзінкай *сто разоў* паказваюць на паўтаральнасць дзеяння.

Паслядоўнасць размяшчэння формаў аднаго трывання можа быць парушана пераходам да другога трывання: – *Я разумею, што нядобра... Але я паклаў у той куфэрак пяцьдзясят рублёў – усё, што меў. Дый і злодзей з мяне аказаўся ніякі – дагналі, далі ў каршэнь... Добра, у міліцыю не пацягнулі. Але рукапіс я абараніў. І з дакладам пра Андрыеўскага мяне нават запрашалі на канферэнцыю ў Чэхію* [7, с. 97]. У дадзеным выпадку мы назіраем нейтралізацыю прошага закончанага незакончаным, аднак яна з'яўляецца тут факультатывнай: замена дзеяслова *запрашалі* (незак. тр.) у дадзеным кантэксце на *запрасілі* (зак. тр.) не парушае сэнс зместу.

Семантыка некаторых дзеясловаў або сам кантэкст не дазваляе ўжыванне закончанага трывання, таму нейтралізацыя відавога проціпастаўлення ў такіх выпадках абавязковая: – *Сына, майго дзеда, яна забрала з сабой,*

фактычна **выкрала**. **Скончыла** медыцынскія курсы. **Усё жыццё працавала** фельдчаркай. **Замуж** болей **не выйшла**. Князь другі раз **ажаніўся**, меў дзяцей. **Здаецца**, **нехта** з іх роду **жыве ў Польшчы**. **Паколькі** пасля разводу князь **пазбавіў і былую жонку**, і яе сына **правоў на спадчыну**, я ні на што тут прэтэндаваць не магу [7, с. 25].

Падзеі ў рэтраспектыўнай прасторы звышфразавых адзінак (ЗФА) могуць быць рэпрэзентаваны не толькі формай прошлага часу. Можна назірацца пераноснае ўжыванне часу іншымі граматычнымі формамі, аднак семантычна яны суадносяцца з кантэкстам у прошлым. Прысутнасць цяперашняга часу ў кантэксце прошлага тлумачыцца цеснай сувяззю гэтых фактаў з мастацкай цяперашняй рэчаіснасцю, з’яўляецца актуальным, рэальным і на момант гутаркі: – *Чаму ты не пайшоў шукаць тое, што зямля раскрывае перад чалавекам?* [6, с. 23].

У ходзе праведзенага даследавання намі выяўлены іншыя сродкі імпліцытнай рэпрэзентацыі рэтраспектыўных тэкстаструктур. Так, мадальныя дзеясловы ў форме прошлага часу + інфінітыў перадаюць магчымасць або немагчымасць здзяйснення падзей у мінулым: *Магдаліна ажно пачырванела ад сораму – як яна **магла забыцца** пра птушку?* [7, с. 73]; *Як я **хацела быць** у ім! Але калі зразумела, што не магу быць сярод лепшых мастакоў, перавялася з мастацкага на мастацтвазнаўчае аддзяленне. Не ведаю, можа, і ўчыніла глупства ...* [7, с. 4]. Мадальныя канструкцыі могуць як ініцыяваць рэтраспектыўныя ЗФА, так і рэалізоўваць зрух у часовае мінулае ў рамках аднаго сказа.

Часам дыскантынуум адбываецца на аснове канструкцый «інфінітыў + прошлы час». Прычым у такіх сказах назіраецца ўжыванне мадальных слоў, што надае большую рэтраспектыўную выразнасць тэкстаструктуры: – *Ды, **відаць**, перад дзеўкай **пахваліцца** **захацеў**, – насмешна вымавіў вусаты дзядзька з пістолем за поясам, і заўважыўшы засмучэнне Вінцэся, зарагатаў зноў* [7, с. 148].

Зрэдку паказчыкам рэтраспекцыі выступае часціца *бывала*, якая па сваім значэнні паказвае на нерэгулярныя дзеянні, што паўтараюцца ў мінулым – *другі раз, раней, здаралася так: Дзед Усяслаў, **бывала**, сам праз вогнішча ў **маладосці** скакаў, дый і ў **старасці** любіў глядзець, як іншыя, падабраўшы адзежыны, перамахвалі праз чырвоныя каснікі агню* [6, с. 20]. На прыкладзе дадзенай тэкстаструктуры мы назіраем узмацненне рэтраспектыўнай семантыкі часціцы акалічнасцямі ў *маладосці, у старасці*, якія таксама суадносяцца з дзеяннямі ў мінулым.

Рэалізацыя катэгорыі рэтраспектыўнасці можа выражацца ў *моўным лада*. Спалучэнне часціцы *бы* і формы прошлага часу здольнае парушыць кантынуум апавядання і аднесці да нейкага моманту ў мінулым: *Дзед нізавошта **не стаў бы** захоўваць у сябе падазроныя паперы. Калі не мог **выкарыстаць** – на лецішча і ў печку* [7, с. 110].

Змена часавай паслядоўнасці падзей можа быць рэпрэзентавана экпліцытна з удзелам *дзе прыметнікаў* прошлага часу ў функцыі прэдыката.

Па сваім значэнні гэтая асобая форма суадносіцца з перфектнасцю, больш аддаленым часавым планам у дачыненні да кропкі адліку, ўжываецца толькі ў залежным стане і вытворна ў большасці выпадкаў ад асновы закончанага трывання: – *Ты сама хоць чула пра літоўскі статут, канстытуцыю Вялікага Княства Літоўскага? Ведаеш, што яна **напісаная** на старабеларускай мове? ...* [7, с. 74]; *Дзе яна, гэтая моц? **Страчана** ў нізкім будане з яловых лапак?* [6, с. 28]. Разглядаемыя маркеры рэтраспекцыі суадносяцца з акцыянальна-перфектным значэннем. Адсутнасць акалічнасных паказчыкаў часу не перашкаджае аднесенасці дзеянняў да моманту іх станаўлення ў прошлым, дзе важную ролю ў такіх выпадках адыгрывае семантыка дзеепрыметніка і кантэкст.

Назіраюцца выпадкі, калі дзеепрыметнік ужываецца з дапаможным дзеясловам *быў*. Даследчык А. А. Шахматаў не адносіць такую форму да перфектнасці, а размяжоўвае дзеяслоў *быць* і дзеепрыметнік, разглядае іх як форму прошлага часу залежнага стану. Падобная кваліфікацыя грунтуецца на неперфектным характары дзеяння, аорэстычным: – *Дуренькая! – азваўся Марк. – Стары **быў рэпрэсіраваны**, калі якія сваякі і ёсць – даўно ад яго адракліся* [7, с. 75]. Аднак назіраюцца выпадкі, калі значэнне дзеепрыметніка з дапаможным дзеясловам можа актуалізавацца ў прошлым і мець пэўныя адносіны да кропкі адліку, што суадносіцца з перфектнасцю: *Але позна – цяпер я была ўпэўненая, што парадак у гэтым скляпенні **быў невыпадковы і дрэва было адрэстаўраванае** менавіта ім* [7, с. 15].

Такім чынам, для вызначэння граматычных сродкаў выражэння катэгорыі рэтраспекцыі служыць умоўная кропка пачатку дзеянняў, фактаў, у адносінах да якой вызначаецца паслядоўнасць падзей. Характэрная многамернасць і змена формы апавядання прыводзіць да змены часавай прасторы і кропкі адліку, што сведчыць аб наяўнасці разнастайнай ступені выражэння мастацкага часу часавымі формамі дзеяслова ў інтэграцыйных адносінах.

Намі адзначана, што выбар аўтарам выкарыстання моўных сродкаў выражэння катэгорыі рэтраспекцыі залежыць ад часавай арыентацыі і формы апавядання. Так, імпліцытнасць даследуемай катэгорыі вызначаецца асобымі формамі прошлага часу – прошлым незакончаным паўтаральнага дзеяння, прошлым пастаяннага дзеяння, прошлым незакончаным канкрэтнага адзінкавага значэння, прошлым закончаным перфектнага значэння, прошлым закончаным у аорэстычным значэнні; мадальнымі дзеясловамі ў форме прошлага часу + інфінітыў; канструкцыяй «інфінітыў + прошлы час»; часціцай *бывала*; умоўным ладам. Варта адзначыць, што інтэрпрэтацыя значэння форм прошлага часу грунтуецца на ўзаемадзеянні трывання, кантэксту, лексічнага значэння дзеяслова. Аднак перфектнае значэнне дзеепрыметніка суадносіцца з экспліцытнай актуалізацыяй рэтраспектыўнай адзінкі. Выяўлена, што адсутнасць акалічнасных паказчыкаў часу не перашкаджае аднесенасці дзеянняў да моманту іх станаўлення ў прошлым, дзе важную ролю ў такіх выпадках адыгрывае семантыка дзеепрыметніка і кантэкст.

ЛІТАРАТУРА

1. *Падучева, Е. В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива / Е. В. Падучева. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Языки слав. культуры, 2010. – 480 с.
2. *Тураева, З. Я.* Категория времени: Время грамматическое и время художественное (на материале английского языка) : учеб. пособие / З. Я. Тураева. – Изд. стереотип. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. – 216 с.
3. *Лифантьева, Е. В.* Реализация текстовой категории ретроспекции в англоязычном художественном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. В. Лифантьева ; Моск. гос. ин-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2009. – 17 с.
4. *Бондарко, А. В.* Теория функциональной грамматики (темпоральность / модальность) : пособие для студентов / А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1990. – 264 с.
5. *Ярцева, В. Н.* Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – Режим доступа: <http://tapermark.narod.ru/les/>. – Дата доступа: 04.11.2019
6. *Іпатава, В.* Прадыслава: аповесці і аповяданні : для сярэд. і шк. узросту / В. Іпатава. – Мінск. : Беларусь, 1997. – 272 с.
7. *Рублеўская, Л.* Сэрца мармуровага анёла : аповесці, раман / Л. Рублеўская. – Мінск. : Маст. літ., 2012. – 350 с.

The article investigates the issue of determining the ways of grammatical marking of retrospection in Belarusian literary texts. Implicit and explicit markers of discontinuum are identified and classified, types of retrospection are marked according to the ways of its representation in the text. The forms of the past tense in their general and particular meanings, which can break the continuum of the narrative, are determined; the form of expression within the retrospective unit is also studied.

Поступила в редакцию 26.11.2019

Н. И. Курганова

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ БЕЛОРУСОВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОНЦЕПТА «УСПЕХ»

В статье рассматривается проблема изучения языкового сознания как нового объекта лингвистики. Уточняется его сущность и природа и на этой основе предлагается динамическая модель его функционирования в виде смыслового поля, объединяющего значения и смыслы, процессы и результаты когнитивно-дискурсивной деятельности индивида и социума. Определяется статус концептов как структурных единиц языкового сознания и выделяются уровни и параметры их функционирования в виде стереотипного ядра, когнитивной и смысловой структуры. На материале ассоциативных экспериментов, проведенных в Республике Беларусь, проводится моделирование содержания и структуры концепта «успех» через призму языкового сознания студентов-белорусов, выделяются его ведущие стратегии интерпретации и идентификации.

Проблема *языкового сознания* уже более двух десятилетий находится в фокусе внимания ряда наук: когнитивной лингвистики, психолингвистики, лингвоконцептологии и этнопсихолингвистики. В России сложилось несколько крупных центров по изучению языкового сознания, которые работают под эгидой сектора психолингвистики Института языкознания РАН: МГУ, МГЛУ, ТвГУ (Тверь), ВГУ (Воронеж), НГУ (Новосибирск), СГУ (Саратов) и др. Теме функционирования языкового сознания посвящены международные симпозиумы и конференции, по этой проблематике издаются научные сборники и монографии. За прошедшие годы выполнено немало исследований на уровне кандидатских и докторских диссертаций по изучению этнокультурной специфики языкового сознания у носителей разных языков и культур: россиян и англичан (Н. В. Уфимцева), россиян и бурят (Б. В. Дашиева, Т. А. Голикова и др.), россиян и немцев (И. А. Стернин, Р. М. Скорникова). Все это способствовало тому, что с конца 80-х годов понятие языкового сознания прошло определенную эволюцию в российской лингвистике [1, с. 42–43]. Но вместе с тем и сегодня исследователи расходятся в трактовке этого понятия. Некоторые ученые говорят о языковом сознании как об одном из аспектов сознания, который увязан с иерархией значений и операций в языке [2]. Другие полагают, что языковое сознание выступает обязательным условием существования и развития всех других форм сознания, поскольку человек не может существовать вне языка.

Чаще всего языковое сознание определяется в лингвистике как «отображение в психике индивида предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами...» [3, с. 205], хотя в научной литературе широко известны и цитируются и другие толкования данного понятия. Например, языковое сознание как совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых с помощью языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов, ассоциативных полей и ассоциативных тезаурусов как совокупности этих полей [4, с. 26]. Или языковое сознание как «совокупность ментальных механизмов порождения, понимания речи и хранения языка в сознании» [1, с. 45].

Новый этап в изучении языкового сознания начинается в связи с отказом от системно-структурного понимания языка, с утверждением в науке «когнитивной парадигмы», с выделением разных форм и уровней функционирования языка. Признание единства и взаимосвязи когнитивной и коммуникативной деятельности позволяет определять языковое сознание в терминах производства речи, речепорождения, смыслопорождения. Именно об этом писал в свое время М. М. Бахтин, который считал, что языковое сознание говорящего и слушающего «в живой речевой работе имеет дело вовсе не с абстрактной системой нормативно тождественных форм языка, а с языком-речью» [5, с. 63], в силу чего более логично называть его *речевым сознанием*.

С этим утверждением трудно не согласиться. Отличительной характеристикой языкового сознания является то, что оно формируется в повседневной жизнедеятельности, в многочисленных процессах познания и общения индивидов. Особую роль в его становлении играют процессы первичной

социализации и инкультурации индивида, ответственные за освоение языка и культуры. Главным механизмом присвоения культурных значений и смыслов выступает речевое общение со значимыми другими, благодаря чему параллельно с освоением языка усваиваются ценностные установки, модели и схемы обработки информации, которые детерминируют в будущем процесс получения знаний.

Языковое сознание формируется в многочисленных процессах понимания и порождения речи и представляет собой континуальный процесс порождения смыслов, который условно можно представить как «перевод» общественно выработанных значений в личностные смыслы и личностных смыслов в значения. Все это позволяет сделать вывод о *смысловом* характере языкового сознания, которое имеет двойственную природу: подчиняется закономерностям психической жизни человека и «впитывает» в себя социокультурный опыт общения и познания, что обеспечивает его динамику.

Признание диалогической (интерсубъективной) природы языкового сознания дает снование для трактовки этого понятия в терминах смыслового поля, объединяющего значения и смыслы, процессы и результаты когнитивно-дискурсивной деятельности индивида и социума [6, с. 242; 7].

Специфика подобного поля раскрывается в полном объеме через призму структурных и операциональных параметров. Структурные параметры позволяют описать содержание и структуру фрагментов знания, т.е. представляют результаты познания в виде совокупности определенных концептов (значений), вырабатываемых в социуме; операциональные раскрывают специфику когнитивных процессов.

Принимая во внимание тесную взаимосвязь когнитивной и коммуникативной деятельности, а также учитывая многоуровневый и многоэтапный процесс порождения смыслов, функционирование отдельных фрагментов языкового сознания можно описать на следующих уровнях через выделение различных функциональных опор:

когнитивный уровень – *когнитивная структура*;

семантический уровень – *смысловая структура*;

речевой/дискурсивный уровень – *стереотипное ядро представлений*.

Следовательно, степень «овнешненности» сознания внешними знаками варьирует в зависимости от уровня и этапа продуцирования смыслов.

Как известно, на современном этапе главной единицей репрезентации знания и опыта (как индивидуального, так и общественного) выступает концепт. Несмотря на всё многообразие трактовок и подходов к его определению, сегодня в лингвистике сложилось понимание того, что концепт представляет собой совокупность смыслов, оценок, ценностных суждений, вырабатываемых индивидами или социумом в ходе когнитивно-дискурсивной деятельности. Он является результатом категоризации и концептуализации мира и выступает как определенным образом структурированное, иерархически упорядоченное образование, в котором можно выделить ядро и периферию, поскольку знания ранжированы в соответствии с их общественной значимостью в сознании индивида и общества.

Одним из наиболее надежных методов, открывающих путь к структурам знания и сознания, служит ассоциативный эксперимент (АЭ), который, по словам А. А. Залевской, обеспечивает доступ к информационной базе человека и высвечивает тот фрагмент знаний, который лежит за словом [8, с. 425]. Именно поэтому главным методом нашего исследования был избран продолженный АЭ; его суть заключается в том, что испытуемые реагируют на слово-стимул не одним ассоциатом, а пятью. На наш взгляд, этот тип АЭ актуализирует образ мира испытуемых, что дает возможность наблюдать процессы смыслообразования, протекающие в соответствии с правилами и нормами культуры [9].

Цель нашего пилотного проекта – выявить специфику функционирования концепта «успех» через призму языкового сознания белорусских студентов. В качестве конкретных задач исследования мы постулировали изучение структурных параметров данного концепта посредством выделения его стереотипного ядра, моделирования когнитивной и смысловой структур.

Обращение к концепту «успех» обусловлено тем фактом, что он является ключевым понятием инновационной культуры, а его содержание во многом определяет тенденции и результаты социальной, экономической и политической динамики общества. Материалом исследования послужили АЭ, проведенные онлайн в письменной форме среди 90 студентов БГЭУ в возрасте от 17 до 22 лет в 2019 году, благодаря чему на слово-стимул *успех* было получено 332 ассоциативные реакции.

На первом этапе исследования на основе ответов испытуемых было сформировано ассоциативное поле, ранжированное в зависимости от количества ассоциатов, что послужило основанием для выделения стереотипного ядра в составе 10 наиболее частотных реакций. В состав ядра вошло 132 ассоциата, в том числе счастье (21), работа (21), деньги (20), радость (15), удовлетворение (13), цель (10), достижение (8), карьера (8), семья (8), самореализация (8). Анализ содержания ядра показал, что оно формируется преимущественно за счет эмоционально-аффективной и функциональной стратегий обработки информации. Отмечается также, что успех непосредственно связан с работой и целеустремленностью личности и, таким образом, устойчиво ассоциируется у студентов-белорусов с состояниями счастья, радости, удовлетворения, деньгами и работой. Стереотипное ядро, скорее всего, является отражением когнитивно-дискурсивных практик в лингвокультурном сообществе и дает представление о поверхностном слое концепта, в котором репрезентированы доминантные и наиболее яркие признаки, определяющие его этнокультурную специфику.

На втором этапе исследования была проведена классификация всех компонентов ассоциативного поля «Успех» с точки зрения смысловой связи «слово–стимул–ассоциат». Это позволило выделить набор когнитивных слоев, отражающих основные направления осмысления концепта «успех» в языковом сознании студентов.

1. УСПЕХ ДАЁТ ЧТО (126 ассоциатов): счастье (21), деньги (20), радость (15), удовлетворение (13), признание (7), любовь (6), достаток (5), слава (5), власть (4), возможность (4), уважение (4), гордость (3), результат (3), награда (2), свобода (2), спокойствие (2), дом (2), иметь все, что хотел бы; путешествия, известность, непрерывное развитие, рост, статус, триумф, улучшение.

2. ДЛЯ УСПЕХА НЕОБХОДИМО ЧТО (112 ассоциатов): работа (12), цель (10), труд (9), стремление (6), уверенность (6), желание (5), мотивация (5), удача (5), упорство (5), вера (4), время (4), старание (3), амбиции (2), действия (2) интерес (2), организованность (2), талант (2), трудолюбие (2), целеустремленность (2), успевать; вдохновение, выработанная сила воли, заниматься любимым делом, заслуженный успех; знания, заслуга, интуиция, любящая и понимающая семья, одержимость, отдых, побуждение, поддержка, самоотверженность, силы, скрытность, справедливость, стойкость, ум, умение, усилия, усердие, энергия.

3. УСПЕХ ЭТО ЕСТЬ ЧТО (50 ассоциатов): карьера (8), достижение (8), достижение поставленной цели (2), семья (8), победа (6), родиться в Минске (4), здоровье (3), награда (2), путь, жизнь, смысл, событие, творчество, досягаемость, поиск себя в жизни; прогресс, рекорд.

4. УСПЕХ – ОБРАЗ (18 ассоциатов): улыбка (3), голубой цвет, желтый цвет, здания, природа, праздник, свет, музыка, смех, свежесть, солнце, текст, яркость; гармония, позитив, рациональность.

5. УСПЕХ – ОЦЕНКА/ОТНОШЕНИЕ (10 ассоциатов): трудности (2), борьба, долго, препятствия, сложно, стресс, тяжело, жертвы, достиг.

6. УСПЕХ ЕСТЬ КАКОЙ (6 ассоциатов): долгожданный успех, заслуженный успех, неизмеримый, ошеломительный; успех мероприятия, успех в личной жизни.

7–8. УСПЕХ ДОСТИГАЕТСЯ КЕМ (5 ассоциатов): друзья (2), мать, личность, человек.

7–8. УСПЕХ ДОСТИГАЕТСЯ КОГДА/ ГДЕ (5 ассоциатов): будущее (3), где родился, там и пригодился; Родина.

Как видим, главным направлением осмысления концепта «успех» у белорусских студентов является «результативный» подход: что дает человеку успех. Именно данный параметр и будет определять его сверхъядро, а также ведущие стратегии интерпретации. Ранжирование когнитивных слоев в соответствии с количественными данными позволило смоделировать когнитивную структуру концепта «успех», в которой четко различается *ядро и периферия*.

Ядро концепта формируют три первых слоя: «Показатели успеха» (38 %), «Условия, необходимые для достижения успеха» (33,5 %) и «Дефиниции успеха» (15,5 %), которые вместе составляют 87 %. Периферия концепта представлена такими слоями, как «Образы успеха» (5,2 %), «Оценка, отношение к успеху» (3,0 %), «Свойства, качества успеха» (1,8 %), «Субъекты успеха» (1,5 %), «Время и место достижения успеха» (1,5 %), что вместе составляет 13 %.

На заключительном этапе на основе учета семантики ассоциатов проводилось моделирование смысловой структуры концепта «успех», что позволило выделить набор ведущих концептуальных признаков, а также определить его смысловые доминанты.

Проведенное исследование структурных параметров концепта «успех» на материалах АЭ показало, что он интерпретируется белорусскими студентами в первую очередь через призму *эмоционально-аффективного восприятия*. При этом успех – исключительно позитивно маркированный концепт, который прочно ассоциируется у белорусских студентов со счастьем, радостью, удовлетворением, любовью, спокойствием, восторгом. Важным показателем успеха считается материальный достаток, возможность иметь все, что хотел бы человек (дом, путешествия), но при этом главным мерилom успеха выступают деньги. Успех обеспечивает также социальное признание в виде славы, власти, уважения, а также свидетельствует о самодостаточности человека, его самореализации и развитии.

Вторым важным направлением в интерпретации концепта «успех» выступает анализ *причинно-следственной связи*: «успех – необходимые условия для его достижения». По мнению студентов-белорусов, во-первых, путь к успеху лежит через напряженную работу и труд, а также затраченное время. Во-вторых, чтобы добиться успеха, необходимо наличие сильной мотивации, цели или стимула. В-третьих, надо обладать определенными личностными качествами: упорством, амбициями, организованностью, трудолюбием, целеустремленностью. И еще ко всему этому нужно иметь немного удачи.

Третье направление в идентификации концепта студентами – это попытка дать дефиницию этому понятию, т.е. определить для себя, что такое успех. Он понимается чаще всего как карьерный рост, как сумма побед, наград и достижений. Часто успех трактуется как набор базовых ценностей: семья, здоровье, родиться в Минске. В качестве единичных интерпретаций встречается философский подход: успех определяется как путь, жизнь или смысл.

На периферии языкового сознания концепт «успех» ассоциируется с набором определенных образов: атмосфера праздника, звучит музыка, светит солнце, на лицах улыбки и смех. Небольшим количеством испытуемых отмечаются отдельные трудности в достижении успеха (трудности, борьба, долго, препятствия, сложно, стресс, тяжело). На уровне единичных реакций признается, что успеха лучше добиваться у себя дома, но успех – это дело будущего.

Языковое сознание характеризуется смысловой природой и реализуется в виде континуальных процессов смыслопорождения. Модель смыслового поля позволяет описать сознание через призму структурных и операциональных параметров. Структурные параметры представляют результаты познания в виде отдельных фрагментов знаний – совокупности концептов, специфика которых может быть исследована на разных уровнях осознаваемости.

На дискурсивном/речевом уровне структурные параметры фрагментов знаний могут быть описаны через призму стереотипного ядра, в котором репрезентированы доминантные и наиболее яркие признаки концепта, обуславливающие его этнокультурную специфику.

На когнитивном уровне специфика концепта раскрывается посредством моделирования его когнитивной структуры, представляющей собой набор когнитивных слоев, ранжированных в соответствии с их общественной значимостью и отражающих основные направления в осмыслении определенных фрагментов действительности в индивидуальном или общественном сознании. Когнитивная структура – это своего рода архитектура коллективно вырабатываемого знания на том или ином этапе развития социума.

На семантическом уровне структурные параметры концепта раскрываются на основе учета семантики слова посредством моделирования смысловой структуры, которая представляет собой набор существенных и несущественных признаков, ранжированных в соответствии с их общественной значимостью, что позволяет уточнить содержательные характеристики, а также степень глубины и «дифференцированности» тех или иных концептов в определенной культуре.

Проведенное исследование подтвердило, что материалы ассоциативных экспериментов обеспечивают доступ к функционированию языкового сознания, а продолженный АЭ служит надежным способом объективации содержания ментальных репрезентаций и позволяет моделировать различные уровни функционирования языкового сознания.

Пилотное исследование концепта «успех» через призму АЭ, проведенных среди студентов БГЭУ, показало, что он является положительно маркированным и переживается студентами как позитивное личностное эмоционально-аффективное образование. Главными показателями успеха для студентов-белорусов выступают ощущения счастья и радости, а также такие объективные параметры, как деньги и материальные блага.

Успех идентифицируется студентами-белорусами как объемное, многовекторное образование: это не только достижения и победы, но и карьера, работа, учеба, творчество, а также семья и здоровье человека. У белорусских студентов есть осознание того, что успех – это результат большого труда, мотивации и личных качеств индивида. При этом в структуре концепта, смоделированного по результатам АЭ, совершенно не представлена общественная составляющая успеха: успех – это исключительно заслуга индивида, результат его личной мотивации и труда. Подобная стратегия не совсем согласуется с коллективистским характером нашей культуры, а также с тем, что сегодня почти невозможно добиться успеха в одиночку, без коллективного взаимодействия и командной работы. Все это требует расширения экспериментальной базы, проведения сравнительно-сопоставительных исследований данного концепта через призму языкового сознания у носителей разных языков и культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Попова, З. Д.* Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
2. *Портнов, А. Н.* Язык и сознание. Основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX–XX вв. / А. Н. Портнов. – Иваново: Иванов. гос. ун-т, 1994. – 370 с.
3. *Уфимцева, Н. В.* Археология языкового сознания / Н. В. Уфимцева // Язык. Сознание. Культура: сб. ст. / под ред. Н. В. Уфимцевой, Т. Н. Ушаковой. – М.; Калуга: ИП Кошелев А. Б. (Изд-во «Эйдос»), 2005. – С. 205–216.
4. *Тарасов, Е. Ф.* Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания / Е. Ф. Тарасов // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М. : Ин-т языкознания РАН, 2000. – С. 7–22.
5. *Бахтин, М. М.* (Волошинов В. Н.) Антропологическая лингвистика / М. М. Бахтин // Избр. тр. – М. : Лабиринт, 2010. – 255 с. – (Сер. «Психолингвистика»).
6. *Курганова, Н. И.* Роль и место смыслового поля при моделировании значения слова / Н. И. Курганова. – Мурманск, МГГУ, 2012. – 296 с.
7. *Курганова, Н. И.* Смысловое поле как способ функционирования значения / Н. И. Курганова // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. «Филология». – 2014. – № 5. – Вып. 2: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – С. 287–295.
8. *Залевская, А. А.* Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избр. тр. / А. А. Залевская – М. : Гнозис, 2005. – 543 с.
9. *Курганова, Н. И.* Ассоциативный эксперимент как метод исследования значения живого слова / Н. И. Курганова // Journal of psycholinguistics. – 2019. – № 3 (41). – P. 24–38.

The article is devoted to the study of the structural parameters of the linguistic consciousness of Belarusians through the prism of the concept “Success”. To this end, association experiments carried out in Belarus, highlighted the associative core, modeled the cognitive and semantic structure of the concept, and on his basis, distinguished the leading strategies of interpretation and identification of this concept.

Поступила в редакцию 19.11.2019

Т. Я. Старасценка

ІМПЛІЦЫТНАЯ ДЫЯЛАГІЗАЦЫЯ БЕЛАРУСКАГА АЎКТАРЫЯЛЬНАГА НАРАТЫВУ

В статье рассматривается аспект внутренней диалогизации белорусского аукториального нарратива начала XX столетия, основанной на косвенной и несобственно-прямой речи коммуникативной модели «нарратор – персонаж». Отмечается особенность этой модели, отличающейся от традиционного диалога, эксплицированного репликами. Ее импликационный характер позволяет осознать диалогичный характер монологической формы, представить взаимосвязь нескольких субъектных перспектив, ощутить контаминацию разных точек зрения. Анализ языковой репрезентации модели выявляет черты сходства и различия идиостилей писателей.

Унутраная дыялагізацыя як аблігатарная прымета мастацкага дыскурсу, асабліва калі мець на ўвазе маналагічную форму маўлення з экзегетычным апавядальнікам (або аўктарыяльны тып аповеду, звязаны з нараталагічнай структурай), стварае парадаксальную магчымасць для камунікацыі паміж недыегетычным наратарам і персанажам. Узнікае імпліцытная дыялагізацыя, дзе рэальная дыялагічная канструкцыя адыгрывае мінімальную ролю, а дамінантную пазіцыю займаюць камунікатыўныя мадэлі (КМ) «наратар – персанаж», «персанаж – персанаж», «аўтар – персанаж», «аўтар – наратар». Яны садзейнічаюць дынаміцы разгортвання кампазіцыйнай будовы мастацкага дыскурсу і маюць адметную эксплікацыю. Мэта гэтага артыкула – даследаваць КМ «наратар – персанаж» на ўзроўні ўскоснага і няўласна-простага маўлення (УМ, НПМ). Фактычным матэрыялам паслужылі пражэктныя мастацкія творы класікаў беларускай літаратуры пачатку ХХ стагоддзя Кузьмы Чорнага, М. Гарэцкага і М. Зарэцкага.

Выразнай інтэрферэнцыі маўленчых пластоў «наратар – персанаж» садзейнічаюць не столькі «складаныя па суадносінах семы асобы» [1, с. 111] у плане зместу і выражэння сегменты НПМ (у ім «голас» героя ўспрымаецца даволі адасоблена ад аўтарскага маўлення), колькі канструкцыі з УМ, унутраная камунікатыўнасць якіх адзначаецца ў філалагічных даследаваннях [2; 3, с. 117–130; 4; 5, с. 209–211]. У пражэктных дыскурсах Кузьмы Чорнага, М. Гарэцкага, М. Зарэцкага распаўсюджана наратарыяльнае УМ з адпаведнай аўтарскай апрацоўкай (тэматычна-выніковы выклад і стылістычная асіміляцыя), якое ўяўляе інтэрыярызаваную граматыкай фундаментальную моўную катэгорыю «іншага». Аўктарыяльны аповед пачатку ХХ стагоддзя вызначаецца аўтарскай інтраспекцыяй усеабдымнага наратара: ён пранікае ва ўнутраныя перажыванні персанажа, яго ментальны свет. Гэта эксплікуюць сказы з УМ, у структуры якіх даданая частка вербалізуе духоўны свет героя, а галоўная ўключае наратарскае маўленне і мае наступныя разнавіднасці.

1. Агентыўныя канструкцыі з актыўным суб'ектам-агенсам: *Ён як бы лічыў, што рыжага застаўляе гаварыць так нейкі закон, у якім ён няволен* (Кузьма Чорны. «Ноч пры дарозе»); *Сам Архіп пачуў, як закалацілася ў яго сэрца і прыліпі на лбе валасы* (М. Гарэцкі. «Роднае карэнне»); *І ўспомніў тады Булановіч, што заўсёды бывае так, што чыгунка тож мае сабе адпачынак* (М. Зарэцкі. «Кветка пажоўкляя»).

2. Дэагентыўныя канструкцыі з сінтаксічным канцэптам 'пацыенс перажывае стан', у якіх суб'ект ментальнасці (персанаж), рэпрэзентаваны давальным склонам, з'яўляецца пацыенсам з лакалізацыяй думак у яго свядомасці. Сема пасіўнасці безасабовай, або пацыентыўнай, прэдыкатыўнай часткі садзейнічае актывізацыі семы недакладнага ўспрымання свету ў дзеясловах сінанімічнай парадыгмы з дамінантай *здавацца*. Інтраспекцыя персанажа-пацыенса, актуалізаваная ў даданай частцы, уключае: а) меркаванні пра іншага чалавека або некалькіх асоб (Кузьма Чорны, М. Зарэцкі): *І яму раптам уявілася, што гэты чалавек ідзе некуды па нейкую асалоду* (Кузьма Чорны. «Парфір Кіяцкі»); *І здавалася яму, што «тыя» не сядзяць у гэты час «злажыўшы рукі», а рыхтуюцца, пільна рыхтуюцца* (М. Зарэцкі. «У віры

жыцця»); б) меркаванні пра адзінкавыя і множныя аб'екты свету: *І здавалася яму, што і пушча з сваім спрадвечным супакоем адхінулася ад яго, папсава-нага, як ад якой заразы, і ніколі ўжо не дасць яму свае ціхае, супакойнае лесавое радасці* (М. Гарэцкі. «Меланхолія»); *Пакой напаўняўся новымі людзьмі, а Данілу здавалася, што ён пусцее* (М. Зарэцкі. «Бель»); *І здавалася яму тады, што людскія галасы, якія ён чуе на двары і па-за сценамі сваёй кватэры, шчыра вясёласць рабочых, радасны твар Алёшы, нават крык вераб'ёў каля пыльнага зеля пры сценах на двары – усё гэта ад яго далёка* (Кузьма Чорны. «Бяздонне»); в) меркаванні пра самога сябе: *Ёй здавалася, што яна бяжыць вельмі доўга* (Кузьма Чорны. «Маленькая жанчына»); *Ён сашчыпнуў колькі малінін, пачуў у роце свежасць і салодкасць, і яму раптам зусім праўдзіва здалася, што гэта ён у сваім родным Цёмным Лесе, прыйшоў у маліну і радасна, без усякага клопату, здарова і вясёла, як у маленстве, ходзіць між дрэў, у халадку* (М. Гарэцкі. «Меланхолія»); *Часамі Уладзіку нават здавалася, што яму весела, і ён спрабаваў сам сабе ўсміхнуцца* (М. Зарэцкі. «Навела пра каханне»). Прыведзеныя прыклады канструкцый з УМ, дзе прасочваецца інтэрферэнцыя «наратар – персанаж», маюць мадальнасць няпэўнасці, што сведчыць пра ўнутраны пошук героя.

3. Рэпрэзентацыі такога пошуку на ўзроўні сказаў з УМ садзейнічаюць таксама экзістэнцыяльныя сінтаксічныя адзінкі з увядзеннем ментальнага акта героя. Іх мадэль складаецца з лакалізатара-дэтэрмінанта месца (унутраны стан асобы), быццёвага дзеяслова (*быць, існаваць* і інш.) або дзеяслова ўспрымання з семай экзістэнцыяльнасці (*адчувацца, заўважацца* і інш.) і наймення прадмета быцця (гэта абстрактныя паняцці *думка, мара, уражанне* і інш.). Лакалізатар эксплікуецца склонавай формай «у + родны склон» са значэннем прыналежнасці, якую Н. Д. Аруцюнава называе «формулай мікрасвету або “ў-лакалізатарам”» [6, с. 142]. Экзістэнцыяльныя сказы такога тыпу інтрадуктыўныя, а працяг, які ўводзіць у наратарскі апавед думкі персанажа, заключаецца ў даданых частках. Гэтыя канструкцыі характэрны, у першую чаргу, для дыскурсу Кузьмы Чорнага – майстра псіхалагічнай прозы. Прыклад канструкцый з УМ, у якіх ментальны акт «іншага» ўводзіцца з дапамогай быццёвых сказаў, дзе сему экзістэнцыяльнасці эксплікуюць дзеясловы як з прамым, так і з пераносным (метафарызаваным) значэннем. З прамым значэннем: *...і была ў яе нейкая як бы злосць, што яна адна і няма каму тут глядзець на яе* («Пачуцці»); *Дзесьці ў глыбіні душы была толькі, як яснасць сонца на той бок хмар увосень, надзея, што пакрысе, як павелічэнне дня к вясне, выкіраецца ўсё на дабрыню і шчасце* («Заўтрашні дзень»). Апошні прыклад сведчыць пра звужэнне ў-лакалізатара, або ўнутранага мікрасвету асобы – магчымасць такой з'явы адзначае Н. Д. Аруцюнава [7, с. 247]. Імплікаваная форма з родным склонам у яго выводзіцца на аснове звужанага лакалізатара меснага склону ў *глыбіні душы*. Метафарызаваныя дзеясловы абазначаюць а) узнікненне: *...і ў яе з'яўлялася хваляванне, што вось яна прымушае цэлую ноч гаварыць людзей, адных быць вясёлымі, другіх сумнымі* («Па дарозе»); б) экспрэсію праяўлення: *Тады **цвілі** ў Ганны надзеі на нешта светлае і слаўнае, што павінна было прыйсці* («Радасць жанчыны»).

4. Канструкцыі характарызацыі, у якіх сінтаксічны суб'ект-увасабленне лакалізуецца ў свядомасці персанажа-пацыенса. Ён знаходзіцца пад уплывам сітуацыйна адушаўлёнай думкі, здольнай поўнасю авалодваць псіхічным станам. Гэтыя канструкцыі УМ мадэлююць унутраны свет чалавека ў наратыўным дыскурсе: *Вось калі смутак сапраўдным болей разануў душу аб тым, што Марыля не так многа мела ішчася ў мінулым і ўжо не можа ўспамінамі заглушыць сваёй беспрасветнасці* (Кузьма Чорны. «Вялікае сэрца»); *Яго агарнуў страх, што ніколі нічога добрага з-пад яго п'яра не выйдзе* (М. Гарэцкі. «Зіма»); *І мозг прарэзвала вострая трывожная думка, што Ягор замысліў што-небудзь і дзеля гэтага толькі прылучыўся да яго* (М. Зарэцкі. «Ноччу»).

Такім чынам, сказы УМ з рэалізацыяй адносін «наратар – персанаж» эксплікуюць у даданай частцы не толькі апрацаванае маўленне героя па класічнай схеме *сказаў, што*, але і думкі, пачуцці, перажыванні (на чым падрабязна спыніліся), што сведчыць пра ўсёведанне апавядальніка, яго ўнікальную здольнасць пранікаць у духоўны свет «іншага».

У праявічным дыскурсе пачатку ХХ стагоддзя пераважае наратарыяльнае УМ з апрацаваным унутраным маўленнем героя. Пры ўжыванні «свабоднага ўскоснага маўлення» (тэрмін В. Шміда [5, с. 210]), характэрнага для ідыястылю Кузьмы Чорнага, персаналізацыя УМ звязана з заменай дэйктыка 3-й асобы на 1-ю: *У голасе яго адчувалася найўна-сталая ўпэўненасць, што, вось, раблю я так, як і ўсе, разам з усімі я еду, хоць зусім яшчэ малады, яшчэ нават з падлеткаў не выйшаў; а так, як і іншыя, – сталы гаспадар* («Па дарозе») і з увядзеннем цытат: *...а яшчэ праз паўгода ёй наўздагон пайшла заява аб тым, што яна «лісіца ў воўчай скуру» і не проста пайшла вучыцца на рабфак, а «пралезла» туды, і калі яна «працягвае» там вучыцца, то «гэта няправільна», бо бацька яе заўсёды трымаў сытыя коні* («Макаркавых Волька»).

Неабходна адзначыць, што ў праявічным дыскурсе камбінуюцца рознастайныя віды маўлення (наратарскае, УМ, НПМ, простае, паўпростае), што спрыяе выразнай унутранай дыялагізацыі. Рэлевантнымі прыметамі НПМ, якія вычляняюць яе з апавядальнага маўлення, даследчыкі мастацкага дыскурсу бачаць наступныя: традыцыйныя сродкі ўключэння НПМ у аўтарскі аповед (дзеясловы мыслення, пачуцця *думаць, разважаць, марыць, адчуваць* і інш.); змена часовага плана (прошлы час аўтарскага маўлення замяняецца на цяперашні ў НПМ); сінтаксічная будова (ужыванне ў НПМ пыталых, клічных *сказаў, парцэляцыі*); мадальныя словы (*пэўна, магчыма, праўда* і інш.); указальныя часціцы, прыслоўі месца і часу (*вось, вунь, там, тут, зараз, пасля* і інш.); стылізацыя лексічнага складу НПМ (ужыванне прастамоўных, дыялектных слоў, фразеалагізмаў, прыказак, прымавак) [8, с. 18–19].

Прэпазіцыйны фон НПМ – аснова для пераключэння пунктаў гледжання – у дыскурсе пачатку ХХ стагоддзя мае некалькі разнавіднасцей:

1) УМ, якое ў даданай дапаўняльнай частцы актуалізуе ўсёведанне наратара пры перадачы думак персанажа, а ў галоўнай мае дзеяслоў ментальнага акта. Затым пераходзіць у НПМ з дамінантным пунктам гледжання героя (план зместу) і аўтарскім планам выражэння: *Доўга гаварыў узбуджаны*

Фэлька, а яна стаяла каля акна, напроці печы, за няшчыльнаю перагародкаю з пабеленых цалёвак і думала, што брат нечага не выказвае ці не можа выказаць. Можна, і сапраўды гэта будзе лепш і для яе, і для яго – што нібыта-такі намерылася яна ісці за Зыгмуса Чухрэвіча (Кузьма Чорны. «Вераснёвыя ночы»); Уваччу яму мітусіліся чырвенкі і званенкі, і ён адно думаў, што, мусіць, прайграе. І што ж такое. Чаму быць, таму не мінаваць, толькі дрэнна неяк робіцца (М. Гарэцкі. «Зіма»); Ляксандра знаў, што выйшла Мар'я... Справілася па гаспадарцы, накінула кашушок або хустку і выйшла супачыць на прызбе. Дзіўная баба... Загадка нейкая... Жыве за гарбуном, дзеці ўжо дарослыя. А, пэўна, не любіць... Хіба ж можна любіць гэтую недарэку! (М. Зарэцкі. «Мар'я»);

2) наратарскі сегмент з ацэначнымі эксплікантамі пункту гледжання персанажа (М. Гарэцкі, М. Зарэцкі): Добра і студэнту забыцца на думы гарадскія-сівыя, паэзіяй народа роднага пачаставацца, душу засмучоную ажывіць. І толькі зданні гэтыя... Пытанні дрэнныя... Туга тая... А што? Нічога, нічога... (М. Гарэцкі. «Роднае карэнне»); На сталі тлуста разбухлі тоўстыя кнігі. Старонкі рабыя едка выскаляюцца вострымі лічбамі. Лічбы... Лічбы... Лічбы... Няўжо ў іх, у гэтых мізэрных, нікчэмных значках, яго доля? (М. Зарэцкі. «Голы звер»);

3) наратарскі сегмент, які выразна размяжоўваецца з НПМ: Салдат прысеў на краі акона. Ці ісці да санітараў, ці што рабіць? (Кузьма Чорны. «Сямнаццаць год»); Пагаманіўшы з законнікам, дзівуецца, падвыпіўшы, стары асмолавец. Як жа гэта будзе, калі не будзе тут яўрэяў? А хто ж будзе прадаваць усё, што патрэбна чалавеку: махорку, сернікі, соль, і селядцы, і газу? (М. Гарэцкі. «Ціхая плынь»); Выйшаў Даніла і стаў ля парога. Куды ісці? Куды прыхіліцца? (М. Зарэцкі. «Бель»).

У НПМ Кузьмы Чорнага, М. Гарэцкага, М. Зарэцкага апазіцыя «наратар/персанаж» рэпрэзентуецца пераважна па прымеце сінтаксічнай будовы (экспрэсіўных канструкцый – пыталых, клічных сказаў, парцэляцыі): Ён аж счарнеў ад злосці і гневу. Як! Нягледзячы на ўсе заявы, яна скончыла інстытут і цяпер ужо доктар? (Кузьма Чорны. «Макаркавых Волька»); А з Архіпам штосьці рабілася асаблівае. Успомнілася яму і новая хата, як батрака нехта скінуў, пажар ад перуна, прыпомніў ён і страшныя апавяданні аб ваўкалаках, ведзьмах, чараўніцтве. Усё яму было няўцям. Аж тут і гэтыя ваўкі... Дзіва! Улесе набеглі, круціліся, морды конскія нюхалі, а не завалілі. Што гэта? Заговор? Чараванне? Гіпноз? (М. Гарэцкі. «Роднае карэнне»); Даніла спыніўся ля Ганнінае хаты. Хістаючыся падышоў пад акно, абавёрся рукамі аб сцяну. Агонь яшчэ ёсць. Не спіць. Во тут яна, блізка... Зусім блізка, у колькіх кроках (М. Зарэцкі. «Бель»).

Сегменты НПМ уяўляюць разважанне з актуалізацыяй камунікатыўных цэнтраў выказвання тэмы і рэмы, уласцівай для размоўнага стылю. Як заўважае Я. А. Іванчыкава, найбольшай разнастайнасцю вызначаюцца сегментаваныя канструкцыі актуалізацыі рэмы, суадносныя з тлумачальнымі, кваліфікатывнымі часткамі і з дыялагічным пыталым-адказным адзінствам [9, с. 197].

У беларускім пражайчым дыскурсе пачатку XX стагоддзя такія канструкцыі заўважаны ў ідыястылі Кузьмы Чорнага: *Адно, што ён не ведаў, куды яму падацца: падацца да санітараў, дык рана завельмі лёгка, некалькі дзён пратрымаюць яго, а пасля зноў пхнуць на фронт. Даганяць фронт – гэта быў жах* («Сямнаццаць год»). Структурная аснова выдзеленага сказа ўяўляе сабой бяззлучнікавы складаны сказ тлумачальнага тыпу, дзе рэматычны кампанент з тлумачальнай семай перамяшчаецца ў канец фразы. Рэма ў такім становішчы можа набываць экспрэсіўную самастойнасць: *Ці на гэтым баку яны будуць уміраць, ці на тым – што цяпер да ўсяго гэтага і да ўсіх гэтых людзей шчасліваму чалавеку Пятру Тадаровічу!* («Сямнаццаць год»); *Адмовіцца ж ад такой работы нельга, гэта само шчасце ідзе ў рукі чалавеку, гэта жывы заработак!* («Мураваны скляпок»). Актуалізацыі рэмы садзейнічае экспрэсіўнасць пытання ад прэпазіцыйнай тэмы і накіраванне яго да рэмы-адказу: *Ён не парадзіўся з жонкаю, з суседзьмі, можа, нават. З суседзьмі? Не з усімі, вядома, суседзьмі: як трапіў у рукі белы білет, пра гэта трэба было маўчаць* («Сямнаццаць год»).

Такім чынам, аўктарыяльны аповед беларускага пражайчнага дыскурсу пачатку XX стагоддзя вызначаецца ўнутранай дыялагізацыяй КМ «наратар – персанаж», якая на імпліцытным узроўні дазваляе выявіць розныя суб’ектныя перспектывы, супаставіць не адзін, а некалькі пунктаў гледжання. Рэалізацыя прыведзенай КМ адбываецца на ўзроўні УМ і НПМ, дзе наратар і персанаж, аб’яднаныя ў знешне аб’ектыўным (ад 3-й асобы) тэкставым сегменце, актуалізуюць сябе праз пэўныя сінтаксічныя канструкцыі. Як паказала даследаванне, узаемадзеянне суб’ектных перспектыв вынікае з двухпланавасці маўлення ад 3-й асобы, калі пры паглыбленні ў моўную структуру твора адчуваецца пункт гледжання як апавядальніка, так і персанажа. У дыскурсе пачатку XX стагоддзя пераважае аўктарыяльны наратыў, які мае складаны характар, паколькі імплікуе дыялог праз разнастайныя сродкі маналогу. Эксплікатарамі КМ «наратар – персанаж» выступаюць НПМ з апазіцыяй «апавядальнік/герой» па прымеце экспрэсіўнай сінтаксічнай будовы, а ў Кузьмы Чорнага – размоўных сегментаваных канструкцый актуалізацыі рэмы; сказы УМ з аўтарскай апрацоўкай даданай часткі ментальнага і эмацыянальнага стану героя. Персаналізацыя УМ выяўлена ў Кузьмы Чорнага на аснове замены дэйктыка 3-й асобы на 1-ю і ўвядзення цытат.

ЛІТАРАТУРА

1. Волохина, Г. А. Многокомпонентные сложные предложения как микро-текст / Г. А. Волохина, З. Д. Попова. – Воронеж : Истоки, 2003. – 198 с.
2. Дементьев, В. В. Непрямая коммуникация / В. В. Дементьев. – М. : Гнозис, 2006. – 376 с.
3. Кожевникова, Н. А. Типы повествования в русской литературе XIX–XX вв. / Н. А. Кожевникова / Ин-т рус. яз. РАН. – М. : Машмир, 1994. – 335 с.

4. *Попова, Е. А.* Коммуникативные аспекты традиционного повествования русской классической литературы: в 2 ч. / Е. А. Попова.. – Липецк : ЛГПУ, 2007. Ч. 2. – 283 с.
5. *Шмид, В.* Нарратология / В. Шмид. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Языки слав. культуры, 2008. – 304 с.
6. *Арутюнова, Н. Д.* Русское предложение. Бытийный тип: структура и значение / Н. Д. Арутюнова, Е. Н. Ширяев. – М. : Рус. яз., 1983. – 198 с.
7. *Арутюнова, Н. Д.* Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – Изд. стереотип. – М. : Либроком, 2013. – 384 с.
8. *Абабурка, М. В.* Сучасны літаратурна-мастацкі расповед / М. В. Абабурка, В. М. Саўчанка. – Магілёў : МДУ, 2011. – 260 с.
9. *Иванчикова, Е. А.* Синтаксис художественной прозы Достоевского / Е. А. Иванчикова ; отв. ред. Г. А. Золотова. – Изд. 2-е, доп. – М. : Либроком, 2010. – 288 с.

The article is devoted to the study of internal dialogization of the communicative “narrator – character” model of the Belarusian auctorial narrative of the early twentieth century at the level of reported and free indirect speech. The language markers of the transition of one subjective plane to another are determined on the basis of their dependence on the writer’s individual style.

Поступила в редакцию 04.12.2019

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

М. А. Анисимова

ЧЕРТЫ ПОЗДНЕГО СЕНТИМЕНТАЛИЗМА И ПРЕДРОМАНТИЗМА В ЭЛЕГИИ «КЛИФТОН» ТОМАСА ЧАТТЕРТОНА

В статье рассмотрена элегия «Клифтон» Томаса Чаттертона. На основе подробного текстологического анализа определена сюжетно-тематическая связь произведения с поздним этапом лирики сентиментализма, ведущими мотивами которой становятся воспоминания лирического героя об идиллическом прошлом английской провинции и его критическое отношение к нынешнему упадку и связанному с ним социально-нравственному кризису. Однако спектр поднимаемых в элегии проблем выходит за рамки сентименталистской эстетики и затрагивает вопросы утраты национального исторического и культурного наследия, значимости субъективного мировосприятия автора, погружения в мир фантазии и личных переживаний лирического героя, что указывает на преобладание уже предромантических идей.

В Англии второй половины XVIII в. наблюдается обострение социокультурного конфликта, сопровождающееся кризисом просветительской идеологии, преисполненной в начале столетия надежд достичь стабильности и процветания во всех сферах жизни общества, разрешив любые формы противоречий путем рационального компромисса. Этот процесс находит отражение в литературе: начинают возникать различные эстетические направления, которые ставят под сомнение состоятельность идей Просвещения и предвосхищают приход романтизма.

Первой масштабной реакцией на кризис просветительской философии и эстетики становится сентиментализм. Этому направлению свойственно «тяготение к “идиллическому хронотопу” (М. М. Бахтин), предпочтение тем “деревенской жизни”, противостояния сельского уединения суете и фальшивости городской цивилизации, культ природы, обостренный интерес к внутреннему миру человека, сфере его чувств, культ чувства, нравственный пафос и меланхолические интонации, демократические тенденции и повышенный критицизм по отношению к современному состоянию общества» [1, с. 27]. С зарождением сентиментализма начинается процесс индивидуализации в литературе. В поэзии все чаще появляется лирический герой, «углубленный в свои думы отшельник, предпочитающий одиночество и меланхолические размышления о бренности бытия и суетности жизни» [2, с. 126]. Происходит активное становление лирических жанров, прежде всего элегии, эпитафии, медитативно-дидактической поэмы.

Сентиментализм как литературное направление формируется и эволюционирует на протяжении всего столетия, порой возникая в виде отдельных поэтических школ, например, «кладбищенская» школа поэтов. Так, на раннем этапе в произведениях Дж. Томсона и Д. Моллета еще видна тесная

связь сентиментализма с барокко и классицизмом, где трогательные сцены простого деревенского быта и повседневной жизни сельского труженика чередуются с патетическими строками прославления крестьянского труда и величественными образами природы. Но начиная со второй половины столетия, сентиментальная поэзия приобретает драматический и пессимистический характер в творчестве О. Голдсмита, У. Каупера и Дж. Крабба. Их произведения полны горечи и негодования по поводу негативных явлений буржуазного строя, где технический прогресс, развитие торговли и промышленности привели к масштабному огораживанию земель, обесцениванию труда крестьян, обнищанию и вымиранию некогда процветавших деревень. Природа сельской местности, крестьянский быт, которые на ранних этапах сентиментализма являлись отрадными источниками вдохновения, начинают терять былую гармоничность и привлекательность. «Сентиментальные иллюзии и идиллическое изображение сельской жизни хотя и не изжиты полностью, но сменяются правдивыми картинами реального бытия» [2, с. 128]. Поэзия позднего сентиментализма уже практически полностью отвергает оптимистическую идеологию Просвещения. Однако в художественном плане каких-либо значимых преобразований не происходит, поэтому «в общем составе английской литературы последней трети XVIII в. это направление оттесняется гораздо более широким «предромантическим» движением, непосредственно подготавливающим победу романтизма в начале XIX века» [3, с. 128].

Предромантики также остро, но по-иному реагируют на буржуазный кризис. Их реакция проявляется не в форме обличающей критики или же «бездейственного созерцания», а скорее становится своеобразным побегом от угнетающей действительности в поэтическую реальность. Одним из вариантов такого побега становится возвращение к истокам своей культуры, миру далекого средневековья. Времена, которые в «век утонченного вкуса» считались варварскими и темными, оказываются предметом восхищения и неиссякаемым источником творческих идей.

Таким же источником становится для предромантиков природа. Кардинально меняется и ее роль в произведении по сравнению с традицией просветительского классицизма и сентиментализма. Пейзаж становится самостоятельным, живым, динамичным элементом произведения. В природе предромантизма начинает преобладать мотив стихийности, фатальности, разрушения, что оказывает непосредственное влияние на эмоциональное состояние героя, его внутренний мир, где все чаще возникают дисгармония и смятение чувств, обусловленные внешним неблагополучием. «Предромантики, видящие в окружающем мире преимущественно зло, часто придают вездесущей силе зла универсальный характер и переносят ее действие не только на общество, но и на природу. Предромантики также видят противоречивый, порой антагонистический характер природы, но они не стремятся найти этому какое-то рациональное или божественное объяснение, как это делают Томсон и другие сентименталисты. Она влечет предроман-

тиков именно своей таинственностью и необъяснимостью» [4, с. 209]. Как следствие, рационалистическое мировосприятие постепенно сменяется романтическим. Воображение и фантазия художника выступают ключевыми инструментами создания поэтической реальности произведения, что свидетельствует о зарождении новой эстетики, которая в XIX в. достигнет своего расцвета.

В истории английской литературы принято считать, что поэмы О. Голдсмита «Покинутая деревня» («The Deserted Village», 1770), Дж. Крабба «Деревня» («The Village», 1783), У. Каупера «Задача» («The Task», 1785) формируют поздний этап сентиментальной лирики. Произведения, как правило, строятся на контрасте светлых и радостных картин прошлой жизни и угнетающих, пессимистических образов настоящего. Так, например, воспоминания уносят лирического героя поэмы «Покинутая деревня» во времена, когда его «милый Обурн» еще процветал, его жители знали и труд, и отдых, и веселье. Картины природы и образы прошлых лет наполнены благодатью и умиротворением. Но идиллию сменяет разруха и запустение. Новый социальный строй оказался безжалостен к простому человеку. Автор обрушивается с резкой критикой на «блага» цивилизации, которые спровоцировали эту трагедию. Однако почти за год до публикации «Покинутой деревни», Томас Чаттертон пишет элегию «Клифтон» («Clifton», июль 1769 г.¹). Тематика и композиционное оформление роднят произведение с поэзией позднего сентиментализма, творчеством Голдсмита, Каупера, Крабба, однако подробный текстологический анализ обнаруживает весьма четкие черты предромантизма.

Лирический герой «Клифтона» описывает свою прогулку по одноименному поселку недалеко от Бристоля. Первое, на что обращает внимание читатель, это выбор места. Клифтон – не просто деревня, а знаменитая здравница с богатой историей, славящаяся своими горячими источниками, древними акведуками и живописной природой. Стихотворение начинается с описания местного пейзажа. Герой поражен величием открывшейся его взору картины. Огромные сумрачные скалы, из недр которых брызжут кипящие воды источников, разжигают своим видом его воображение: «You dusky rocks that from the stream arise, / In rude rough grandeur threat the distant skies, / Seem as if nature, in a painful throe, / With dire convulsions labouring to and fro, / To give the boiling waves a ready vent / At one dread stroke the solid mountain rent» [6, p. 62]. Чтобы передать всю мощь и стихийность этого природного явления автор использует гиперболические эпитеты и персонализацию, такие как: «грубым и диким величием пугая небеса», «природа бьется в ужасных конвульсиях и мечется в мучительной агонии», «бурлящие волны готовы вырваться на свободу», «страшным ударом разорвав массивную каменную глыбу». Природа Клифтона не умиротворяет героя, не настраивает его на медитативный лад, а воодушевляет и одновременно

¹ Согласно исследованию Д. С. Тейлора [5, p. 268].

пугает. Изначально отправляясь в Клифтон, чтобы «посозерцать, остановиться, поразмышлять» («gaze, and pause, and muse»), главный герой вдруг оказывается захвачен буйством природных стихий, которые словно оживают в его воображении. Настроение стихотворения меняется, появляется свойственный предромантизму диссонанс между внешней объективной реальностью и субъективным восприятием героя.

Далее интерес путешественника привлекает старинный кенотаф, наводящий его на мысль о прошлом, но не об идиллическом добуржуазном прошлом Голдсмита и Крабба, а о более отдаленном, средневековом. Его фантазия рисует образы далекие и прекрасные, навеянные древними рукописями бристольского собора и старинным кенотафом Клифтона. Он признается читателю, что «душа загорается энтузиазмом» при виде мест былой славы: «...my soul with ardour burns, / For on that spot my glowing fancy dwells, / Where cenotaph its mournful story tells, / How Britain's heroes, true to honour's laws, / Fell, bravely fighting in their country's cause. / But though in distant fields your limbs are laid. / In fame's long list your glories ne'er will fade; / But blooming still beyond the gripe of death, / Fear not the blast of time's including breath. / Your generous leader raised this stone to say. / You followed still where honour led the way: / And by this tribute, which his pity pays, / Twines his own virtues with his soldiers' praise» [6, p. 63]. Лирический герой преисполнен гордости и восхищения своими предками, бесстрашно отдававшими жизни на полях сражений во имя Родины. Об этом свидетельствуют многочисленные восторженные обороты: «верные закону чести герои Британии», «доблестно сражаясь во имя своей страны», «ваша слава воссияет на века», «великодушный предводитель». Эти строки наполнены той «аристократической тоской по веку твердо установившейся иерархии, веры, по моральному кодексу чести, верности и доблести рыцарства» [7, с. 17], которая становится генератором предромантической идеи возрождения национального прошлого.

Продолжая свой путь по живописным холмам Св. Брэндона, лирический герой приближается к развалинам старинного замка. И вновь его «фантазия уносится по страницам истории» во времена, когда это грандиозное сооружение было гордостью саксонцев и служило надежной защитой. И лишь в XVII в. предательской рукой Руперта замок был отдан врагу: «Yon castle, erst of Saxon standards proud. / Its neighbouring meadows dyed with Danish blood. / Then of its later fate a view I take: / Here the sad monarch lost his hope's last stake; / When Rupert bold of well-achieved renown, / Stained all the fame his former prowess won» [6, p. 63]. От мощной крепости остались лишь руины, являющие собой унылое зрелище, которое печалит героя: «But for its ancient use no more employed, / Its walls all moulded and its gates destroyed; / In history's roll it still a shade retains. / Though of the fortress scarce a stone remains» [6, p. 63]. Руины, будучи одним из ключевых символов предромантизма, четко отражали «господство хаоса над порядком, дисбаланс разума и чувства и напоминали о быстротечности и тленности даже самых разумных

установлений, бросали вызов здравому смыслу как панацее от всех бед» [8, с. 32]. Так и полуразрушенные, покрытые плесенью стены клифтонского замка знаменуют духовный упадок нового общественного уклада в Век Разума, где культурно-историческое наследие страны оказалось бесславно позабытым, а идеалы, во имя которых веками сражались отважные предки, давно обесценились.

Знаковую роль играет в произведении и река Эйвон. Во многом посредством раскрытия ее образа сохраняется тесная связь произведения с антибуржуазным настроением позднего сентиментализма. Река становится символом интенсивной индустриализации и развития рынка. Жизнь вокруг Эйвона кипит: по его водам прибывают в порт Бристоля торговые суда, на берегах активно разворачивается строительство промышленных объектов – но это не приносит радости простому населению этих мест. Воды реки уже изрядно помутнели, а поселянам в одночасье пришлось распрощаться со своим размеренным, формировавшимся столетиями укладом жизни: «For though her waves, by commerce richly blest, / Roll to her shores the treasures of the west. / Though her broad banks trade's busy aspect wears, / She seems unconscious of the wealth she bears» [6, p. 64]. Чувствуется горькая ирония автора в этих строках, где река, «щедро одаренная богатствами», «кажется равнодушной к сокровищам, что несут ее волны». Ее образ создает атмосферу уныния и тоски: «The yellow Avon, creeping at my side, / In sullen billows rolls a muddy tide; / No sportive Naiads on her streams are seen, / No cheerful pastimes deck the gloomy scene; / Fixed in a stupor by the cheerless plain, / For fairy flights the fancy toils in vain» [6, p. 64]. Непривычно медлительное течение реки, «угрюмые волны», «мутные воды» и «безрадостная долина» вызывают у героя чувство опустошенности. Напрасно он пытается глазами отыскать на берегах игривых наяд. Беззаботные феи покинули Эйвон, фантазия героя угасла, и ничто уже не может скрасить «мрачной картины».

Еще одним важным символическим образом в произведении становится «опустевшая, заброшенная» сцена театра: «Near to her banks and under Brandon's hill / There wanders Jacob's ever murmuring rill, / That, pouring forth a never-failing stream / To the dim eye restores the steady beam. / Here too (alas! though tottering now with age) / Stands our deserted, solitary stage» [6, p. 64]. Темп стихотворения постепенно замедляется, становится более монотонным и печальным. Автор сообщает читателю о смерти знаменитого бристольского актера и своего друга У. Пауэла (William Powell, 1735–1769). Чаттертон являлся большим почитателем его игры на сцене, восхищался живостью и эмоциональностью создаваемых им образов. Не одно стихотворение посвятил он Пауэлу, который не был профессиональным актером, но «обладал настоящим природным даром» («nature's genuine son»). Здесь стоит отметить, что гениальность как духовный дар свыше, который не определяется ни энциклопедическими знаниями, ни просвещенным разумом, ни искусным мастерством подражания, становится одним из ключевых критериев творческой личности предромантизма. Именно поэтому предроман-

тики особо почитали У. Шекспира как пример оригинального гения. Смерть талантливого актера и заброшенная сцена символизируют ушедшее в небытие величие английского театра, театра елизаветинской эпохи. Конфронтация былой славы и нынешнего упадка отражена на художественно-стилистическом уровне. Когда герой воскрешает в памяти игру Пауэла на сцене, элегия вновь оживает и наполняется яркими эпитетами, живыми, контрастными метафорами. Его мастерство четко передает эмоциональность, динамичность и глубину шекспировских пьес. Это может быть настоящая буря эмоций: злость, лютая ненависть, «подобная снежной лавине», страсть: «Fierce from his lips his angry accents fly, / Fierce as the blast that tears the northern sky; / Like snows that trickle down hot AEtna's steep, / His passion melts the soul and makes us weep» [6, p. 64]. И внезапно тональность игры меняется, становится мягкой, деликатной, «как весенний утренний ветерок»: «But oh! How soft his tender accents move, / Soft as the cooings of the turtle's love, / Soft as the breath of morn in bloom of spring, / Dropping a lucid tear on zephyr's wing» [6, p. 64].

В заключительной части, состоящей из 28 строк, Чаттертон возвращается к характерному жалобному тону элегии, которая теперь наполнена сугубо личными переживаниями лирического героя. Атмосфера тоски и уныния формируется разнообразными стилистическими средствами. Анафоры *no more* и *else would I* усиливают мотив безысходности: «No more our raptured eyes shall meet thy form, / No more thy melting tones our bosoms warm. / Without thy powerful aid, the languid stage / No more can please at once and mend the age» [6, p. 65]. Словосочетания с эпитетами ***gushing grief, solemn organs, muffled bell, mournful peal, softening sighs, lone abode*** создают соответствующее настроение бесконечной печали. Последние строки элегии преисполнены глубокой скорби лирического героя, оплакивающего смерть талантливого друга. Эти душевные муки оказываются не в силах вынести даже муза и навсегда покидает поэта. Столь острое восприятие и личное переживание трагических событий не были присущи ни поэзии Просвещения, боровшегося с субъективностью, ни сентиментализму, еще не сумевшему полностью отказаться от универсальности в выражении чувств.

Элегия «Клифтон» свидетельствует о поэтической прозорливости и новаторстве ее автора, оказавшего значительное влияние на формирование романтической традиции в английской литературе. Д. С. Тэйлор, один из крупнейших исследователей жизни и творчества Чаттертона отмечает, что его произведения «во многом не были характерны для XVIII века. Что-то новое в одночасье появилось на горизонте английской поэзии...»¹ (Перевод наш – М. А.). Несмотря на свой юный возраст, поэт остро ощущал социокультурную специфику своего времени. «Клифтон», безусловно, возник в

¹ ...they were not in an important sense the eighteenth century's. Something new had appeared momentarily on the horizon of English poetry...[5, p. 4]

контексте позднего сентиментализма, однако спектр поднимаемых проблем, мировосприятие лирического героя и художественное своеобразие произведения указывают на преобладание эстетики предромантизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Синило, Г. В. История немецкой литературы XVIII века / Г. В. Синило. – Минск : Вышэйшая школа, 2013. – 105 с.
2. Михальская, Н. П. История английской литературы : учеб. для студ. филол. и лингв. фак. высш. пед. учеб. заведений / Н. П. Михальская. – 2-е изд., стер. – М. : Издат. центр «Академия», 2007. – 480 с.
3. Жирмунский, В. М. Из истории западноевропейских литератур / В. М. Жирмунский. – Л. : 1981. – 302 с.
4. Луков, Вл. А. Предромантизм / Вл. А. Луков. – М. : Наука, 2006. – 682 с.
5. Taylor, D. S. Thomas Chatterton's Art. Experiments in Imagined History / D. S. Taylor. – Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 1978. – 343 p.
6. Chatterton, Th. The Poetical works of Thomas Chatterton. Vol.1 / Th. Chatterton. / Ed: W. Skeat. – London, 1872. – 378 p.
7. Соловьева, Н. А. У истоков английского романтизма / Н. А. Соловьева. – М. : 1988. – 230 с.
8. Соловьева, Н. А. История зарубежной литературы. Предромантизм / Н. А. Соловьева. – М. : 2005. – 272 с.

The article discusses the elegy "Clifton" by Thomas Chatterton. The analysis dwells upon the observations and feelings of the persona who takes a walk around the once thriving town. The thematic and artistic features of the poem are in focus. A detailed textual analysis allows to draw the conclusion about the plot and thematic connection of the poem with late sentimentalism, but with obvious predominance of preromantic ideas.

Поступила в редакцию 04.11.2019

К. А. Зиновьева

WOMEN WRITING LIKE MEN GENDER-REVERSED FICTIONAL DISCOURSE

Статья ставит перед собой цель определить причины явления смены гендера в художественных произведениях. Рассматривается многосторонность проблемы женского письма и его противопоставления престижу мужского стиля письма. Доминирующее влияние мужчин-писателей на стандарт литературного стиля демонстрируется на примере творчества таких писательниц, как А. Мёрдок и Д. Тартт.

Fiction allows for a wide variety of forms and genres and covers a great range of issues akin to almost every historical period of societal development. Many controversial and stigmatized subjects were put forward and closely investigated

under the auspices of fiction and, as a result, the literary text has consistently promoted that development. Yet, the issue that is currently being studied is that of language, and what makes a woman's and a man's fiction distinguishable from each other, and whether that difference exists as such. The question was put forward in R. Lakoff's debatable but pivotal work *Language and Woman's Place* (1972). Still another particularity of that issue is women writing like men.

The 21st century reader is a satiated one, with a set of standards in the treatment of a fictional work. However, the stumbling block at this point is the following: is the so-called golden standard appropriate and adequately proportionate to representing both genders? It is reasonable to explore several relevant perspectives on the current situation.

From the historical perspective, it is feasible to look into women's writing in two ways: as a steady development and fortification of women in the canon, and the other being its evolution impeded by social factors. The history of women's writing and publications was predetermined by women's social standing: up to the 20th century women were limited to functioning as homemakers who were unable to engage in any outdoor activity unattended by men. What one can classify as "purely feminine" publications were not taken seriously by fellow writers. Getting published must have been hard enough for Jane Austen and the Brontë sisters; it was, nevertheless, the critical reception that, at first, downsized their writing. Such reaction to women's writing would gradually diminish, but not without obstacles.

In 1852, R. W. Griswold included 5 female authors in his anthology of prose writers [1, p. 1–2]. After Griswold, many male critics continued "justifying" the exclusion of women writers [1, p. 4]. The systematic exclusion led to a situation where only men authors' work had survived [1, p. 5]. "We have seen how it came to be that women were "scribblers" and men serious writers" [1, p. 14].

The asymmetry of gender distribution in classical literature today is conspicuously represented in certified newspaper lists of classics and school and university curriculum. *The Guardian* top 100 best novels list includes 16 women-writers as opposed to the 84 male counterparts [2]. The Pennsylvania University list of Twentieth Century American literature counts 16 women and 30 men of the total 46 positions. Penn's Twentieth Century British and Irish List supplies 9 women and 16 men out of the 25 articles [3]. The previously mentioned issue around the Anthology of American literature leads to the discussion of the "canon" [4, p. 17]. M. P. Hiatt states that the canon-makers are the writers, critics, and publishers in power and that they frequently happen to be male [1, p. 1]. We underline that "the problem of the canon is the problem of syllabus and curriculum" and the problem of mass media [4, p. 17].

The American canon seems to many international scholars to have been changing in the direction toward inclusivity. More females and minorities join the canon. Yet the authors of one article on the American canon question the canon's accuracy to represent all American writers, that is why "the canon is worthless and nonexistent to those against whom the canon doors have been kept shut" [5, p. 54]. Therefore, may we suppose that the side effect of being well read

is being gender-biased in terms of accepting variety in written discourse? Did the “dead white European males” (DWEM) phenomenon eradicate an alternative mode of fiction that could have been well developed by now?

The problem of literary critics and the evaluating system is climactic. It is once again based on male classics – the cornerstones of fiction. The publishing industry has long been accused of gender bias. According to the VIDA Count organization, books by women made up less than 20 % of books reviewed in the *New York Review of Books*, 30 % in *Harper's*, 29 % in the *Atlantic*, and 22 % in the *London Review of Books* (2015) [6].

A lot of the bias in reviews reflects a bias in publishing. In 2011, Ruth Franklin at the *New Republic* did a small-scale analysis of the upcoming catalogs of 13 publishing houses. Franklin found that 11 of the 13 publishers, including Harper, Norton, Little Brown, Knopf and FSG, had heavily male biased catalogs – around 30 % or less of their books were written by women. The *Huffington Post* followed her study in 2012 with similar findings of widespread gender bias [6]. The outcome of these policies leads to female readers being sold the idea that female authors somehow mean less than male authors. “One of the often heard arguments in defense of that point is that women often choose to write about feelings. A great number of established writers including D. H. Lawrence, Thomas Hardy and Henry James all wrote about feelings. What one can comprehend from such comparison is that feelings did not matter at all when talking about the human experience” [7].

There are numerous cases of women-writers hiding behind male pseudonyms. One of these examples is Catherine Nichols who “tried to sell her novel under her own name” and was “ignored by all the agents she contacted”. Once she made use of a male pseudonym, she “received mostly positive responses”. Others encompass Laura Albert, George Sand, the Brontë sisters, Karen Blixen and J. K. Rowling who “became widely popular by omitting her full name” [7].

On the other hand, the author (male or female) may intentionally switch gender in the text through the protagonist, which is termed as Hornby's “narrative sex change”: the author uses a narrator whose sex is not the same as his or hers. J. Mullan lists several examples of its ample use [8]: J. M. Coetzee's *Age of Iron* (1990), Alan Warner's *Morvern Callar* (1995), Kazuo Ishiguro's *Never Let Me Go* (2005) – male authors, female narrators; Donna Tartt's *The Secret History* (1992), Rose Tremain's *Restoration* (1989), Beryl Bainbridge's *Master Georgie* (1998) – female authors, male narrators. Another example that is worth mentioning is Salley Vickers's *The Other Side of You* (2005): the author is a woman who employs a male narrator, a psychoanalyst, in order to explore the possibilities of regeneration through another person's vision and understanding.

The next point is the psychological aspect of women's writing, their motivation for writing and the underlying problems. Any work of fiction can be looked upon as a result of sublimation. Sublimation is one of the healthy defense mechanisms that in itself hides a person's trauma or complex. It often shows the latent content, or one's drives, desires, fears, perversions and other problems the

human psyche is undergoing. What interests us here is the way, or manner, in which writing is conducted, and why that particular manner is used in the first place. If in this case Freud's theory of psychoanalysis is to be applicable, we are looking into what he termed as "penis envy" [9]. A woman-author writes like her male counterparts as a means of reaching the same status, envious of their success. On the other hand, we have C. Jung's notions of animus and anima, i.e., animus as the presence of the unconscious masculine side of a woman, and anima as the unconscious feminine side of a man [10]. This way, a woman's reversing of her mode of writing can simply signalize the presence or dominance of animus.

The feminist viewpoint on the issue of women writing like men is quite confusing and carries no universal agreement. J. Derrida first coined the term "phallogocentrism", which is used to refer to the privileging of the masculine in the construction of meaning while the feminine remains minor, or marginal [11]. H. Cixous in her famous essay *The Laugh of the Medusa* (1976) then puts the term in operation and makes the following two key statements: "Woman must write her self: must write about women and bring women to writing"; "Woman must put herself into the text – as into the world and into history – by her own movement" [12]. A great number of feminists adhere to her reflections.

L. Irigaray asserts that the future must no longer be determined by the past. From the way she sees it, a direct feminine challenge to this condition is "to postulate a relation to the intelligible that would maintain sexual indifference". A woman has the ability to recover the place of her exploitation by discourse [13, p. 76]. Its function would thus be to cast phallogocentrism, phallogocritism, loose from its moorings in order to return the masculine to its own language, "leaving open the possibility of a different language". Which means that the masculine would 'no longer be "everything"' [13, p. 80].

T. Moi presents a well-formed in-depth analysis of the issue of women writers. Moi highlights some of the inconsistencies made by V. Woolf in *A Room of One's Own*: "It is fatal for any one who writes to think of their sex....It is fatal... in any way to speak consciously as a woman"; "she wrote as a woman, but as a woman who has forgotten that she is a woman" [14, p. 91]. Moi also points out that J. Butler, a prominent philosopher of the third-wave feminism, has created an intellectual climate in which the words *woman* and *man* are not suitable for human beings that do not fit into conventional, stereotypical categories of femininity and masculinity. Another idea that Moi accentuates is that gender is performative, i.e. we create our gender by doing gendered things. Thus, one may conclude that, according to Butler, a writing style cannot be taken down to conventional stereotypical features dictated by social norms of male and female. Moi shares her own position on women's writing saying "she has to be willing to say what she sees...to write is to risk rejection and misunderstanding". She ends her essay affirming that literature is the archive of a culture and it "holds out the hope of overcoming skepticism and isolation" [15].

One more aspect to be covered is the linguistic side of the case. The arguments concerning the existence of a "feminine" writing style and a

“masculine” writing style are the ones of the most radically bipolar in the academic field. One simplistic hypothesis is that men are more “active” and women are perceptively observant of men, but it does not arise from differentiation of style [1, p. 16]. But M. P. Hiatt is positive that finding stylistic differences between women’s and men’s writing may be a necessary segment of literary theory and criticism. She conducted an experiment based on a random sample of contemporary American prose and it revealed that, “when thousands of words by women and men writers are examined, striking differences do exist” [1, p. 19–20].

When studying the languages of men and women, A. Weatherall suggests taking into account the social identity theory. The theory is constructed around the idea that people are motivated to view themselves in a favourable way, which requires making social comparisons. That is why in order to overcome any sense of inferiority one (as in the case with women) can resort to social creativity and social competition. It is a tactic of redefining the negative characteristics associated with the group positively. Other identity maintenance strategies may be to compare your group to inferior groups or to create new dimensions for comparison [16, p. 126–127].

The discursive turn has brought about a radical transformation in the ways gender and its relationship to language can be understood. Language turned out to reflect society’s beliefs and values about women and men, which indicates the social construction of gender. Weatherall formulates the current goal as “to understand the social practices that create and maintain current norms of gender, so that we can work towards a post-patriarchal society” [16, p. 156]. In case such a goal is achieved, the question of male and female writing would naturally diffuse.

S. Vorobyeva singles out male and female writing and differentiates three levels of written discourse: the stylistics of text, characters and the picture of the world. She makes a couple of specific discoveries in terms of feminine writing. One of them is “a unique kind of irony and self-irony...linked to a marked suspicion towards pathos and preaching”. She motivates her discovery this way: “A woman-writer is entering a culture and a text created by the patriarchal mind, which constricts the image of women in set standards and she, who is daunting enough to manifest herself with a voice, a new text of her own, cannot but feel the vulnerability of her creative experience that is being made with little to no basis or any prior tradition” [17].

Vorobyeva notes that a woman’s mind works to a great degree towards the objectivization of her self through the prism of reality. Another peculiarity is being open to dialogue and not rushing to conclusive statements. Besides that, a woman-writer aims at deconstructing the system and displaying the inner contradictions of the world where she is not a subject but an object. Another feature is secondary reflection – a tendency to avoid direct self-description. Lastly, she stresses M. Foucault’s words about finding a new possibility of writing texts [18]. She believes a woman-writer’s ultimate goal might be creating that endless possibility of texts.

Now that we have looked into the historical, psychological, philosophical, social and linguistic aspects of the matter, let us have a look at the writing of two successful women-writers of the 20th and 21st centuries respectively: Iris Murdoch (1919–1999) and Donna Tartt (b. 1963). They have entered the literary world without their writing being labeled ‘not serious’. Both Murdoch and Tartt are famous connoisseurs of classical literature, which has in one way or another affected their writing. The most obvious literary influencers on Murdoch are cited to be F. Dostoyevsky, L. Tolstoy, G. Eliot, M. Proust and W. Shakespeare. In case of D. Tartt, the following authors are mentioned regularly: F. Dostoyevsky, C. Dickens, R. L. Stevenson, E. Waugh, R. Kipling, E. A. Poe, G. Eliot, Dante and W. Shakespeare.

If one was to compare these two writers’ literary influencers and preferences, it becomes clear that the only woman-writer that they share (individually and overall) is George Eliot (ironically enough, the name is male). The other thing that unites the two belletrists is the extensive utilization of allusions to Greek myths and legends in their prose. These generally carry strong ideas of sophistication and manhood. The other classics on the lists of Murdoch’s and Tartt’s are W. Shakespeare and F. Dostoevsky. Shakespeare was a renowned master of grandiloquence who unfailingly appears on everyone’s reading list. Dostoevsky, a fundamental Russian writer, is renowned for the deep psychological quality of his works and for belonging to the literary realism and naturalism movements.

Murdoch’s novels generally have intricate plots with a canvas of characters representing different philosophical views. Her prose boasts of the macabre and the wildly comic, existential stoicism and baroque symbolism, the gothic and the neogothic [19, p. 148; 20, p. 89]. Tartt’s triad of novels is filled with quotations and literary and philosophical allusions. Her novels never fail to supply the reader with an abundance of Greek and Latin aphorisms. Tartt’s works contain themes characteristic of American fiction (such as selectivity and escapism), as well as ideas of aesthetics and Decadence [21, p. 24]. Overall, these writers managed to secure themselves a spot in the canon for their stylistically developed prose and writing “seriously”. Their story is that of success, but the level of male intertextuality puts forward a question of the authors’ originality and individuality.

The phenomenon of reversed discourse brings up an ambiguous complex problem that has no consensus in any interconnected discipline. It is nevertheless clear that the problem of gender (or, to be more particular, of the notions of women’s and men’s writing styles) in literature still requires some time to be settled and to gain more understanding from the scholars. Yet, it is, undeniably, neither a positive nor a negative occurrence.

What can be asserted based on the data we have can be summarized in a couple of statements. The field of gender-markers is problematic for a range of reasons: the terms of gender-markers research and its intentions are unreliable. A number of writers declare there are no gender differences in terms of writing style. The markers are vaguely defined and may turn out to be stereotyped labels and cause confusion in discourse analysis. The prestige of men’s writing in the

publishing business presents a dangerous force to the experimental literature of women. An urgent change for the standard must be called for, in which case the introduction of several standards or the deconstruction of the standard as a whole could be implored. The literary canon should eradicate literary separatism. The history of women's writing cannot be changed but an attempt to replenish it from the archives is needed to change readers' perception of "good fiction". The development of literature requires finding a balance between the unique qualities of each sex and having no limits or prescribed norms of fiction making. The practices of anthologists and critics demand cardinal reorganization for a non-biased and non-conformist writing climate.

REFERENCES

1. *Hiatt, M. P.* Style and the "Scribbling Women": An Empirical Analysis of Nineteenth-Century American Fiction / M. P. Hiatt – Westport: Greenwood Press, 1993. – 180 p.
2. 100 best novels [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.theguardian.com/books/2015/aug/17/the-100-best-novels-written-in-english-the-full-list>. – Date of access : 29.09.2019.
3. 50 book list [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.english.upenn.edu/graduate/requirements-rules-procedures/first-year-oral-exam/50-book-list>. – Date of access : 29.09.2019.
4. *Csicsila, J.* Canons by Consensus: Critical Trends and American Literature Anthologies / J. Csicsila – Tuscaloosa: University of Alabama Press, 2004. – 286 p.
5. *Al-Shalabi, Nazmi, Salameh, Fahd, Al-Thebyan, Qusai, Al-Umari, K.* The American Literary Canon: Impervious to Change [Electronic resource] / K. Al-Shalabi, Nazmi, Salameh, Fahd, Al-Thebyan, Qusai, Al-Umari // International Forum of Teaching and Studies. – 2011. – № 7. – P. 50–55. – Mode of access : https://www.researchgate.net/publication/264782677_The_American_Literary_Canon_Impervious_to_Change. – Date of access : 31.09.2019.
6. Bias, She Wrote [Electronic resource]. – Mode of access : <https://pudding.cool/2017/06/best-sellers/>. – Date of access : 15.09.2019.
7. Why gender in literature is relevant [Electronic resource]. – Mode of access : <https://medium.com/panel-frame/why-gender-in-literature-is-relevant-c5063d425701>. – Date of access : 15.09.2019.
8. *Mullan, J.* How Novels Work / J. Mullan – England: Oxford University Press, 2006. – 346 p.
9. *Freud, S.* Über infantile Sexualtheorien / S. Freud // Sexual-Probleme. – 1908. – Bd 4. – S. 763–779.
10. *Jung, C.* The Psychology of the Unconscious / C. Jung – Tel-Aviv: Dvir Ltd., 1973. – 624 p.
11. Derrida interview for Le Monde [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.lemonde.fr/mde/anciens/septem00.html>. – Date of access : 13.09.2019.

12. *Cixous, H. The Laugh of the Medusa* [Electronic resource] / H. Cixous, K. Cohen, P. Cohen // The University of Chicago Press. – 1976. – Vol. 1. – № 4. – Mode of access : <http://www.jstor.org/stable/3173239>. – Date of access : 30.09.2019.
13. *Irigaray, L. This Sex Which is Not One* / L. Irigaray – N. Y. : Cornell University Press, 1985. – 223 p.
14. *Woolf, V. A Room of One's Own* / V. Woolf. – N. Y. : Harcourt, 2005. – 148 p.
15. *Moi, T. 'I am not a woman writer' About women, literature and feminist theory today* [Electronic resource] T. Moi // Duke University Feminist Theory. – 2008. – Vol. 9(3). – p. 259–271. – Mode of access : <http://fty.sagepub.com>. – Date of access : 28.09.2019.
16. *Weatherall, A. Gender, Language and Discourse* / A. Weatherall – England: Routledge, 2002. – 187 p.
17. *Воробьева, С. Ю. Речевая репрезентация гендерного сознания в современной «Женской» прозе* [Электронный ресурс] / С. Ю. Воробьева // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. – 2017. – (Серия «Филология. Журналистика»; вып. 2). – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevaya-reprezentatsiya-gendernogo-soznaniya-v-sovremennoy-zhenskoy-proze>. – Дата доступа : 30.10.2019.
18. *Фуко, М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности* / М. Фуко пер. с фр. / С. Табачниковой ; под ред. А. Пузыря. – М., 1996. – 30 с.
19. *Кузнецова А. Н. «Замок на песке» как неоготический роман Айрис Мердок* [Электронный ресурс] / А. Н. Кузнецова // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2014. – № 1. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/zamok-na-peske-kak-neogoticheskiy-roman-ayris-merdok>. – Дата доступа : 30.10.2019.
20. *Никифорова А. Н. Готический роман А. Мердок «Бегство от волшебника» в интерьере барокко* [Электронный ресурс] / А. Н. Никифорова // Вестник Башкирск. ун-та. – 2006. – № 4. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/goticheskiy-roman-a-merdok-begstvo-ot-volshebника-v-interiere-barokko>. – Дата доступа : 30.10.2019.
21. *Анцыферова О. Ю. Античный код в университетском романе Донны Тартт «Тайная история»* [Электронный ресурс] / О. Ю. Анцыферова // Вестник ННГУ. – 2015. – № 2-2. Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/antichnyy-kod-v-universitetskom-romane-donnytartt-taynaya-istoriya>. – Дата доступа : 02.10.2019.

The dominance of men's writing in the literary canon is destructive to the individual development of women's writing and requires revising the literary norms and the evaluation system of fictional works overall.

Поступила в редакцию 18.12.2019

УСПРЫНЯЦЕ І АСЭНСАВАННЕ СМЯРОТНАСЦІ Ў РАННЯЙ ПАЭЗІІ ЛУІЗЫ ГЛЮК

У артыкуле даследуецца праблема смяротнасці ў паэтычных творах з дэбютнага зборніка Луізы Глюк – лаўрэата Пулітцэраўскай прэміі (1993), паэта-лаўрэата ЗША (2003–2004). Праводзіцца кароткі экскурс у гісторыю згаданай праблематыкі ад старажытнасці да XX стагоддзя. Абраныя вершы разглядаюцца ў шырокім кантэксце эпохі і пануючых літаратурных напрамкаў. Раскрываецца гуманістычная і духоўная глыбіня творчасці Л. Глюк, яе тонкая эмацыйная афарбоўка. Адзначаюцца выразныя характарыстыкі творчасці паэткі, якія будуць стала развівацца ў яе пазнейшых зборніках.

Думкі пра ўласную смяротнасць, непазбежна звязаныя з рэфлексіяй над цялеснасцю ва ўсіх яе праявах, турбавалі чалавецтва з самага пачатку гісторыі. У гамераўскай «Адысеі» цень слаўтага героя Ахіла смуткуе ў Аідзе і марыць пра тое, каб вярнуцца да жыцця, хай нават і простым парабкам, а не цараваць мёртвым над іншымі мёртвымі. Біблія – кніга кніг, якая лягла ў аснову еўрапейскай літаратуры і культуры, – яскрава адлюстроўвае супярэчлівыя пачуцці яе аўтараў. Кніга Ёва поўніцца горыччу і нявер’ем у сэнс існавання, якое непазбежна знойдзе свой канец у нябыце: «А чалавек памірае і распадаецца; адышоў, і дзе ён? Сыходзяць воды з возера, і рака выцякае і высыхае: так чалавек ляжа і ня ўстане; да сканчэння неба ён не прагнецца і не паўстане са сну свайго»¹ [Ёв. 14:10–12]. Эклезіяст засяроджваецца на вартасці зямнога жыцця і заклікае чытача працаваць, кахаць і весяліцца, пакуль гэта магчыма: «Усё, што можа зрабіць твая рука, па сіле рабі; бо ў магіле, у якую ты ляжаш, няма ні працы, ні разважання, ні ведаў, ні мудрасці» [Эк. 9:10]. Разам з тым некаторыя біблейскія прарокі разглядаюць магчымасць уваскрэсення і пасмяротнага шчасця ці пакуты; гэтая тэма знойдзе сваё развіццё ў Новым Запавеце, а потым моцна паўплывае на светаўспрыняцце шматлікіх прадстаўнікоў еўрапейскай цывілізацыі. Найбольш выразным прыкладам гэтага з’яўляецца слаўтая «Боская камедыя» Дантэ Аліг’еры, якая праводзіць чытача праз складана сканструяваныя, бясконца захапляльныя пекла, чысцілішча і рай, дзе памерлыя адчуваюць не толькі боль, але і радасць яшчэ мацней, чым пры жыцці.

У найноўшы час і эпоху літаратурнага мадэрнізму асэнсаванне чалавечай смяротнасці робіцца больш заостраным. Аналізуючы творчасць такіх аўтараў, як В. Вульф, Г. Стайн і Т. С. Эліёт, амерыканскі літаратуразнаўца Дж. Уіцьер-Фэргюсан заўважае, што ў паэзіі і прозе першай паловы XX ст. індывідуальная смерць, чужая ці ўласная, часта губляе належную вагу перад

¹ Пераклад В. С. Сёмухі.

абліччам вялікіх войнаў і шматмільённых ахвяр. Нягледзячы на гэта, мадэрністы не застаюцца абывакавымі да смяротнасці: яны раз за разам падымаюць тэму разбурэння, якое прыносяць вайна, старасць і хвароба, а таксама разбурэння самой мовы, якая ўжо няздольная адпаведным чынам апісаць гістарычныя падзеі і чалавечыя пачуцці [1, р. 207]. Як адзначае расійскі даследчык А. А. Аствацатураў, у паэзіі мадэрністаў асабліва выразна адчуваецца замкнёнасць сучаснага чалавека на сабе, якая вядзе да ператварэння яго жыцця ў чараду пустых форм і паняццяў, у бессэнсоўны і несвядомы хаос; такое аўтаматычнае, дарэмнае існаванне Т. С. Эліёт назваў «смерцю-ў-жыцці» [2, с. 41–42]. Наступныя пакаленні творцаў плённа скарыстаць гэтыя ідэі.

Дэбютны зборнік Л. Глюк пабачыў свет у 1968 г. пад назвай «Першынец» (*Firstborn*). У гэты час на літаратурнай сцэне ЗША дамінавала так званая спавядальная паэзія (*confessional poetry*). Яе прадстаўнікі наважыліся выкарыстоўваць уласную творчасць як форму псіхалагічнай тэрапіі, даволі часта небяспечнай і няўдалай [3, р. 136–138]. Іх асноўнымі тэмамі сталі дзіцячыя траўмы, заганы чалавечай цялеснасці, складаныя адносіны палоў у сучасным грамадстве, і, як вынік, – страх перад жыццём і памкненне да самазабойства, бліскуча выяўленыя ў паэтычнай форме. «Паміраць – / мастацтва, як любое іншае. / Я валодаю ім беззаганна»¹, – пісала ў 1962 г. С. Плат у вызначальным для напрамку вершы «Лэдзі Лазар» (*Lady Lazarus*). Цікаўнасць да тэмы смяротнасці ў амерыканскай паэзіі канца 50-х – 60-х гг. XX ст. параўнальная з мадэрнісцкай па сваёй інтэнсіўнасці, аднак яе вылучае глыбокая інтэрналізацыя і асобаснасць: лірычнае «Я» ў гэтых вершах цесна зліваецца з аўтарскім нібыта як выклік тэорыі імперсанальнай паэзіі, якую высунуў Т. С. Эліёт некалькі дзесяцігоддзяў раней [3, р. 114–124]. Паводле гісторыка амерыканскай літаратуры Р. Грэя, паэты спавядальнай плыні, нягледзячы на свой падкрэслены індывідуалізм, не адрываліся ад нацыянальных традыцый, а багата чэрпалі з іх: крыніцамі натхнення для С. Плат і яе аднадумцаў былі «пурытанская традыцыя медытацыі над апошнімі рэчамі, амерыканскае памкненне да таго, каб зазірнуць у бездань уласнай асабовасці, – і перадусім гарачае перакананне, якое адчувалі такія розныя паэты, як По і Дыкінсан, перакананне ў тым, што ўяўленне ўласнай смерці – гэта найважнейшы, вызначальны жыццёвы досвед» [4, р. 289] (тут і далей пераклад наш. – А. П.)

У дэбютным зборніку Л. Глюк крытыкі заўважылі «характэрную пазіцыю ахвяры», ўласцівую, між іншым, яе сучасніцы С. Плат; займаючы такую пазіцыю, паэтка абвінавачвала ўласнае цела з яго неўтаймаванымі жаданнямі, грубых, нячулых мужчын і саму прыроду ў злачынствах супраць сябе [5, р. 151]. Большасць твораў, прадстаўленых у «Першыцы», раскрывалі тэмы, тыповыя для спавядальнай паэзіі, і абмалёўвалі побытавыя сцэны з жыцця

¹ Пераклад Ю. П. Цімафеевай.

амерыканскага сярэдняга класа, прасякнутыя трывогай, смуткам і нудой. Згадкі пра смерць у іх альбо знарок трывіялізаваныя, іранічна аддаленыя ад усялякага трагізму, альбо выяўляюць песімістычны погляд лірычных герояў на жыццё як кароткі і глыбока бессэнсоўны досвед. Так, шампур – гэта «завостраная смерць» індыхкі, якая стане вячэрай на Дзень падзякі для раз’яднанай сям’і; сонца над морам «куляецца насустрач смерці»; веснавыя кветкі выклікаюць агіду і здольныя «давесці да смерці» адным сваім пахам і выглядам. Але ў двух вершах, дзе зыбкасць жыцця стала вядучым матывам, ужо чуваць выразна эмацыйны голас таленавітай аўтаркі. Гэта вершы «Краіна шчытаморднікаў» (*Cottonmouth Country*) і «Позні снег» (*Late Snow*).

Першы з іх апісвае злавесны пейзаж вакол каліфарнійскага мыса Хатэрас: *Fish bones walked the waves off Hatteras. / And there were other signs / That Death wooed us, by water, wooed us / By land: among the pines / An uncurled cottonmouth that rolled on moss / Reared in the polluted air. / Birth, not death, is the hard loss. / I know. I also left a skin there*¹ [6, р. 60]. Ужо тут праяўляецца надзвычай характэрнае для Л. Глюк супастаўленне індывіда і прыроды на розных узроўнях існавання, а таксама матыў адраджэння праз смерць, які зойме важнае месца ў яе позняй, сталейшай паэзіі. Навакольнае асяроддзе, недагледжанае і забруджанае чалавекам, увасабляе згаданую вышэй «пазіцыю ахвяры», тыповую для лірычнай гераіні «Першынца»: праз апісанне прыроды, якую непапраўна зганьбілі, яна выяўляе ўласнае змаганне з жаночай цялеснасцю і свой цяжкі душэўны стан. Асэнсаванне крохкасці і разбуральнасці ўсяго матэрыяльнага, якое захоплівае гераіню сваёй уладнай непазбежнасцю, прыводзіць яе да атаясамлення самой сябе з жывародзячай змяёй. Як працэсы памірання, так і нараджэння ўяўляюць сабой пераход з аднаго стану ў іншы, што парадаксальна збліжае іх у эмацыйнай афарбоўцы. Самка шчытамордніка становіцца для гераіні сімвалам духоўнага пераўвасаблення ва ўсёй яго складанасці: старое «Я», пакінутае ў мінулым, як змяіная скура, – гэта не бессэнсоўны цяжар, варты таго, каб яго проста скінуць, а сумная непазбыўная страта. Не толькі душэўныя, але і фізічныя траўмы, якія можа перажыць жанчына падчас сталення, зліваюцца ў вобразе змяі, што пакутуе ў радзільных муках, тым самым набываючы аднолькавую важкасць і значнасць. Духоўнае ў творах Л. Глюк не супрацьпастаўляецца матэрыяльнаму, а яднаецца з ім у складанай метафарычнай сувязі.

Лірычная гераіня «Позняга снегу» таксама грае роль уважлівай назіральніцы: *Seven years I watched the next-door / Lady stroll her empty mate. / One May he turned his head to see / A chrysalis give forth its kleenex creature: // He’d*

¹ «Косткі рыб плылі па хвалях ад Хатэраса. / І былі іншыя знакі / Таго, што Смерць чаравала нас у вадзе, чаравала нас / На зямлі: сярод соснаў / Раскручаны шчытаморднік, які выгінаўся ў імху, / нараджаў у забруджаным паветры. / Нараджэнне, не смерць – гэта цяжкая страта. / Я ведаю. Я таксама пакінула там сваю скуру».

*forgotten what they were. <...> / He gurgled from his wheelchair, finally // Dying last Fall. I think the birds came / Back too soon this year. The slugs / Have been extinguished by a snow. Still, all the same // She wasn't young herself. It must have hurt her legs / To push his weight that way. A late snow hugs / The robins' tree. I saw it come. The mama withers on her eggs*¹ [6, p. 67]. Верш пачынаецца згадкай пра архетыпічны тэрмін – сем гадоў, за якія герой чароўнай казкі звычайна праходзіць важнае выпрабаванне альбо вучыцца чамусьці новаму [7, с. 57]. Але перад чытачом паўстае не ўвесь гэты час, які застаецца пераважна ў цемры, а тры пераходныя поры года: вясна, восень і новая вясна. Першая вясна, якая традыцыйна асацыіруецца з абуджэннем прыроды, дае шанс на тое, што да старога чалавека са згубленай памяццю вернецца асэнсаванне рэчаіснасці, але гэтая надзея адразу сыходзіць у нябыт. Восень прыносіць смутак і смерць; новая вясна не паспявае змяніць зіму і амаль пазбаўляе чытача спадзяванняў на адраджэнне і перамогу жыцця. Па кантрасце з першай страфой, якая малое нараджэнне матылька, трэцяя згадвае не толькі пра смерць ўсяго старога, але і пра гібель, літаральна вынішчэнне садовых слімакоў, а чацвёртая – апісвае небяспечны для жыцця снег, які пакрывае дрэвы і птушынае гняздо. Твор завяршаецца на мінорнай ноце: казка не мае бесклапотна шчаслівага фіналу. Пры гэтым нельга сцвярджаць, што ўрокі смутнай рэчаіснасці, у якой жыве лірычная гераіня, – гэта выключна скарэнне перад старасцю, заняпадам і трагізмам лёгка разбуральнага быцця. У вершы «Позні снег» аўтар ускосна параўноўвае жонку, якая ахвяруе сваім спакоем і здароўем, каб даглядаць хворага мужа, з птушкай, якая не злятае з наседжаных яек, каб уратаваць саму сябе ад штодзённай небяспекі – стылага надвор'я. Паэтка Л. Глюк ізноў яднае ў паэтычнай блізкасці чалавека – жанчыну, як гэта звычайна бывае ў яе паэзіі, – і з'явы навакольнай прыроды, гэтаксама адухоўленыя і надзеленыя суб'ектнасцю. Ахвяра ў імя любові і жыцця знаходзіцца ў ідэяна-тэматычным фокусе верша; усведамленне таго, што барацьба, хутчэй за ўсё, мусіць скончыцца паразай, надае яму тужлівую афарбоўку, але не агортвае чытача пачуццём абсалютнай бессэнсоўнасці.

Такім чынам, у найлепшых узорах ранняй паэзіі Л. Глюк асэнсаванне чалавечай смяротнасці прасякнута тонкім эмацыйным пафасам. Увага да ўласных і чужых пачуццяў, да складанага свету жывёл і раслін надзяляе яе лірычную гераіню здольнасцю разважаць аб зыбкасці ўсеагульнага існавання. Як заўважае амерыканскі даследчык В. Бромбэрт, рэфлексія над

¹ «Сем гадоў я назірала за тым, як / Суседка возіць свайго звар'яцелага мужа. / Неяк у маі ён павярнуў галаву, каб пабачыць / Кокан, з якога па цыраце паўзла стварэнне; // Ён забыў, што гэта такое. <...> / Ён як быццам клекатаў у сваім вазку і нарэшце // Памёр мінулай восенню. Мне здаецца, птушкі прыляцелі / Зарана ў гэтым годзе. Слімакоў / Пазабівала снегам. Але ўсё роўна // Яна сама была немаладой. Напэўна, ёй балелі ногі, / Калі яна штурхала такі цяжар. Позні снег абдымае / Дрэва з заранкамі. Я гэта адчула. Мама чахне на сваіх яйках».

смяротнасцю не тоесная апантанасці смерцю альбо макабрычнымі рэчамі, да якіх можна аднесці, апрача іншага, найгоршыя праявы старэчых хвароб, апісаныя ў «Познім снезе». «Парадаксальным чынам асэнсаванне ўласнай смяротнасці дазваляе нам усвядоміць, што мы яшчэ жывем, задаць пытанні пра тое, як жыць, узняць маральныя праблемы» [8, р. 165]. Адчуванне непарыўнай еднасці чалавека і свету, у якім ён жыве, пазбаўляе гераізму Л. Глюк і яе чытача натуральнай боязі перад смерцю і заганами цялеснасці, ператвараючы страх у спакойны смутак. Нават у сваім дэбютным зборніку Л. Глюк не толькі следуе старэйшым і больш дасведчаным сучаснікам, аддаючы належнае актуальнай літаратурнай модзе: між плыняў найноўшай гісторыі, даволі часта пазбаўленай адчування боскай прысутнасці, а разам з ёй – надзей на жыццё пасля жыцця, паэтка становіцца выразніцай усёабдымных ідэй і настрояў.

ЛІТАРАТУРА

1. *Whittier-Ferguson, J. Mortality and Form in Late Modernist Literature* / J. Whittier-Ferguson. – N. Y. : Cambridge Univ. Press, 2015. – 290 p.
2. *Аствацатуров, А. А.* Проблема смерти в поэтической системе Т. С. Элиота // *Фигуры Танатоса: Искусство умирания : сб. статей / ред. А. В. Демичев, М. С. Уваров.* – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 1998. – С. 34–50.
3. *Hayes, P. Robert Lowell and the Confessional Voice* / P. Hayes. – N. Y. : Peter Lang Publishing, 2013. – 150 p.
4. *Gray, R. A History of American Poetry* / R. Gray. – Chichester : Wiley-Blackwell, 2015. – 542 p.
5. *Morris, D. The Poetry of Louise Glück: A Thematic Introduction* / D. Morris. – Columbia : Univ. of Missouri Press, 2006. – 274 p.
6. *Glück, L. Poems 1962–2012* / L. Glück. – N. Y. : Farrar, Straus and Giroux, 2013. – 656 p.
7. *Пропп, В. Я.* Морфология волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М. : Изд-во «Лабиринт», 2001. – 192 с.
8. *Brombert, V. Musings on Mortality: From Tolstoy to Primo Levi* / V. Brombert. – Chicago : The Univ. of Chicago Press, 2013. – 200 p.

This article deals with the problem of mortality in the texts from the first poetry collection of Louise Glück – Pulitzer Prize winner (1993) and US Poet Laureate (2003–2004). A short study into the history of the chosen problematics from ancient times the 20th century is carried out. Selected poems are analyzed in the broad context of the era and leading literary movements. Close attention is paid to the humanistic and spiritual depth of L. Glück's poetry and its delicate emotional overtones. Significant characteristics of her works that will find a stable development in the later poetry collections are revealed.

Поступила в редакцию 25.10.2019

ВОЙНА И НАЦИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ БРИТАНЦЕВ В РОМАНАХ ПЭТ БАРКЕР И ХЕЛЕН ДАНМОР

В статье разрабатывается комплексный подход к интерпретации произведений о Первой мировой войне на материале романов современных британских писательниц П. Баркер и Х. Данмор, изображающих на примере своих персонажей изменившееся сознание британцев в итоге войны. Делается вывод, что писательницы-женщины рассматривают войну как невроз, задействуя такие художественные средства, как натуралистическая детализация психосоматической травмы; метафоризация образа отца в образ государства как олицетворения патерналистской силы; контрастное сопоставление мужских и женских персонажей в реверсии гендерных ролей; использование приема экфрасиса для расширения изображаемого военного опыта; трансформация архетипа призрака из романтического в трагический; метафоризация ландшафта как носителя военной травмы.

В данном исследовании предлагается новый ракурс интерпретации романов о Первой мировой – раскрытие сущностных основ британского национального менталитета, сложившегося в результате воздействия войны на массовое сознание: кризис отношения к Британской империи, государственной политике, классовой иерархии, гендерным стереотипам, а также трансформация архетипа «зеленой Англии родной» (*England's green and pleasant land* [1, с. 233]). «Великую» войну, каковой она вошла в историю Великобритании, и феномен войны в целом П. Баркер и Х. Данмор художественно изображают как невроз массового сознания.

«Женский миф» [2, с. 11] о войне – особая область литературоведческих исследований. Так, даже ранние романы «Это конец» (*This is the End*, 1917) и «Одинокая жизнь» (*Living Alone*, 1919) С. Бенсон (1892–1933) представляют ревизионистский взгляд на войну, «освещают борьбу конфликтующих идеологий на домашнем фронте посредством сложной игры реализма и фантазии» [2, р. 38] с элементами магического, реализуют мотив сопротивления героини концепции женственности, которая использовалась в целях войны. «Возвращение солдата» (*The Return of the Soldier*, 1918) Р. Уэст и «Миссис Дэллоуэй» (*Mrs Dalloway*, 1925) В. Вулф вписывают женский опыт в осознание войны, противопоставляя его мужскому опыту.

Особый интерес представляют современные авторы обоих полов: С. Хилл («Странная встреча» – *Strange Meeting*, 1971), Т. О'Брайен («Вещи, которые они везли» – *The Things They Carried*, 1990), П. Баркер (трилогия: «Возрождение» – *Regeneration*, 1991, «Глазок в двери» – *The Eye in the Door*, 1993, «Дорога призраков» – *The Ghost Road*, 1995; романы «Другой мир» – *Another World*, 1998, «Комната Тоби» – *Toby's Room*, 2012), С. Фолкс («Пение птиц» – *Birdsong*, 1993), М. Брэгг («Возвращение солдата» – *The Soldier's Return*, 1999), Т. Бреслин («Воспоминание» – *Remembrance*, 2002), С. Барри («Долгий путь» – *A Long, Long Way*, 2005), Л. Янг («Мой дорогой, хочу тебе сказать...» – *My Dear, I Wanted to Tell You*, 2011), Х. Данмор («Зеннор во

тьме» – *Zennor in Darkness*, 1993; «Ложь» – *The Lie*, 2014). Тематика их произведений вышла за рамки описания военных сражений и включает новое осознание всемирной катастрофы.

Выступая на Международной научной конференции «Первая мировая война в народной памяти и художественном отражении» в Национальной Академии наук Беларуси в 2014 г., Чрезвычайный и Полномочный Посол Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии в Республике Беларусь господин Брюс Бакнелль выделил три основные реакции на Первую мировую войну в британской культуре. Во-первых, война явилась катализатором новых течений в художественном творчестве, в частности в модернизме, усилив «выражение реакции на технологии, использовавшиеся в Первой мировой войне» [3, с. 26]: тяжелая артиллерия, автоматы, газ и, как результат, беспрецедентное статичное нахождение в окопах. По выражению С. Коул, «модернизм поместил в центр своего внимания насилие и одновременно нашел в сознании пути его переосмысления и эстетизации, не прибегая при этом к превознесению насилия военных лет или его оправданию» [4, р. 295].

Во-вторых, война оказала воздействие на культурную память британцев и скомпрометировала ощущение прогресса цивилизации: масштабы человеческой жестокости пошатнули представления о культурном цивилизованном облике среднего британца как о наследнике великой культуры и подтолкнули к разрушению классовой структуры общества и классового сознания.

Третьей формой реакции на Первую мировую была «гуманистическая» [3, с. 26]. Господин посол имел в виду осознание опыта, переживание травмы, что выразилось в появлении фильмов, романов, стихов о Первой мировой войне. Сила «гуманистической реакции» заложена не просто в сублимации травмы в художественном творчестве, а в провоцировании критического анализа, изучении сознания как глубинной первопричины «болезней цивилизации». Именно для этого и необходим союз между произведением о травматическом опыте войны и критическим его осмыслением.

Кардинальный преобразующий эффект в массовом сознании в 1915 г. Д. Г. Лоуренс связывал с чудовищностью военного времени, что усилилось с его окончанием и беспрецедентным количеством вернувшихся с войны искалеченных физически и психически молодых людей. Х. Данмор подчеркивает, что «Вторая мировая не несла с собой такой преобразующей силы» [5]. Осмысление этих процессов стало возможным гораздо позже, после «потерянного поколения».

Пэт Баркер (р. 1943) заслужила признание и Букеровскую премию благодаря романам о Первой мировой. Трилогия «Возрождение» описывает жизнь участников военных событий, включая известных «траншейных» поэтов У. Оуэна и З. Сассуна, которые в промежутках между сражениями на фронте пребывали в специализированном психиатрическом военном госпитале Крэглокхарт в Шотландии. Там проводились интенсивные терапевти-

ческие процедуры с пациентами, которые вследствие военной травмы потеряли речь, не могли принимать пищу, страдали от сильнейших кошмаров и галлюцинаций, оказались в состоянии психологически индуцированного паралича и мн. др. На протяжении всей трилогии психиатр доктор Риверс решает для себя сложную моральную дилемму: вылечив пациента от контузии и военного невроза, он все равно обрекает его на неизбежную гибель или увечье. Романы психологичны, пронизаны острым осознанием их героями лживой природы войны, чувством вины, страха, подавления, безмерного психосоматического страдания.

В романе «Комната Тоби» П. Баркер решает моральную проблему искусства в связи с войной. Здесь борются пацифистское мировоззрение и долг памяти перед ушедшими и лишенными юности. Будучи аллюзией на «Комнату Джейкоба» (*Jacob's Room*, 1922) В. Вулф и смерть ее брата Тоби в 1906 г., роман П. Баркер изображает травматические последствия войны, во многом опираясь на события жизни Тоби Стивена. Но если трилогия концентрируется на психологической травме, то «Комната Тоби» – на физической, лицевой травме. Главная героиня Эленор, студентка художественной школы Слэйд, а затем медицинский иллюстратор клиники лицевой хирургии им. Королевы Мэри в послевоенное время, теряет на войне своего брата Тоби. Вся ее послевоенная жизнь, творчество и работа посвящены памяти погибшего брата, смерть которого весьма неоднозначна и окутана тайной его гомосексуальных связей.

Хелен Данмор (1952–2017) – лауреат многих литературных премий, ее книги переведены более чем на тридцать языков мира. Действие романов «Зеннор во тьме» и «Ложь» помещено в Корнуолл, откуда на фронты Первой мировой отправились тысячи молодых людей (убито более 6 300 из населения в 350 000). В центре внимания первого романа – не изображение, а переживание войны главными героями: ее участником Джоном Уильямом, страдающим от военного невроза, и его кузиной и возлюбленной Клэр, а также местными жителями, жизнь которых во время войны стала своеобразной тенью этой мировой катастрофы. На фоне таких событий, как уход на фронт сыновей, ожидание их и прочтение в газетах списков погибших, встречи сильно изменившихся солдат в краткосрочном отпуске на родине – важный эпизод биографии Д. Г. Лоуренса и его жены Фриды, когда супругов подозревали в шпионаже в пользу Германии, а затем и вовсе изгнали из полуострова.

Тема войны в творчестве Х. Данмор реализована в образах духов погибших на войне. «Шинель» (*The Greatcoat*, 2012) повествует о первом десятилетии после Второй мировой, когда молодая семья снимает комнату в Йоркшире, в доме, где во время войны пребывал офицер ВВС Великобритании, погибший любовник нынешней хозяйки дома. Изабэль, молодая жена постоянно находящегося на вызовах врача, часто оставаясь дома одна в незнакомом и чужом городе, вдруг видит в окне лицо офицера в военной форме после того, как однажды одевает на себя, чтобы согреться в холодном

помещении, найденную на чердаке шинель. Ее сознание окутывает пелена: она не отличает призрака от реального живого человека и верит, что вступила в любовную связь с живым. Временами ее сознание проясняется, но рубеж между настоящим и прошлым, жизнью и смертью, живыми и мертвыми оказывается транзитным коридором.

В романе «Ложь» призрак преследует вернувшегося в Корнуолл с войны молодого солдата Дэниела, потерявшего на поле боя своего лучшего и единственного товарища и друга детства Фредерика. Дэниел – сирота, выходец из беднейшей семьи, теперь лишен еще и родного дома, который все эти годы был занят другой семьей. Его возвращение в мирную жизнь оказывается вовсе не таким упоительно пасторальным, как пропагандировали военные постеры. Получив от одинокой пожилой женщины домишко и участок земли во владение, Дэниел изо всех сил пытается отвлечься от разрывающих душу воспоминаний с помощью тяжелого труда, однако призрак друга Фредерика и вынужденная и вовсе не преступная ложь уводят его в иной мир с обрыва над морем.

«Между 1914 и 1945 гг. контекст развития британской национальной идентичности изменился» [6, с. 7], – отмечает П. Уорд. «Страна превратила своих юношей в мужчин в процессе воспитания из них патриотов. Но даже и то мужское население, которое не было связано с военными действиями, должно было соучаствовать в становлении нации. Именно поэтому такая форма мужественности, которая предполагала склонность к смелым предприятиям, смелость и силу характера, благородство и отвагу, имела первостепенную важность и самое непосредственное отношение к британской национальной идентичности, воодушевляя молодых людей на защиту Британии внутри страны или содействие в расширении Империи» [6, с. 39]. В романах изображено стремление мужчин доказать в глазах общества свою мужественность, догматом которой в массовом сознании является образ солдата на поле боя. Физическое проявление мужества – основополагающий критерий маскулинности. Те же, кто не соответствует ему, получают характерные ярлыки: «*дегенераты, придурки, слабаки, трусы*» [7, с. 269]. По словам Д. Брауна, «чтобы “быть мужчиной”, неизбежно требуется мужество *in extremis* – такое, которое тотальная война испытывает в полной мере» [8, с. 193]. Эту мысль мы находим в словах одного из героев трилогии Мака: «*М у ж ч и н ы сражаются*» [7, с. 111].

Однако в этот догматизм просачивается новое понимание мужества. Так Билли Прайор вдруг понимает, какое мужество необходимо, чтобы быть и пацифистом [7, с. 111], и психотерапевтом. В романе «Зеннор во тьме» утверждается мужество простых людей, живущих рядом с патрулирующими береговую линию немецкими кораблями; мужество Д. Г. Лоуренса заявлять открыто свой твердый протест войне, будучи женатым на немке: он ходит по деревне и убеждает жителей, что война – это зло. Однако военная пропаганда оказывается сильнее, и люди боятся, сторонятся и ненавидят худого,

болезненного писателя и его речи против войны, отдавая при этом своих детей на бойню. *«Он уже не надеется переубедить их, изменить их мнение – это равносильно тому, как стоять на мелководье и сдерживать прилив войны.... Тот милитаризм, против которого он выступал и писал произведения последние три года, теперь обрел мощь, которую он предвидел»* [9, с. 123]. Этот милитаризм теперь унижает его, читает его письма, допрашивает его друзей, подозревает его жену в шпионаже, запрещает его книги.

Осознание клейма труса или пацифиста в общественном мнении заставляет героев произведений охотно выбирать статус «мужчины действия», который, во фрейдовской терминологии, «никогда не откажется от мира внешнего, на котором он испытает свою силу» [10, с. 30]. Но чем сильнее неудача, тем мощнее травматический эффект: оставшиеся в живых чувствуют «вину выжившего». Нечеловеческое испытание на мужество лишает мужчин их телесного воплощения этого самого мужества: герои страдают от психосоматической истерии с нарушением телесных функций и психических процессов. Гомосексуализм, который все еще был в категории криминального, показан П. Баркер с неприкрытой остротой: Тоби из одноименного романа выбирает смерть – иначе его бы ждал военный трибунал, лишение званий и наград, чести, репутации и даже медицинской лицензии; герой «Возрождения» рядовой Прайор интуитивно понимает, что жить осталось слишком мало, чтобы оглядываться на моральные устои.

Массовая потеря мужского населения привела к гиперболизированной эмансипации женщин. С. К. Кент, обосновывая кризис маскулинности в британской культуре, ссылается на разрушающее половую идентичность влияние Первой мировой, которая «обнаружила свое наиболее существенное и явное проявление в метафорах пола и гендера» [11, с. 261]. К традиционной концепции женственности – покорность, приверженность домашним заботам и услужливость – во время войны добавилась идея служения своей стране, что для женщин выразилось в поощрении рожать больше будущих солдат. Сравнение Германии с государством-насилемником в пропагандистских материалах усиливало восприятие Британии как страны, ассоциировавшейся с честью, порядочностью и добросовестностью. Аскетизм и выносливость – еще одна сторона британского национального сознания, подпитанная войной. Нехватку продовольствия и других товаров все выносили безропотно, воспринимая это как свой патриотический долг, а авиааналеты создавали иллюзию соучастия в общенациональном деле.

С этой иллюзией активно боролась В. Вулф. В эссе «Три гиней» (*Three Guineas*, 1938) она писала, у женщины с пацифистскими взглядами больше нет причин просить своего брата защищать эту страну ради ее безопасности: «Наша “страна” ... на протяжении большей части своей истории относилась ко мне как к рабыне, отказывала мне в образовании и в праве иметь хоть что-то в собственности. “Наша” страна перестанет быть моей страной, если я выйду замуж за иностранца. “Наша” страна отказывается предоставить мне средства самозащиты, вынуждая меня ежегодно платить другим огромные

суммы, чтобы те защитили меня, но в то же время настолько неспособна защитить меня, что прописывает правила защиты при воздушных налетах на стенах» [12, с. 108].

Одним из способов противостояния милитаризму во время Первой мировой в сознании британцев и американцев были призраки. *«Слишком много вдов. Слишком много матерей, которые хотят вступить в потусторонний контакт со своими утраченными сыновьями»* [13, с. 77] – так П. Баркер размышляет о заполонивших гражданскую жизнь Англии спиритических сеансах, на которых женщины отчаянно ищут контакта с духами в свободное от работы на военных предприятиях время. В романе отражен исторический факт популярности спиритизма, который был научно обоснован У. Джеймсом в 1902 г. [14, с. 57–59]. Автор «Возрождения» дает ему новую художественную жизнь, показывая, как общество, возвращенное на достижения науки и техники, способной уничтожать целые города, взывает к миру духов. Меланезийские духи, описанные через экспедиции доктора Риверса в романе «Дорога призраков», напоминают о том, что уровень развития цивилизации не имеет значения, если в силу вступает не поддающаяся научной оценке боль человеческого сердца.

Так архетипический образ призрака (жутковатая местная легенда о привидении в тихом английском домике с садом или замке) трансформируется: оживают призраки иного свойства – духи погибших солдат (такой образ создала еще В. Вулф в романе «Миссис Дэллоуэй»). Улицы городов с возвращением солдат в романе «Глазок в двери» напоминают Прайору призраков; и Прайор и его товарищ по госпиталю Андерсон страдают от повторяющихся ночных видений: призраки то погибшего друга, то взорвавшегося на их глазах целого батальона приходят к ним уже даже не во сне.

У Х. Данмор в описании призраков задействована вся сенсорная образность: Дэниел чувствует запах той особой неестественной грязи, которую он познал в траншеях; являющийся ему дух друга Фредерика говорит голосом, вызывающим вибрацию воздуха, и Дэниел чувствует грубую холщовую ткань его военной формы. *«...Фредерик здесь. Я пошевелился, и он тоже шевелится. Он сейчас спит, потому что ему стоило усилий попасть сюда. Я чувствую реальный вес его тела, которое навалилось на меня. Я обнимаю его за плечи правой рукой, чтобы он не упал. Он весь такой плотный, тяжелый, холодный. Вот откуда я знаю, что он не привидение»* [15, с. 200].

Дж. Берк пишет о том, что отношения британских мужчин со своей страной наиболее символично выразились в ношении военной формы. «Функция униформы ... была не только дисциплинарной. Общеизвестным было мнение, что униформа делала мужчин внешне более мужественными» [16, с. 128]. Все упомянутые романы содержат образ-мотив военной формы, который не просто деталь в физическом портрете персонажей. У П. Баркер это «патриотический жест» даже для проституток, которые считают частью своего национального долга обслужить человека в форме. Призрак друга

Дэниела появляется одетым в испачканную зловонной грязью военную форму; униформу, простреленную пулей, со следами крови присылают родителям Тоби как часть его самого. Печать ужаса и смрада лежит на большинстве изображений военной формы, от нее не веет героизмом или доблестью, она описана, как в романе «Ложь», в грязи, состоящей из гниющих человеческих останков и нечистот.

Особую роль в изображении трансформированного войной сознания в романах играет ландшафт. Во время войны живописные сельские пейзажи в литературе и живописи составили стержневой элемент пропаганды: мирные картины полей и рощиц с деревенскими коттеджами служили подпиткой боевого духа, создавая резкий контраст с тем, какой была земля на фронте, нежную тягу к родной земле, желание защитить ее. Часто картинки размещались в метро и сопровождались буколическими четверостишиями¹. Однако вместо упоительно пасторальной Англии у П. Баркер – изувеченные, выгоревшие, поникшие, почерневшие ландшафты; Х. Данмор представляет Корнуолл, с одной стороны, как сильную своей одинокой стихией средой обитания людей, с другой – это ландшафт, излучающий боль и скорбь о тысячах его сыновей. В романе «Комната Тоби» Пол Таррант, в отличие от официального военного художника, рисует не военную технику, не тела и не раны, а пейзажи, которые *«и есть тела»* [18, с. 234]. *«Дело в том, – говорит он, – что и рана, и опустошенная земля – одно и то же. Это не взаимозаменяемые метафоры, они гораздо ближе срослись друг с другом»* [18, с. 234].

Крушение Империи в сознании британцев началось не с обретения бывшими колониями независимости в середине XX века, а с осознания пропасти между правдой и пропагандой. «Возрождение» начинается с декларации известного поэта и героя войны Зигфрида Сассуна (1886–1967): *«Я считаю, что войну преднамеренно затягивают те, кто обладает властью ее закончить. ... Я считаю, что эта война, на которую я пошел как на войну оборонительную и освободительную, превратилась в войну агрессивную и захватническую»* [13, с. 3]. Его признают душевно больным и отправляют на лечение в Креглокхартский госпиталь к доктору Риверсу.

В романе «Глазок в двери» правительство старается отвлечь общество от надвигающейся опасности и обращает внимание на две группы людей, которые становятся «козлами отпущения» в политике государства – это пацифисты и гомосексуалисты. Многие из них находятся в тюрьмах в нечеловеческих условиях, другие ведут опасную двойную жизнь, а «глазок в двери» становится символом паранойи, охватившей английское общество.

П. Баркер прибегает к приему экфрасиса, изображая пропаганду военной мощи на картинах официального военного художника Кита Невилла – мощи

¹ *Mine be a cot beside the hill / A bee-hive's hum shall soothe my ear; / A willowy brook that turns a mill / With many a fall shall linger near* [17, с. 149] (*Я буду снова здесь, в домишке у холма, / Где ульев звон мой уймёт тревоги, / Где с ивами ручей, течет вода / Журчит и плещется у моего порога*).

военной техники, одержавшей победу. Эленор рисует пейзажи и изуродованные лица молодых юношей – без носа, без челюстей, иногда просто бесформенного месива. С этой беспощадной телесности и начинается сокрушительная победа над культом величия, над попыткой оправдать и облагородить войну. В романе «Дорога призраков» в одном из эпизодов рассказывается о том, что даже в военных госпиталях целые армии навсегда обезображенных и искалеченных юношей скрыты от посторонних глаз. В «Комнате Тоби» местные не могут смотреть в те лица, на месте человеческих черт которых – кровавое месиво. *«Перед ее глазами мелькали лица, очень разные; тела в своих броских униформах были едва заметны. Мужчины без глаз, их вели мужчины с отсутствующими ртами; был один человек без челюсти, все его лицо как-то резко повисло прямо на шее. Мужчины, у которых, как и у Кита, не было носа, а остальное лицо страшно искажено. И еще – лица, которые вообще нельзя было разобрать – из ран торчали розовые трубки, а жутко сощуренные глаза выглядывали над всем этим. Брейгель, нет это хуже картин Брейгеля, потому что эти были настоящие»* [18, с. 137]. Аллюзия на картину фламандского художника XVI в. Питера Брейгеля (старшего) (1525–1569), написанную в манере Иеронима Босха «Триумф смерти» (1562), выступает в качестве темной стороны искусства, которому в итоге войны волей-неволей приходится изображать «смерть в жизни» и «жизнь в смерти» (только эта метафора Дж. Китса меркнет перед ужасом смерти на войне). В видении современных писательниц, роль художника состоит в выполнении функции совести, которая заставляет видеть то, на что смотреть невыносимо, помнить и клеймить войну. К этому пониманию приходит пацифистка Эленор: *«Всю свою жизнь ее воспитывали так, чтобы не знать того, чего ей знать не полагалось. Но незнание не спасло»* [18, р. 23]. Синтез проблем сознания и телесности вызван выдвиганием на передний план в эстетике и культуре второй половины XX в. аксиологического статуса человеческого тела как особого рода гуманистической ценности.

Герои романов П. Баркер и Х. Данмор создают коллективный образ травматического сознания. Картина массовой психологии создается в романе «Возрождение» посредством «рассеивания» отдельных фрагментов сюжетной линии и персонажей с интенсивным выражением их чувства вины, подавленности, стресса и способов сублимации этих переживаний. Билли Прайор проходит через всю трилогию и является воплощением той военной травмы, которая не поддается традиционной терапии, и которая возникает «в историческом контексте, вследствие войны одной нации против другой, блок против блока, жизни против смерти» [8, с. 187].

Классовость сознания британцев отмечается множеством культурологов, социологов, исследователей литературы. В частности, К. Хьюитт пишет: «принадлежность к социальному классу всегда была предметом особого внимания наших писателей» [19, с. 240]. П. Баркер рисует угасание классового сознания и парадоксальный социально уравнивающий эффект войны:

«Одним из парадоксов этой войны – одним из многих – было то, что этот самый жестокий из всех конфликтов привел к таким взаимоотношениям между офицерами и солдатами, которые были ... домашними, что ли. Заботливыми» [13, с. 107]. В романе «Ложь» Х. Данмор также полностью нивелирует классовость, когда два друга детства из разных сословий становятся больше, чем родными братьями.

Высказывание З. Фрейда о роли Отца как нельзя лучше проливает свет на психологию цивилизации как эквивалента индивидуального сознания, далеко не всегда мотивированного осмысленными побуждениями: «То, что начиналось в отношении отца, завершается в отношении группы» [10, с. 80]. «*Мой отец, он крепко верил в войну*» [20, с. 171] – эта фраза из романа «Дорога призраков» точно характеризует коллективный образ Отца, или имаго, как травматическую составляющую сознания, траектория которой неизбежно приводит к детским воспоминаниям героев о состоянии вины, агрессивном чувстве обреченности и беспомощности, неизбежности страдания в качестве расплаты за какие бы то ни было проступки. Отцы поколения изображенных в романах солдат – сторонники войны. Имаго Отца в виде сил цивилизации способно вызвать скрытое чувство вины, настойчивое и травмирующее. Центральный символ «Возрождения» – архетипический образ Отца, приносящего в жертву своего сына, который реализован в произведении в качестве ведущего мотива и подкреплен исторически достоверными документами и библейскими аллюзиями.

В качестве эпиграфа к своему роману «Ложь» Х. Данмор выбрала строки из сборника стихотворных эпитафий Р. Киплинга: «*И если спросят вас, за что вы жизнь отдали, / ответьте им: из-за того, что нам отцы солгали*» [15, с.*]. Это самый всеохватывающий образ лжи на уровне государственной пропаганды, который развенчивается в романе по мере того, как Дэниел читает книгу за книгой из библиотеки состоятельного отца Фредерика, как постигает невозможность сохранить свою человечность в условиях ада, как попадает в ловушку ложных идей и сам поддается невинной лжи, стоившей ему жизни.

В заключение можно выделить несколько важных составляющих, сформировавших новое сознание британцев в результате Первой мировой войны: постепенное осмысление ее как насилия государства над человеком; разочарование в прогрессе цивилизации; разрушение классовой структуры общества; переживание опыта травмы, в том числе массовой – беспрецедентные масштабы военного невроза; изменение отношения к Британской империи; трансформация военного опыта в произведения искусства; сближение со сферой потустороннего, обращение к спиритизму; реверсия гендерных ролей; влияние военной формы на восприятие образа солдата; роль старшего поколения в идеологизации молодых людей; роль пострадавшего ландшафта в развенчивании образа пасторальной Англии. П. Баркер, и Х. Данмор художественно доказали главное трагическое заблуждение культурно-исторического сознания: мы воспринимаем этот внешний мир

лишь как объективную реальность, в то время как писательницы считают войну вирусом, который развивается в сознании, приводя в итоге к «конспиративному» неврозу. В их романах все названные явления, повлиявшие на массовое сознание, получили свое художественное воплощение через натуралистическую детализацию психосоматической травмы; метафоризацию образа отца в образ государства как олицетворения патерналистской силы; контрастное сопоставление мужских и женских персонажей в реверсии гендерных ролей; прием экфрасиса для расширения изображаемого военного опыта; трансформацию архетипа призрака из романтического в трагический; метафоризацию ландшафта как носителя военной травмы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Blake, W. Poems of William Blake*. Ed. W. B. Yeats / W. Blake. – N. Y. : Boni and Liveright, 1920. – 278 p.
2. *Tylee, C. M. The Great War and Women's Consciousness: Images of Militarism and Womanhood in Women's Writings, 1914-64* / C. M. Tylee. – IA: Univ. of Iowa Press, 1990. – 293 p.
3. *Бакнель, Б. Отношение Великобритании к Первой мировой войне: ужасы войны* / Б. Бакнель // Першая сусветная вайна ў народнай памяці і мастацкім адлюстраванні: мат. Міжнар. навук. канф. (Мінск, 7–8 кастрычніка 2014 г.) / прадм. і ўклад С. Л. Гараніна; навук. рэд. А. І. Лакотка; Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі. – Мінск : Права і эканоміка, 2014. – С. 25–27.
4. *Cole, S. Modernism, Male Friendship, and the First World War* / S. Cole. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 308 p.
5. LBF 2014: Helen Dunmore in conversation with Jane Shilling (interview) [Electronic Resource]. – 2014. – Mode of Access : <https://www.youtube.com/watch?v=-o0LO82IxD4>. – Date of Access : 17.11.2019.
6. *Ward, P. Britishness since 1870* / P. Ward. – London: Routledge, 2004. – 238 p.
7. *Barker, P. The Eye in the Door* / P. Barker. – N.Y.: Plume, 1995. – 280 p.
8. *Brown, D. The Regeneration Trilogy. Total War, Masculinities, Anthropology, and the Talking Cure* / D. Brown // Critical Perspectives on Pat Barker / ed. Sh. Monteith, M. Joly, N. Yousat. – Columbia, SC: University of South Carolina Press, 2005. – P. 187–202.
9. *Dunmore, H. Zennor in Darkness* / H. Dunmore. – London: Penguin Books, 1994. – 315 p.
10. *Freud, S. Civilisation and Its Discontents* / S. Freud / Ed. and trans. by James Strachey. – N. Y.: W.W. Norton, 1961. – 127 p.
11. *Kent, S. K. Gender and Power in Britain, 1640–1990* / S. K. Kent. – London : Routledge, 1999. – 384 p.
12. *Woolf, V. Three Guineas* / V. Woolf. – London: Harvest Books, 1963. – 192 p.
13. *Barker, P. Regeneration* / P. Barker. – N. Y.: Plume, 1993. – 252 p.

14. *James, W. The Varieties of Religious Experience: A Study in Human Nature / W. James.* – US: Seven Treasures Publications, 2009. – 284 p.
15. *Dunmore, H. The Lie / H. Dunmore.* – London: Windmill Books, 2014. – 294 p.
16. *Bourke, J. Dismembering the Male: Men's Bodies, Britain and the Great War / J. Bourke.* – London: Reaktion Books, 1999. – 336 p.
17. *Rogers, S. The Poetic Works of Samuel Rogers / S. Rogers.* – US: hansebooks, 2019. – 492 p.
18. *Barker, P. Toby's Room / P. Barker.* – London: Penguin Books, 2013.
19. *Hewitt, K. Understanding English Literature / K. Hewitt.* Oxford: Perspective Publications Ltd, 2008. – 275 p.
20. *Barker, P. The Ghost Road / P. Barker.* – N. Y.: Plume, 1996. – 278 p.

The article identifies the main components of the British consciousness as a result of World War I embodied in P. Barker's and H. Dunmore's novels. The authors view the war as a neurosis, using such artistic means as naturalistic detail in depicting the psychosomatic trauma; metaphoric representation of the state as paternalistic power; contrastive juxtaposition of male and female characters in gender role reversion; use of ekphrasis to expand the depiction of war experience; transformation of the romantic ghost archetype into the tragic one; metaphoric picture of the landscape as a war trauma embodiment.

Поступила в редакцию 20.11.2019

Яо Юань

«АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА» В СОЗНАНИИ АМЕРИКАНЦЕВ КИТАЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В статье рассматриваются история китайской иммиграции в США, влияние концепции «американской мечты» на сознание иммигрантов, трудности в отношениях с белым населением, проблемы их самоидентификации, а также зарождение китайско-американской литературы и ее развитие, тематика и круг проблем, поднимаемых современными авторами.

Американцы китайского происхождения являются частью американского народа, и в их душе живет своя «американская мечта». Они мечтают о равенстве и свободе, о том, что когда-нибудь смогут достичь успеха и подняться по социальной лестнице, ведь в китайском языке *Америка* означает «красивая страна», и они твердо верят, что все их желания исполнятся именно в ней. Многие из них действительно осуществили свою мечту в разных сферах в «Стране возможностей», например, такие известные писатели, как Максин Хонг Кингстон, Эми Тан, Гиш Джен, Бонни Цуй, Дэвид Генри Хван, лауреаты Нобелевской премии Янг Чжэньнин, Ли Чжэндао, Роджер Цянь, знаменитые актеры Брюс Ли, Люси Лью, а также первая женщина азиатского происхождения, ставшая министром, Элейн Лан Чао и многие другие. Их пример побуждает все больше китайцев к переезду в Новый Свет.

Казалось бы, США – идеальная страна для иммигрантов китайского происхождения с их богатой историей и культурой. Однако прошлое этих иммигрантов было горьким, а мечта о свободе, равенстве и стремление к счастью нередко оставались всего лишь грёзой.

В середине XIX в. Китай проиграл две Опиумные войны, что привело к тяжелым последствиям. Чтобы улучшить жизнь и накормить семьи, большое количество крестьян и ремесленников, многие из которых были безграмотными, переехали в другие страны, в том числе в Америку, которой в то время требовалась дешевая и трудолюбивая рабочая сила, что она и получила в лице первых китайских иммигрантов. А когда в Калифорнии нашли золото, миграционный поток китайцев усилился.

Многие китайцы погибли во время долгой и тяжелой поездки на «корабле рабов». Этих рабов называли «кули», или «свиньями», а процесс работорговли – «продажей свиней». Когда кули прибывали в пункт назначения, они сразу продавались различным владельцам и вынуждены были выполнять тяжелую физическую работу на золотых приисках, в сельском хозяйстве или на фабриках. Как и ранние европейские иммигранты, накануне отъезда китайские рабочие подписывали договор, и им заранее оплачивались путевые издержки, но, когда они начинали работать, работодатели удерживали эти расходы из их зарплаты. Это был кабальный труд. Известно, что китайцы трудолюбивы. Кули упорно трудились и мало требовали для себя. Они внесли большой вклад в строительство трансконтинентальной железной дороги, ведущей с запада на восток. Условия труда были очень плохими и опасными, а зарплата – маленькой; в процессе тяжелой работы многие из них умирали. Но, не выплатив долги, они не становились свободными.

Потребность в дешевом труде в Калифорнии продолжала стимулировать рост числа китайских иммигрантов, но это же привело к эскалации анти-китайских настроений и призывам к ужесточению законодательства в их отношении. Уже в 1852 г. в штате Калифорния установили «налог на иностранных шахтеров», по которому все иностранцы, особенно китайцы, должны были платить высокие налоги. Несмотря на то, что с 1860-х гг. в западных штатах по отношению к китайцам нередко совершались акты насилия со стороны белых [1, р. 60], правительство США продолжало набирать дешевых китайских рабочих. В 1868 г. Китай и США подписали Договор Берлингейма, который гарантировал права свободной миграции между двумя странами и равные отношения к приезжим и жителям обеих стран [2, р. 18]. Однако ситуация китайских кули не изменилась.

По мере увеличения количества китайских иммигрантов, и особенно с началом экономического кризиса, появилась концепция «китайской угрозы». Джонатан Х. Ли пишет: «Золотая лихорадка привела китайских иммигрантов в Соединенные Штаты. Они помогли построить Калифорнию, но страх перед китайскими иммигрантами вызвал принятие законов об исключении

китайцев и антикитайскую агитацию»¹ (здесь и далее перевод наш. – Я. Ю.) [1, с. 60].

В результате в 1875 г. конгресс США принял закон, запретивший иммиграцию китайских женщин [3]. Появился термин «общество холостяков» [1, р. 66]. В 1882 г. США приняли печально известный «Акт об исключении китайцев», ставший первым и единственным официальным законом в истории США, направленным против представителей конкретной национальности. Он лишил возможности приезда китайских рабочих, несмотря на их квалификацию, а также запретил любую китайскую иммиграцию и натурализацию уже проживавших в США китайцев. Это «значит, что у китайцев не было права голоса и не было политического влияния, а их социальное положение ухудшилось» [1, р. 100]. Грубому обращению подвергались также дипломаты и студенты [4, р. 148–149]. Более того, в 1888 г. США приняли «Акт Скотта», который запретил китайским рабочим свободно въезжать и выезжать, и все выданные им возвратные сертификаты были аннулированы [1, с. 100].

Оставшиеся в США китайцы страдали от всех видов дискриминации, подвергались остракизму, унижениям и даже жестоким нападениям [1, р. 60]. В течение более 60 лет уважение, свобода и равенство для китайских иммигрантов не существовали – был только «американский кошмар».

Зарождение китайско-американской литературы тесно связано с трудным положением китайских иммигрантов, которое наблюдалось даже до публикации «Акта об исключении китайцев». Самые ранние произведения появились в XIX веке. По словам Дж. Х. Ли, авторы «протестовали против несправедливого обращения и дискриминации» [1, р. 469]. Типичный пример – «Письмо китайцев губернатору Биглеру», написанное Норманом Асингом, китайским торговцем. Оно явилось ответом на антикитайские предложения губернатора Калифорнии Джона Биглера. Автор доказывал, что китайский народ – цивилизованный народ («мы пользовались большинством искусств и достоинств цивилизованной жизни; мы обладаем языком и литературой, и многие из нас имеют знания в области науки и искусства»²; «мы приехали сюда как механики или торговцы и, занимаясь любым достойным занятием»³, мы «сохранили доходы для покупки ферм, городских домов»...). Он писал, что китайцы готовы натурализоваться («многие из нас, а дальше таких будет еще больше, будем жить среди вас»⁴) [5]. Первые произведения

¹ Англ.: “The Gold Rush brought Chinese immigrants to the United States. They helped build California, but fear of Chinese immigrants triggered the passage of exclusion laws and anti-Chinese agitation.”

² Англ.: “we exercised most of the arts and virtues of civilized life; that we are possessed of a language and literature, and that men skilled in science and the arts are numerous among us.”

³ Англ.: “We came amongst you as mechanics or traders, and following every honorable business of life... (our countrymen) save the proceeds of their industry...to spend it in the purchase of farms or town lots...”

⁴ Англ.: “...many of us, and many more, will acquire a domicile amongst you.”

китайских иммигрантов имели, в основном, публицистический или мемуарный характер и были реакцией на несправедливое отношение к китайцам. Это еще не была литература в полном смысле слова, но она уже демонстрировала отличие от произведений материкового Китая, поднимая иные темы и проблемы, прежде всего связанные с вопросом идентификации китайских иммигрантов.

В связи с принятием «Акта» появилась система «бумажных сыновей» (англ. *paper son*): молодые китайские мужчины, которые мечтали о счастье и светлом будущем, покупали легальный статус в виде документов в качестве вымышленных сыновей граждан США китайского происхождения. А когда эти вымышленные сыновья прибывали на Остров Ангела (штат Калифорния), где был создан пункт приема иммигрантов и отлажена система допросов, их держали под стражей в течение нескольких недель или месяцев (а в некоторых случаях даже нескольких лет) для проверки документов. Этот остров был тюрьмой для большого количества китайских иммигрантов и иммигрантов из других стран Азии. С 1910 по 1940 гг., по словам Бена Релтона, «в этой “тюрьме” сидели 20 000 иммигрантов». Это способствовало разрушению их «американской мечты» [6, р. 46].

«Акт об исключении китайцев» был отменен в 1943 г. во время Второй мировой войны, когда Китай и США стали союзниками и сражались плечом к плечу против стран «оси». Однако, вместо старого акта США был принят «Закон об отмене исключения китайцев» (1943) (*Repeal of the Chinese Exclusion Act, 1943*), который разрешал ежегодную квоту только на 105 человек [7], т.е. ограничивалось количество иммигрантов из Китая. Только после публикации «Закона об иммиграции и гражданстве» (1965) ограничение иммигрантов из Китая, а также других азиатских стран было полностью снято. С этого времени как прежние поселенцы, так и новые иммигранты получили возможность осуществить «американскую мечту».

Однако после Второй мировой войны, а именно после провозглашения КНР и начала «холодной войны», положение китайских иммигрантов из Китая осложнялось вопросом: кто они – китайцы или американцы? Из поколения в поколение эти иммигранты уже давно жили в Америке и считали себя американцами. Однако возникал вопрос об их верности стране. Кроме того, в условиях маккартизма никто не был в безопасности, ведь люди китайского происхождения обычно считались в то время «китайскими шпионами». Типичный пример – история китайского ученого Цяня Сюэсэня, который в 1935 г. поехал в США, получил образование, стал специалистом в области аэрогидродинамики и работал в известной лаборатории. «В 1950 г. ему инкриминировали пособничество коммунистической партии и отстранили от работ. Пять лет он фактически находился под домашним арестом» [8]. Только в 1955 г. при помощи правительства Китая он вернулся на родину. Кроме того, в 1950-х гг. в процессе «охоты на ведьм» многие «китайцы» подверглись многочисленным проверкам на лояльность, а некоторых не пускали назад в Китай, вследствие чего они вынуждены были прервать связи со своими родственниками [9].

Сегодня американцев китайского происхождения называют «модельной группой меньшинств» («Model minority»), которое означает, что они «образованы, с сильными семейными связями, трудолюбивы, талантливы и совершают меньше преступлений, чем другие этнические группы» [10].

Однако такой ярлык приводит к непониманию и стереотипизации американцев китайского происхождения. Например, многие американцы из других этнических групп обычно считают, что все американцы китайского происхождения сильны в математике, отличаются скрытным характером или физически слабы. К сожалению, даже теперь существует дискриминация китайцев, особенно когда ухудшаются отношения между США и Китаем и возникают конфликты между двумя странами. Американцы китайского происхождения в первую очередь становятся «козлами отпущения» и сразу подозреваются в шпионаже – они либо сидят в тюрьме, либо теряют работу. Их даже изгоняют из Америки. Например, как пишет Дж. Коэн, по мере эскалации «торговой войны» между США и Китаем в мае 2019 г. университет Эмори закрыл лабораторию китайско-американских супругов, профессоров Ли Сяоцзяна и Ли Шихуа, уволил их и изгнал некоторых работников лаборатории (многие из них – граждане США китайского происхождения), а ведь профессора уже 23 года работали в этом университете! [11]. И это далеко не единичный случай – в условиях «торговой войны» ситуация китайско-американских ученых будет ухудшаться [12].

По иронии судьбы многие ученые переселялись в США: вначале именно «американская мечта» и передовая наука США привлекали их давали надежду на достижение личного успеха. Позднее «американская мечта» многих о «равенстве и возможностях для всех» рассеялась. Они все-таки считаются «китайцами» или даже хуже – «китайскими шпионами».

Отсюда следует, что вопрос «идентичности» и «американизации» создает трудности для китайских иммигрантов с первого дня их приезда в Новый Свет: даже после отмены «Акта об исключении китайцев» и разрешения натурализоваться при ухудшении американо-китайских отношений американцы китайского происхождения считаются нежелательными элементами. Они могут достичь успеха и осуществить свою мечту, как и многие известные лица, однако, даже если они получают американское образование, отлично говорят по-английски, ведут себя как белые американцы и даже сохраняют дистанцию по отношению к исторической родине, их все равно считают «китайцами».

Таким образом, возможно, кроме материального успеха, самая большая «американская мечта» в сознании американцев китайского происхождения – быть настоящими американцами, как люди из других этнических групп страны, и быть признанными обществом.

Проблема идентичности выходит на передний план в творчестве современных американских писателей китайского происхождения, которые начинают занимать все более значимое место в литературе США. Многие из

них (Максин Хонг Кингстон, Эми Тан, Дэвид Хванг, Эрик Лю, Джен Гиш) вглядываются в китайское прошлое своих родителей (дедушек и бабушек) для того, чтобы осознать свое место в современной Америке и связь с предками, нередко обращаясь к китайскому фольклору и черпая идеи из конфуцианства. В жанровом отношении это уже не только мемуарная литература, но и композиционно сложные, интеллектуально насыщенные произведения о людях, иммигрировавших в США без денег, поддержки, друзей, но сумевших влиться в американское общество.

Нужно подчеркнуть интересный факт, что многие китайцы в КНР в самом начале положительно относились к американцам китайского происхождения и считали их «нашими соотечественниками», но сегодня они уже думают не так – для них эти желтокожие люди – не «свои», а «американцы», или, по их словам, – «банан»: эти американцы по внешности выглядят как китайцы, но внутри – белые, их ценности совпадают с американскими, а не китайскими. Именно поэтому китайские читатели из КНР обычно негативно относятся к литературным произведениям американцев китайского происхождения.

Концепция «американской мечты» действительно глубоко укоренилась в сознании китайских американцев. Достижение этой мечты требует трудолюбия, смелости, упорства и твердого характера, которые совпадают с традициями Китая и национальными чертами китайского народа. Важный принцип «американской мечты» – подняться по социальной лестнице – тоже совпадает с китайскими ценностями: родители делают все, чтобы их дети могли жить лучше и богаче, чем они. В наиболее концентрированном виде эта тема решается в романе Гиш Джен «Типичный американец», рисующем китайскую семью, обретающую свой новый дом в США. «Американская мечта» продолжает привлекать самых талантливых китайцев переехать в США, несмотря на ограничения и дискриминацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lee, H. X. Chinese Americans: The History and Culture of a People / J. H. X. Lee. – California : ABC-CLIO, LLC, 2016. – 664 p.
2. Yung, J. Chinese American Voices: From the Gold Rush to the Present / J. Yung, G. H. Chang, H. M. Lai. – California : Univ. of California, 2006. – 462 p.
3. Chinese Exclusion Act // The African American Policy Forum [Electronic resource]. – 2019. – Mode of access : <http://aapf.org/chinese-exclusion-act>. – Date of access : 15.06.2019.
4. 丁则民, «美国通史(3):美国内战与镀金时代 (1861-19世纪末) – A General History of The United States 1585-2000 / 丁则民. – 北京 : 人民出版社, 2002. – Vol. 3: American Civil War and Gilded Age: 1861 – the late year of the 19th century. – 664 p.

5. *Norman A.* A Chinese American Protest [Electronic resource] / A. Norman. – Ipswich, MA: Salem Press; EBSCO Publishing, 2013. – 2019. – Mode of access : https://www.academia.edu/34563072/A_Chinese_American_Protest_Norman_Asing._Defining_Documents_Manifest_Destiny_and_the_New_Nation_1803-1860_.Ipswich_MA_Salem_Press_EBSCO_Publishing_2013. – Date of access : 15.06.2019.
6. *Railton, B.* The Chinese Exclusion Act: What It Can Teach Us About America / B. Railton. – N. Y. : Palgrave Macmillan, 2013. – 74 p.
7. Repeal of the Chinese Exclusion Act, 1943 [Electronic resource] // Office of the Historian. – 2019. – Mode of access : <https://history.state.gov/milestones/1937-1945/chinese-exclusion-act-repeal>. – Date of access : 18.06.2019.
8. Китайская Народная Республика: «Алеет Восток» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.astronaut.ru/bookcase/books/afanasiev3/text/19.htm>. – Дата доступа : 19.06.2019.
9. 黄安年 《麦卡锡主义——美国的法西斯主义》 // 科学网 [Electronic resource]. – Mode of access : <http://ywproject.x10.mx/When%20I%20Was%20a%20Boy%20in%20China.pdf>. – Date of access : 19.06.2019.
10. *Lipin, M.* Chinese Americans: Don't Call Us 'Model Mojority' [Electronic resource] / M. Lipin. – 2019. – Mode of access : <https://www.voanews.com/east-asia/chinese-americans-dont-call-us-model-minority>. – Date of access : 19.06.2019.
11. *Cohen, J.* Terminated Emory researcher disputes university's allegations about China ties [Electronic resource] / J. Cohen. – 2019. – Mode of access : <https://www.sciencemag.org/news/2019/05/terminated-emory-researcher-disputes-university-s-allegations>. – Date of access : 19.06.2019.
12. *Silver, A.* How US–China Political Tensions Are Affecting Science [Electronic resource] / A. Silver, J. Tollefson, E. Gibney. – 2019. – Mode of access : <https://www.nature.com/articles/d41586-019-01270-y>. – Date of access : 19.06.2019.

The paper discusses the history of Chinese immigration in the USA, the influence of the concept of the American Dream on their mindset, difficulties in their relationship with white Americans, problems of the immigrants' self-identification, the growth of Chinese American literature, its thematics and the range of problems contemporary authors deal with.

Поступила в редакцию 27.11.2019

НАШИ АВТОРЫ

Анисимова Мария Александровна – преподаватель кафедры мировой литературы и иностранных языков Полоцкого государственного университета. Тел. (+375214) 42-87-03.

Воробей Анна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики германских языков факультета славянских и германских языков Барановичского государственного университета. Тел. (+37529) 524-55-07.

Гладко Марина Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры речеведения и теории коммуникации МГЛУ. Тел. 294-71-14.

Дзігадзюк Валянціна Паўлаўна – аспірант кафедры беларускай і рускай філалогіі Мазырскага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. Тэл. (37529) 833-06-19.

Зиновьева Кира Андреевна – магистрант МГЛУ. Тел. (+37529) 159-50-96.

Зуевская Елена Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики немецкого языка МГЛУ. Тел. 284-81-31.

Казловская Людмила Павловна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка МГЛУ. Тел. 284-47-48.

Комаристова Инна Игоревна – старший преподаватель кафедры лексикологии английского языка МГЛУ. Тел. (+37529) 686-46-36.

Канопа Виктория – выпускник МГЛУ. Тел. 284-47-48.

Курганова Нина Ивановна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры межкультурной экономической коммуникации БГЭУ. Тел. 209-79-11.

Леус Алла Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры фонетики и грамматики немецкого языка МГЛУ. Тел. 284-81-31.

Ломовая Анжелика Витальевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры стилистики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-63.

Лущинская Ольга Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой международной журналистики БГУ. Тел. 259-70-07.

Неборская Лариса Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой теории и практики немецкого языка МГЛУ. Тел. 284-81-31.

Осмоловская Инна Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой интенсивного обучения иностранным языкам № 2 ИПКиПК МГЛУ. Тел. 284-39-62.

Пятровіч Аляксандра Юр'еўна – аспірант кафедры замежнай літаратуры БДУ. Тэл. 327-12-94.

Рогачевская Марина Станиславовна – доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы МГЛУ. Тел. 288-25-63.

Соловьёва Мария Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и грамматики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-63.

Старасценка Таццяна Яўгенаўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры мовазнаўства і лінгвадыдактыкі БДПУ імя Максіма Танка. Тэл. 327-80-44.

Субота Кацярына Ігараўна – аспірант кафедры мовазнаўства і лінгвадыдактыкі БДПУ імя Максіма Танка. Тэл. (+37529) 128-85-95.

Якубёнок Людмила Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры фонетики и грамматики немецкого языка МГЛУ. Тел. 284-81-31.

Юань Яо – аспирант кафедры зарубежной литературы МГЛУ. Тел. 288-25-63.

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№ 6 (103), 2019

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *Л. А. Тарасевич*

Редакторы: *Е. М. Бобровская, В. М. Василевская,
О. С. Забродская, Е. И. Ковалёва*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 26.12.2019. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 8,84. Уч.-изд. л. 10,18. Тираж 100 экз. Заказ 66.
Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172